СЕМЕН ПЕГОВ

Поэт, военкор, человек года по версии News media

Я И РЫЖИЙ СЕПАР

репортаж под «Градом»

ЗАХАР ПРИЛЕПИН РЕКОМЕНДУЕТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Семен окончил вальдорфскую школу в Смоленске и отделение журналистики СмолГУ. Первым его местом работы было телевидение в Абхазии. Потом он военкор на новостном портале Life. Боевым крещением был Каир. Потом Сирия, Донбасс… Захар Прилепин написал о нем: «Среди спецкоров-военкоров есть тут Семен Пегов, который в статусе личных врагов Майдана пребывает с самого Майдана (он там сидел под снайперским обстрелом три часа, и потом его обвинили в том, что он сам этот обстрел и корректировал) и фигурирует в списке «врагов нации». Семен уже несколько месяцев в Новороссии (до этого был революционный Египет и прочее). Он поэт. Стихи у него отличные. Так что не все потеряно, друзья, не все потеряно. Одни ходят на Марш мира, другие — под обстрелом».

- Сёмен Пегов
  - Наследник по прямой
  - Моторола
    - Танки в Семеновке
    - Репортаж под «Градами»
    - После блокады
    - Штурм депо
    - Донецкий «Дом павлова»
  - Как оставляли Славянск
    - Кедр
    - Фриц
    - Часы от Путина
  - Дети халифата
    - Кошмары фруктовых садов
    - От малого до игилового
    - Ничья пустыня
    - Штат Шатдат
    - Джихад — не калашников
    - Несказка о крысолове
    - Замаскированные
    - Станция метро «Джобар»
    - Четвертая жизнь командира Шади
    - «Русская весна» в Сирийской пустыне
    - Трюфели со вкусом тротила
  - Стихи
  - Копирайт
- notes

○ 1

Сёмен Пегов

Я И РЫЖИЙ СЕПАР

РЕПОРТАЖ ПОД «ГРАДОМ»

Наследник по прямой

«Мы живем, под собою не чуя войны», — написал Пегов.

Очень точно.

У нас все ссылаются на времена, когда не чувствовали под собой страну, и, до хруста в позвонках выворачивая шею назад, толком не могут понять того, что происходит здесь и сейчас.

Понять — и нести за это ответственность.

Обычную ответственность русского поэта.

Пушкин стремился на каждую войну, которая случалась в его времена, и, в сущности, вполне себе послужил волонтером на русско-турецкой. Солдатами были и Баратынский, и Афанасий Фет, и Велимир Хлебников. Батюшков воевал, Лермонтов воевал, Лев Николаевич Толстой воевал, а, в свою очередь, Алексей Николаевич Толстой был военкором. Гражданскую (и не только) прошли Бабель и Газданов, Сельвинский и Туроверов.

Все эти чудесные имена, все эти блистательные ребята — Константин Симонов, Евгений Долматовский, Борис Слуцкий — военкоры, политруки, бойцы, — они чуяли под собой, над собой, вокруг себя войну, причем не только Великую Отечественную, у них все это началось раньше, на всевозможных «аннексиях» — и собственно страну через войну познавали.

Для русской литературы такое поведение было обычным.

«Будет война — поеду на войну», — писал Чехов. Естественно, он поехал бы врачом, как, скажем, в свое время Константин Леонтьев.

В этом смысле что-то надломилось совсем недавно: я даже толком не заметил когда.

Ладно бы еще пацифисты повылезали бы отовсюду — у этих хотя бы убеждения есть, — нет, какие-то новые, удивительные существа: поэты вне политики, вне войны — ну вроде как не их царское дело обращать внимание на всякую там пулеметную трескотню.

Вы можете себе вообразить Пушкина, или Блока, или Есенина, которые сказали бы о себе, что они «вне политики»? Да хоть даже и Бродского. Вне политики, вне империи, вне противостояния. А где тогда?

Бесстрашный военкор Семен Пегов едва ли не один тащит на себе обязательства, которые до недавних пор несла русская литература целиком.

Он не вне войны и не вне мира. Он внутри, как и положено поэту.

И рассказать ему есть о чем.

Сирийские дороги — едва ли кто-то побродил, походил, побегал по ним больше, чем Пегов.

Ближайший друг Моторолы, знающий о нем больше, чем кто бы то ни было, он делится здесь, в своей первой книжке, своими воспоминаниями.

Семен, напомню, поставлял из донецкого аэропорта такие ошеломительные репортажи, что даже Эдуард Лимонов, «военным забавам» (пушкинское выражение) сам не чуждый, процедил о Пегове: очень смелый молодой человек. Это Лимонов, который вообще никого не хвалит, предпочитая лично быть самым смелым среди всех.

Помню потом, как Пегов, в отличном костюме, уже в Москве, получает очередную награду — на этот раз не военную (военные у него тоже имеются), но журналистскую, — стоит среди сияющего глянца, софитов и улыбок. Я поймал себя тогда на мысли: вот эти люди, рядом с Пеговым, они в принципе не могут предположить, где он был три дня назад, что он видел, как там громко стреляют, и как часто убивают, и сколько раз Пегов ловко проходил мимо пули, летевшей ровно в него.

При этом для Пегова выражение лица по типу «я старый солдат удачи» совершенно не характерно. Зная себе цену, он ведет себя так, будто он вовсе ни при чем — ну что-то там было такое, но все эти бесконечные войны и революции, свидетелем которых он являлся и является в постоянном режиме, — вроде как и не коснулись его.

На самом деле, конечно, коснулись.

Как минимум, в итоге мы получили блистательного поэта.

И напоследок, собственно о его стихах, в двух словах.

У нас же как: если поэт — патриот и «за Донбасс», то его поэтическое развитие находится, как правило, на уровне «народников» второй половины XIX века.

Пегов особенно любопытен тем, что при всех своих вполне консервативных взглядах на жизнь и на смерть, при всем своем патриотизме и, с позволения сказать, милитаризме отлично владеет всеми модернистскими и постмодернистскими техниками.

В мировой поэтической традиции Семен Пегов чувствует себя столь же спокойно и ведет себя так же уверенно, как в донецком аэропорту.

Работаем дальше, брат.

Ты на самом удачном пути.

Захар Прилепин

Моторола

Танки в Семеновке

— Сжали булки, следующие тысячу метров простреливаются насквозь укроповскими танками и БМП. Воха, топи… — Моторола перекрикивает задувающий в окна «мицубиси-аутлендера» пригорелый воздушный поток и делает музыку на полную громкость.

Воха — водитель и правая рука Моторолы — разгоняет джип до ста сорока, меня швыряет из сторону в сторону на заднем сиденье — на такой скорости он резкими зигзагами объезжает хвостовики мин, которые торчат иголками на изрядно потрепанной обстрелами трассе.

— А на этом перекрестке даже я иной раз глаза зажмуриваю. — Пролетаем развилку на Харьков — по правую руку изрешеченная стела «Славянск». — Украинский танкист — мы дали ему кличку Ровно — пристрелялся по этому месту, у него ствол постоянно сюда направлен — корректировщики, когда засекают машину, дают ему отмашку, а дальше у него все отработано. Когда едешь больше ста двадцати, шансов, что в тебя попадет танковый снаряд, мало, осколками может задеть… А вот ребята наши тут недавно замешкались на «газели» — так их в клочья разнесло.

В подтверждение его словам раздается трескучий грохот, задницу джипа подкидывает, я бьюсь головой о потолок. Хорошо, думаю, что в каске. Моторола оборачивается на меня и ржет, Воха лыбится.

— Если услышал разрыв танкового снаряда — не ссы, значит, живой остался. Звук от выстрела долетает с двухсекундным запозданием, то есть, когда ты слышишь, снаряд уже разорвался и опасность позади… — делится ополченец фронтовой мудростью, — правда, никто не гарантирует, что не будет второго удара, поэтому чересчур расслабляться все равно не стоит.

Бросаю взгляд на спидометр, убеждаюсь, что полет нормальный. Воха делает залихватский вираж, мы влетаем в стойло, напоминающее автомастерскую или мойку.

— Бегом из машины, — поступает команда, и я истеричным кувырком выкатываюсь в пыль передовой. — Спрячься за стенкой, голову не поднимай.

Пробежать нужно было метров десять, но моим легким они показались как минимум стометровкой. Прислонился спиной к стене, пытаюсь отдышаться. Моторола поясняет:

— Тут дня три назад Фомича со Стениным привозил, только мы припарковались — танк еблысь. Хорошо, что танкист

промазал — снаряд разорвался в крыше. А у Фомича — с его стороны дверь заело, он ее толкает плечом, и все никак… Ну ты представляешь Мишу, оборжаться.

Миша Фомичев, он же Фомич, в те времена оператор Life, уже пару месяцев торчал на Донбассе. Андрей Стенин — фотокор «России сегодня» — тоже не вылезал из Славянска. В 2013-м мы втроем исколесили всю Сирию. Теперь встретились здесь. Они и познакомили меня с Моторолой накануне вечером.

* * *

Километрах в трех от гостиницы «Украина» минометный обстрел. На улице Шевченко в центре Славянска к середине июня 2014-го не было ни света, ни воды. Поэтому все ужинают при свечах, шахтерский фонарик на лбу — необходимый атрибут каждого постояльца. В отеле живут только российские журналисты. Работающих заведений в городе не осталось. Темными вечерами на внутренней площадке почирканного осколками постоялого двора военкоры жарят мясо на углях. Даже почти ночью в этих краях за тридцать, поэтому все стараются держаться подальше от мангала. Несмотря на жар, жрать хочется нестерпимо. За ограждением — голодный и пустой город. Остались те, кто просто-напросто не смог уехать, в основном пожилые люди. Молодежь из рабочих семей ушла в ополчение и сидит сейчас в окопах под обстрелом. Местный бомонд рассосался, как только стало понятно, что Донбасс не крымский вариант.

Славянск окружен подразделениями ВСУ, действует комендантский час. У гостиницы трутся разве что псы, прибежавшие на запах шашлычной копоти. Продюсер Игорь протыкает сочные куски мяса перочинным ножичком — вроде бы вот-вот будет готово. Компания военкоров деловито оживляется, тени в поисках пластиковых тарелок мельтешат вокруг стола. И вдруг убогая трапезная озаряется неестественным для этого времени суток светом. Мы ловим недоумевающие взгляды друг друга. Похоже на салют, но в замедленном действии. В небе разрываются снаряды, светящиеся осколки которых виноградными гроздьями медленно стекают к земле. Когда они достигают поверхности, клочки земли вспыхивают тягучим ядовитым пламенем. Семеновка — главный форпост обороны Славянска — горит. Все хватаются за камеры. Но на таком расстоянии ни черта не снимешь. Ехать в этот огонь — безумие. Возвращаемся к столу, ждем новостей с фронтовой линии. Тени с

пластиковыми тарелками перемещаются поближе к гостиничному подвалу, мало ли что. Невиданные вспышки могут быть предвестниками чего угодно. Например, финального штурма блокадного города. А значит, артиллерия ВСУ начнет работать со всех стволов.

Сырой, но просторный подвал «Украины» не раз спасал от минометных осколков. Звуки боя в Семеновке долетают обрывками, военкоры пережевывают шашлык громче. И снова слепящий свет, на этот раз с земли. Оглушающая и утробная отрыжка сабвуфера.

У отеля рывком затормозил джип цвета хаки. В душном воздухе на всю округу — рэперский речитатив. Из машины выпрыгивает вооруженный человечек в космокаске, облепленный латами.

— Добре, молодые люди! — Моторола копировал украинский акцент. Он учил мову, чтобы с изыском троллить врага во время радиоперехватов: «Снова на изжоге тут сидите?»[1]

Тут же появлялась еще одна тарелка, наполненная мясом, — для полевого командира. Шумная компания подчеркнуто замолкала, тени тесно обступали ночного гостя. Стартовал ночной выпуск новостей с фронта — от Моторолы.

— Укропы обстреляли Семеновку фосфорными боеприпасами, горит с десяток домов. Сначала мы их приняли за обычные «лампочки» — осветительные мины. Такие обычно используют во время наступления пехоты или чтобы засечь диверсионно-разведывательные группы противника. Ущерба от «лампочек» — практически никакого. Другое дело — «зажигалки». От фосфора воспламеняется даже голая земля, а дома вспыхивают моментом. И главное хер потушишь. Двоих бойцов уже увезли в госпиталь с химическими ожогами. Плюс ядовитый дым: пацаны задыхаются в окопах и блиндажах. Бандерлоги хотят, короче, выкурить нас из Семеновки, в открытый бой ссут идти, — резюмирует ополченец. — Видео фосфорных обстрелов скинуть?

Тут же появился технарь с ноутбуком. Телефон Моторолы, через камеру которого половина страны наблюдала самые опасные моменты вооруженного противостояния в Славянске, бережно подключили к компьютеру. Моторола, как всегда, торопился — Первый (так бойцы называли Стрелкова, в ту пору министра обороны ДНР) нарезал ему задач. ВСУ могли пойти на прорыв на любом участке обороны, выстроенной на скорую руку. Однако гранатометную группу, которой руководил Арсен, даже спецназовцы СБУ побаивались. Ребята действовали не просто бесстрашно, но и креативно. Любая стычка с ними выходила противнику боком. На Славянском фронте, как вы понимаете, их

талант был востребован.

Когда была свободная минутка, Моторола и его помощник Воха заскакивали к журналистам в гостиницу «Украина». Здесь была возможность разнообразить ежедневный окопный рацион, состоящий из сухпайка, свежеприготовленным мясом.

К тому же здесь был единственный безопасный в городе водоем — бассейн метров шесть длиной. От воды едко разило хлоркой, вдоль бортика стояли некогда гламурные шезлонги. После беготни на передовой ополченцы не упускали возможности освежиться, с водой действительно были напряги. (Через пару недель жидкость в этой купальне стала непригодна для плавания — позеленела от количества пота, вероятно. Военкоры по утрам ванные процедуры принимали там же.)

Мотор засобирался, мы еще не были знакомы, я только что каким-то чудом пробрался в блокадный Славянск, объезжая полями блокпосты ВСУ. После того как Марата Сайченко и Олега Сидякина — оператора и корреспондента Life — взяли в плен украинские военные, здесь же неподалеку, в соседнем Краматорске, шансов проехать через жовтоблокитное КПП у меня не было. Нас, хоть сколько-нибудь узнаваемых российских журналистов, внесли в списки пособников террористов и объявили в розыск. Пришлось петлять козьими тропами.

— А это ты, что ли, с «Лайфа» — Пегов? — перед тем как уйти, обратился ко мне Моторола.

— Я, — говорю.

— Передай вашим Сайченко и Сидякину, если их встречу — сам на подвал посажу. Они в плен попали, а разгребать, получается, мне. Теперь меня каждая собака знает… Не только в Укропии, но и в России.

Конечно, Моторола прославился еще задолго до этой истории с пленом. Правда, лицо его на экране никогда не появлялось. С самого начала боевых действий в Славянске он снимал спецоперации ополченцев на мобильник, который прикреплял на груди. Параллельно — поскольку командовал гранатометной группой — раздавал подчиненным указания во время боя, иной раз сопровождая их искрометными комментариями.

Свои ролики он потом отдавал на телик, совершенно бескорыстно, из творческого азарта. Довольно быстро его своеобразный голос — высокий, с уникально динамичной интонацией — стал узнаваем и звучал со всех центральных каналов. Моторолу вполне устраивала роль человека за кадром, торговать лицом он не стремился, да и статус не позволял. На Донбасс он пришел с группой российских добровольцев, нелегально пересек границу с Украиной, четкой линии фронта не

было, эсбэушники в штатском кишели в шахтерских городках, поэтому те ополченцы, которые выполняли специальные задачи, иной раз в тылу противника, перед камерами предпочитали появляться в балаклавах. Так делал и Моторола. Лицо ему пришлось открыть, чтобы защитить моих друзей и коллег из Life от ложных обвинений. Пока Марат и Олег находились в камере, в Сети появилось очередное видео боя, отснятое Арсеном. На «Эхе Москвы» тогда вышла заметка: якобы наших журналистов задержали за дело, ведь голос, раздающий команды во время атаки на украинский блокпост, принадлежит одному из них. Чушь несусветная, но вони тогда поднялось — мама не горюй. Парням и так светило до пятнадцати лет тюрьмы за пособничество террористам, а тут еще масло в огонь подливают. Стрелков поступил гуманно по отношению к моим коллегам и негуманно по отношению к Мотороле, а именно дал команду без маски пообщаться с журналистами, чтобы было понятно, кому голос принадлежит на самом деле. Его инкогнито растоптали сотни тысяч просмотров. Невысокий рыжеватый парнишка с своеобразной манерой излагать мысли очень быстро стал эдаким брендом «Русской весны» на Донбассе.

Другой вопрос: надо ли это было ему? Спустя два года войны он стал уже по-настоящему медийной персоной. Когда мы встретились в относительно спокойном Донецке, Моторола утверждал, что не хотел этого. Кокетства в нем не было никакого. Правда, если в 2016-м он с ролью смирился, то во время обороны Славянска популярность его раздражала.

— Возьмешь, — спрашиваю, — завтра на передовую?

— Да тут очередь из желающих… А мне как будто заняться нечем.

— Ты меня только забрось, познакомь с ребятами, а дальше я сам.

— Мне рассказывали, ты в Сирии был и в Крыму работал… Ладно, возьми мой номер у Фомича и набери часов в девять.

* * *

Автомойку, за стеной которой мы с Моторолой и еще десятком ополченцев прятались от меткого украинского танка, на местном сленге называли «Метелицей». До того как противник начал применять различного калибра артиллерию, здесь, рассказывали, были еще и мини-отель с кафе. Судя по всему, с одноименным названием. Придорожный комплекс к моменту моей первой вылазки на передовую представлял собой руины.

Похожих разрушений полно в Сирии, где война идет несколько лет, — аналогичный пейзаж стараниями ВСУ был создан в Семеновке за пару недель.

— От этих фосфорных снарядов днище рвет нереально просто, — по-свойски пожаловался боец, расположившийся по соседству. В отличие от меня он не так истерично прижимался к стене, в голосе чувствовалась фронтовая вальяжность. — Пацаны вчера надышались этих фосфорных газов — полночи срать бегали. Грешили на повара сначала, а потом вспомнили, что ничего, кроме сухпая, за день не жрали, а от него же, наоборот, ну сам понимаешь — неделю просраться нельзя, а тут такое расслабление… Методом логического исключения пришли к выводу — все из-за дыма.

— Док, харе корреспондентов стращать, — прервал его философские рассуждения Моторола, повернулся ко мне: — А вообще он прав. Если опять начнут химией забрасывать, постарайся особенно не дышать…

— Как, — спрашиваю, — не дышать?

— Как все… Воха, ну что думаешь, отстрелял он боекомплект и ушел на перезарядку?

Забыл сказать. Все это время, пока мы сидели за стеной и разговаривали на физиологические темы, по зданию херачил танк. Со стен сыпалась белая труха. Хорошо, что между нами и гусеничным чудовищем (именно так я его представлял) не менее трех перекрытий, да и прямых попаданий было не так много…

— Да, скорей всего, ушел на перезарядку, — отозвался Воха.

— Бегом в машину, — скомандовал Моторола, — у нас есть пара минут, чтобы отсюда съ…ться.

Оказывается, «Метелица» в нашем маршруте — лишь перевалочный пункт.

— Они мой телефон пеленгуют, — объяснял Моторола уже в машине, — поэтому пацаны на позициях очень не любят, когда я приезжаю. Благодаря Life я теперь личность известная, и укропы объявили на меня охоту. Стоит мне появиться на передовой, туда сразу же наваливают со всех стволов. Спроси вон — у Вохи.

Тот кивнул.

— Я как бы верю, — скромно выдавливаю из себя ремарку: после танкового обстрела состояние мутное. — А сейчас мы куда? — пытаюсь поддержать разговор.

— К клубу или Дому культуры, называй как хочешь. Он сейчас горит. Ночью подожгли, фосфорными снарядами как раз. Там этой дряни рассыпано вокруг хоть обснимайся.

— Замечательно, — говорю.

Воха тут же разгоняет «аутлендер» до ста двадцати и

выскакивает на параллельную трассе проселочную дорогу. За нами облака деревенской пыли, на колдобинах никакие джиповские рессоры не помогают, тем более на такой скорости.

Мы петляем в частном секторе, уже инстинктивно догадываюсь: чем дорога прямее, тем опаснее. Зигзаги — одно из средств защиты. Также залихватски, как и десять минут ранее, тормозим у деревенского домика на окраине села.

— Народ, спрячьте корреспондента в подвал, сейчас сто процентов начнут 82-ми обкладывать, столько пыли подняли, корректировщики не могли не заметить, Воха, ставь машину вплотную к забору.

Под 82-ми подразумевался минометный обстрел. Калибр мелкий, но неприятный. Веду себя суматошно, страсть как не люблю подвалы, там сыро и душно: у меня астма.

— Переждем чутка и дальше пешком, — подбадривает Моторола.

На этот раз обошлось без обстрела, мы выдвинулись к горящему клубу: здание потрескивало метрах в пятистах. Тропинка к нему была усеяна осколками и минными хвостиками. Вокруг них выгоревшие пятна желтовато-порошкового оттенка. Моторола поднимает с земли небольшой, как будто игрушечный парашютик:

— Вот на таких они спускают на нас «лампочки». Осветительные мины то есть. Летят медленно и в общем не опасны. А это, — показывает на болванку в сыпи, — и есть фосфорно-зажигательные боеприпасы. Они летят с таким тягучим и шуршащим свистом, скорость не высокая, предназначены не столько для пехоты, сколько для строений. От фосфора загораются даже голые камни. Укропы, наверное, думают, что мы в домах сидим по всей Семеновке и спим на кроватях, мол, частный сектор подожгут этой своей химической дрянью, мы и убежим. Только вот не учли, что у нас вся деревня окопами уже изрыта, древний и самый надежный способ обороны. В окопах и фосфор любой по барабану, разве что у кого желудок слабый, — иронизирует Моторола.

Заходим в тлеющий Дом культуры, обгорелые ребра кирпичей выглядят голо и беспомощно, спускаемся на цокольный этаж — там прячутся несколько ополченцев.

— А мирные, — спрашиваю, — в деревне еще остались?

— Да, две-три семьи. Но это, кажется, там, на нижней улице, недалеко от кладбища, ближе к речке. Одна семья вообще с маленькими детьми. Ну и старики совсем одинокие, которые наотрез уезжать отказываются.

— Можем к ним съездить? — прошу Моторолу.

— Съездим, только заскочим на базу, возьмем детям чего-нибудь пожрать.

Базу я представлял себе иначе. Это оказался довольно мрачный подвал, свет туда проникал через узкие оконца, которые располагались аккурат под потолком, ну и, конечно, через дверь вверху лестницы, которая во время затишья не закрывалась. К проему были выведены две большие, в половину человеческого роста, колонки. Сложная система проводов соединяла их с плеером.

— Это мой диджейский пульт, — пояснил Моторола.

И часа общения хватило, чтобы понять — музыка в его случае такой же неотъемлемый атрибут войны, как автомат Калашникова.

— Сейчас устроим для вэсэушников утреннюю дискотеку, пускай потанцуют. — Моторола нащупывает в плеере нужную композицию, параллельно объясняя — до ближайшего блокпоста противника метров триста, колонки мощные, добивают, слышимость отличная. И вот уже из динамиков на полную громкость раздается рефрен омской группы «Грот»: «Это вселенная делает детей русскими». Ополченец покачивается в такт, подражая рэп-исполнителям: — Раньше я, как положено, по часам намаз врубал. Украинские СМИ истерили: в Славянске воюют чеченцы, чуть ли не спецназ Кадырова. Я подумал: зачем развеивать слухи, пусть боятся, стал поддерживать легенду. Потом, мне всегда нравились песни Тимура Муцураева — это бард чеченский, воевал на стороне боевиков в первой кампании, поддерживал ичкерийцев. Тексты у него в основном на исламскую тему, но, если человек талантлив, я его уважаю вне зависимости от идеологии. Вот получалось так, что он вроде как про джихад пел и все в таком духе, но некоторые слова были близки и обычным русским солдатам. Я дважды за годы службы в армии ездил в командировки в Чечню, вторая кампания как раз шла, так у нас пацаны постоянно слушали Муцураева… Я к чему: для укропов это вообще вынос мозга…

— Так он нас для поддержания легенды и бороды заставил отрастить, — добавляет Воха, кивая на Моторолу: — Как-никак, они в бинокль наблюдают за нами, а с длинной бородой любого можно за чеченца принять.

— Для того чтобы полного соответствия добиться, — смеется полевой командир, — я ребят из своей группы, когда мы выходили кошмарить украинские блокпосты, перед выстрелом из РПГ, например, заставлял кричать «Аллах акбар!!!». Сначала пацаны неохотно это делали, но потом я назначил премиальные: выдавал особо голосистым дополнительный боекомплект. С

боеприпасами дефицит, двадцать пятые ВОГи для подствольных гранатометов вообще на вес золота. А бойцы у нас не любят экономить, хлебом не корми дай пострелять. Ну а у меня, как у командира группы, дополнительные запасы есть.

— А сейчас почему Муцураева не ставишь? — спрашиваю.

— В штабе джихадить запретили, — не без сожаления констатирует Воха.

— «Джихадить»?

— Ну мы так свои диверсионные вылазки называли. Но теперь командование считает, что чувства верующих можем оскорбить, — расшифровывает слова Вохи командир, — так что намаз с Муцураевым под запретом. Да и вылазки тоже… Полностью переключились на оборону. Ну вот бороды брить нас никто не заставит. — Моторола окидывает подчиненных ехидным взглядом. Не у всех борода выглядит аккуратно, у кого-то она растет смешными клочками. Да и сам командир не может похвастаться густой «лопатой». Рыжий пух хаотично усеял его подбородок, но отступать Моторола не намерен: — Мы с ребятами из моего отряда поклялись друг другу, что побреемся, только когда война закончится. В день победы!

Местный завхоз собрал нам пакет с продуктами — для семьи, которая живет на нижней улице. Как выяснится чуть позже — прямо на линии огня. Грузимся в «аутлендер», Воха опять ведет джип замысловатыми зигзагами.

Обычный деревенский дом. Жена с мужем, двое детей, больная бабушка. Продукты пришлись кстати.

— Чего же, — спрашиваю, — вы не уезжаете?

— Да некуда ехать… — слегка флегматично отвечает женщина.

— А как же обстрелы?

— Прячемся целый день в подвале…

Понимаю, что ее нездоровая отстраненность — следствие перманентного шока. Двое малышей — Антон счастливо повисает на ополченце, четырехлетняя Вера тоже улыбается в коляске. Вот только взгляд у нее чересчур умиротворенный. Девочка тяжелобольна, у нее врожденная микроцефалия. Не говорит и почти не слышит.

— Поэтому и обстрелы ей не страшны, — объясняет мать.

— Мы предлагали их эвакуировать, — докладывает Мотороле рядовой, который сопровождал нас к дому, — но в Славянске им негде остановиться, жить беженцами не хотят, здесь, говорят, хотя бы своя крыша над головой есть.

— Да, я в курсе… Тут вчера ребята из «Комсомолки» были — Коц и Стешин, они обещали найти мецената, чтобы обеспечил

жильем в России и работой. Думаю, со дня на день вывезем… Вот по кому эти суки стреляют? — риторически обращается ко мне Моторола. — Ты видишь где-нибудь тут поблизости штаб ополченский или точку огневую?

Демонстративно оглядываюсь. Конечно же ни штабов, ни огневых точек в обозримом пространстве нет. Моторола недвусмысленно намекает, что у него полно дел и наше путешествие окончено. Я отказываюсь возвращаться в гостиницу.

— Ладно, — соглашается, — пойдем, я тебя с пацанами на передке познакомлю. Потусуешься с ними. Воха, поехали к Викингу на позиции.

Когда я выезжал в Славянск, думал, встречу здесь «зеленых человечков» — таких же, что в одно мгновение появились в Крыму, как опята после дождя выросли вокруг каждого мало-мальски административного пня. То есть, попросту говоря, российскую спецуру в масках, десантников, ну и бог знает кого еще из военных закромов нашей родины. Запрыгнув в первый же окоп на линии соприкосновения с ВСУ, я, мягко говоря, опешил.

Тут не было атлетичных контрактников с солдатской выправкой и пионерским настроем. Я увидел усталые лица, в которые въелась фронтовая копоть, — ребята лет двадцати с героической безуминкой в глазах сидели плечом к плечу с выжатыми насухо фигурами сорокалетних мужиков. Первые были дворовыми пацанами, вторые — прирожденными работягами с шахтерским прошлым. По окопам гулял знойный степной говорок, их можно было назвать «ватниками» и «колорадами», да кем угодно, но точно не спецназом ГРУ.

Моторолу здесь приветствовали не по армейскому уставу, но с подчеркнутым уважением. Формально он не был большим командиром, но его знали все и ему доверяли больше, чем штабным. Потому что свой — с передка не вылезает. Наперебой начали сообщать новости: «Минометы с утра молчат», «На тот берег подошла новая техника». «Скорей всего — самоходные артиллерийские установки, но укропы их еще не расчехляли». «На нижней улице — маячили два подозрительных типа, возможно корректировщики…»

— Тише! — внезапно в крик зашептали откуда-то справа. — Кажется, танк опять завелся…

Все замолчали, и стал четко слышен нарастающий гул техники. От волнения показалось, что танковый двигатель работает метрах в пятидесяти от окопа.

— Перезарядился, значит, — посмотрел на меня Моторола с вызовом, — у тебя есть секунд тридцать, чтобы добежать до подвала, пока он займет позицию и начнет стрелять.

— Да я лучше здесь, с вами побуду…

— Не обосрёшься от страха?

— А что, надо?

Я расправился в полный рост — было это, конечно, полной дуростью, — но тогда я не понимал. Решил, Моторола меня проверяет: как там в Сирии на самом деле. Первый трескучий разрыв осыпал наши лица комочками земли, я не шелохнулся. После второго посмотрел на Моторолу, тот покрутил пальцем у виска:

— У тебя там в Сирии, что ли, совсем забрало упало? — Пожимаю плечами. Упрямое безрассудство его задело. Соревноваться в смелости — глупая затея. — По моей команде с интервалом в пять-шесть метров бежим до машины, остальные в подвал.

Рявкает третий.

— Бегом!

Наступая на пятки Вохи, добегаю до джипа, на ходу захлопываю дверь, пока разворачиваемся, успеваю щелкнуть картину: раздетый по пояс старик, несмотря на то что украинский танк расстреливает соседние дома в упор, продолжает полоть картошку. Через минуту мы уже вне зоны поражения. Подбросили до гостиницы, прежде чем выйти из машины, спросил:

— Завтра возьмешь с собой?

— Ты вроде крепкий… Звони… Только не высовывайся больше из окопа.

Я, конечно же, не сказал Мотороле, что никогда до этого не попадал под танковый обстрел.

Репортаж под «Градами»

На какое-то время Моторола пропал. Сделать это в Славянске — небольшом городке, полностью окруженном подразделениями ВСУ, — было практически невозможно. Но ему это удалось. Телефон не отвечал. Постовые у стрелковского штаба разводили руками, мол, не появлялся.

Я решился сгонять на Семеновку без сопровождения, разузнать, что да как, — гранатометная группа Мотора была чуть ли не главным звеном в обороне сепаратистского форпоста. В слове «сепаратист» многие здесь не видели ничего предосудительного, гордую фразу «Да, я сепар, мы отделились от Украины, мы хотим жить в своем государстве» в окопах можно было услышать довольно часто. Это я к тому, что местные шахтеры и работяги, взявшие в руки карабины — да, автоматы доставались далеко не всем, большая часть ополчения была вооружена старыми добрыми СКСами, — совершенно осознанно нарушали территориальную целостность Украины, всячески сопротивлялись тому, чтобы оставаться ее частью. По крайней мере, в тех политических рамках, которые установила победа Евромайдана.

Семеновка — деревенька под Славянском — смело могла называться столицей юго-восточного сепаратизма. В Донецке, да и в других городах, конечно, люди штурмовали администрации, райотделы милиции, управления спецслужб, но настоящая война началась именно здесь. А Семеновка и Моторола уже тогда в сознании любого, кто следил за событиями на Донбассе, слились в одно целое. Поэтому я туда и направился. Благодаря Мотороле, который периодически вывозил меня на передовую, я познакомился там с киевлянином Кедром, ребятами из Запорожья — Боцманом и Кирпичом и даже с одним грузином Гоги. Короче, я знал, к кому обратиться.

Таксист Саня, дежуривший у гостиницы «Украина», где тусовались все российские военкоры, любезно согласился рискнуть и добросить меня до центрального семеновского блокпоста, дальше я, разумеется, сам. По памяти добравшись пешком до Кедра, я попросил ребят из его отряда отвести меня к Боцману — самого киевлянина в расположении не оказалось, что также наводило на тревожные раздумья. Не было на месте и Боцмана с Кирпичом, куда-то запропастился даже грузин Гоги. Я отчаялся, но решил выяснить хоть что-то, раз уж приехал. Люди Кедра безрадостно — ну кому охота рисковать жизнью, не имея на то веских оснований, — отвели меня совсем уже на передок к

Викингу, где я попал под танковый обстрел, впервые оказавшись с Моторолой на Семеновке.

— Так их перебросили дня три назад! — подтвердил мои опасения Викинг.

— Далеко? — спрашиваю.

— Да близко тут — в Николаевку, километров девять отсюда, — обнадежил скандинавского вида ополченец. Памятуя о том, что мы вместе танковый обстрел пережили, а значит, доверять мне можно, продолжил: — После того как ВСУ отбили Ямполь, мы ощутимые потери понесли. Стрелков дал распоряжение организовать оборону Николаевки и отправил туда Моторолу старшим.

— А со связью у него что? — не отставал я.

— Телефон выключил, его ж номер палят, ну ты сам знаешь — только запеленгуют месторасположение и давай накладывать со всех орудий. Вот Мотор и решил мобильником не пользоваться пока. Хотел симку сменить, не знаю, есть у него новый номер уже или нет, — отсек мои дальнейшие вопросы Викинг.

Мне, впрочем, и этого было достаточно. Из Семеновки я выбрался на попутке с ранеными, интенсивность артиллерийских обстрелов с каждым днем возрастала.

Следующим вечером Мотик появился сам. Его джип, управляемый Вохой, характерно тормознул почти что у лестничных ступенек гостиницы «Украина» прямо на тротуаре, сабвуфер изрыгал песни на украинском языке — это было слишком экстравагантно даже для Моторолы. Он первым вышел из машины и открыл заднюю дверь, чтобы подать руку. Кому бы вы думали — даме.

— Лена, — представил девушку ополченец.

Стройная, статная двадцатилетняя гарна дивчина с черными как смоль волосами, собраными на затылке в хвостик, и веснушками на курносом носу — она была более чем на голову выше своего спутника. Штаны цвета хаки, черная футболка с «ксюхой» наперевес. «Ксюхой» в народе называли автомат Калашникова укороченный, с такими ходят милиционеры. Модная по тем блокадным временам вещь. Моторола не представлял Лену как свою официальную пассию, потому что и слов никаких не требовалось. Его лексикон заметно изменился (я и не подозревал, что он может быть таким интеллигентным), с Леной он вел себя подчеркнуто деликатно, без всяких там гражданских пошлостей.

— Ну что, журналюги, шашлыки будем есть сегодня? — бодро приветствовал нас ополченец. — Что-то я погляжу, ваши

ряды поредели.

— Да, — говорю, — остались только мы с Фомичом, Стенин и Первый канал.

Уже несколько дней мы куковали в Славянске вшестером. Оператор Life Миша Фомичев, фотограф «Россия сегодня» Андрей Стенин, Саша Евстигнеев — военкор Первого канала, с оператором-армянином Темой и инженером Никитой. Ну и я. Все остальные разъехались. После того как под Луганском артиллерией ВСУ накрыло парней с канала «Россия», затем под Донецком в живот застрелили Толю Кляна, редакции большинства российских изданий отзывали своих сотрудников из окруженного Славянска. Очевидно, что на прессу, работавшую на территориях, подконтрольных ДНР, объявили охоту. Киев нас внес в списки пособников террористов — ориентировки распространили по всем блокпостам. Отзывали, в общем, и меня с Сашей Евстигнеевым, и Андрюху. Но мы безрассудно упорствовали, ссылаясь на полнейшую блокаду города — мол, оставаться здесь безопаснее, чем идти пешком по минным полям и наткнуться на спецназ СБУ или, еще хуже, добровольцев из Правого сектора. Затянув с отъездом, мы, конечно, поставили начальство в неловкое положение, но зато были единственными, кто продолжал освещать события в Славянске изнутри. Это того стоило.

— Так что, мясо будем жарить? — любопытствовал Мотор. — Мы уже неделю по-человечески не ели.

— Да жарится уже, шеф-повар Игорь уехал вместе со своими ребятами с канала «Россия», теперь за него шашлыки армянин делает, — успокоил его Фомич.

Моторола был явно на взводе. Понятно, что с Леной они начали встречаться совсем недавно, поэтому знаменитый ополченец вел себя зажато, почти что стеснительно, у него даже голос как будто стал выше и миролюбивее. Моторола рассказывал, как чудом выскочил из-под Ямполя и что Первый перебросил его отряд в Николаевку:

— Наша группировка на Ямполе в окружение попала, моим дали приказ — прорывать кольцо, как всегда, короче, я ж их одних туда не отправлю. Разделились, я выскакиваю как бы к нашему блокпосту, а там уже укропы, и прямо на меня БТР едет. Я застыл как вкопанный — не отрываю глаз от пушки. Он дулом в мою сторону поездил и продолжил движение, ни одного выстрела не сделал. Из-за каски, видимо, за своего принял. Вэсэушники привыкли, что ополченцы неэкипированными в бой идут, вот стрелок и затупил, иначе хана. Я конечно же шмыг в кусты и зашуршал к своим.

Пока трапезничали, поставили на зарядку их общие с Вохой гаджеты: смартфоны и камеру гоу-про — электричество у нас было от генератора, который работал на бензине. Включали его только по особым случаям, топливо ценилось на вес золота. Приезд Мотора, конечно, таким особым случаем, безусловно, считался.

После ужина он предложили посмотреть документальный фильм, который сделал местный донбасский фотограф Максим Фадеев про первые бои на Семеновке, им как раз передали диск с записанным и уже смонтированным материалом. Посмотреть его, кроме как у нас, было, разумеется, негде, на передовой компьютеров с дисководами не водилось. Разложили ноутбук прямо на капоте их боевого джипа. Простояли так на улице несколько часов. Моторола обнимал Лену за талию. Ополченец познакомился с ней в Николаевке — это они мне потом, гораздо позже расскажут — ВСУ начали массированный обстрел населенного пункта. Лена, которая тоже служила в ополчении, побежала за всеми в подвал, не успела захлопнуть дверь — очередной разрыв, осколок мины влетел ей в поясницу. Мотор с Вохой каким-то образом оказались поблизости, довезли раненую девушку до госпиталя, ранение было легким, он выцыганил у девушки телефон. Так и начали общаться. Только теперь, если не был занят на передовой, он от нее ни на шаг не отходил. «Вот где ты пропадал, — подумал я, — а не от укропов шифровался».

Кадры с диска в тот вечер пересматривали по нескольку раз. Мотор не то чтобы красовался перед Леной — о его боевых заслугах и так легенды ходили, девушка не могла о них не слышать, — а как будто хотел объяснить, насколько важно для него то, что происходит сейчас. Насколько по-человечески он неравнодушен к этой войне.

Во время штурма Семеновки, что был на видео, их группа понесла первые серьезные потери. Погиб Медведь — доброволец, вместе с которым Мотик приехал в Славянск. В одиночку он задержал украинский БТР, продолжал стрелять из пулемета даже после того, как очередью, выпущенной из бронетранспортера, ему посекло ноги, стрелял лежа. Когда закончился БК, по рации запросил эвакуацию, тем временем из БТРа вышли вэсэушники, сделали несколько выстрелов в упор, в живот, думали, что добили. Когда ребята смогли подъехать к Медведю, чтобы эвакуировать, у того еще бился пульс. Умер в больнице.

Ближе к рассвету Моторола засобирался, пора было возвращаться в Николаевку.

— К тебе можно туда приехать? — спросил я, прежде чем попрощаться.

— Сейчас вообще не до этого, Сэмэн, — именно в такой транскрипции он частенько меня называл, — Первый задач нарезал, зашиваюсь просто, набирай через день Вохе, он будет приезжать на склад за БК, может, и тебя с собой возьмет.

* * *

На блокпосту перепуганные и недоумевающие мужики передергивают затворы. Из джипа, оглушая всю округу, на чистом украинском раздается гимн «оранжевых»: «Разом нас богато, нас нэ подолаты». Трек западенской группы «Гринджолы», там и по акценту понятно, что исполнители родом из Ивано-Франковска, чтобы определить это, и меломаном быть не нужно. Здесь, на Донбассе, такое могут слушать только командированные правосеки (так боевиков из Правого сектора именуют, если кто не в курсе). Пока, потеряв дар речи, бойцы ДНР пытаются сообразить, как поступить дальше — то ли огонь открывать, то ли документы спросить, в песне приближается припев и рыжебородый пассажир, в правой руке которого уверенно покоится АК, дулом высунутый в окно, тянется свободной рукой к регулятору громкости и доводит ее до крайности. Водитель нагло улыбается. Из колонок на предельных возможностях, с легкими помехами от явного перегруза звучит бескомпромиссное: «Ющенко це наш президент!» Чтобы не случилось непоправимого, рыжебородый командир перекрикивает западенских рэперов:

— Я Моторола, мне на Николаевку. Будь ласка — пропустите.

От такого контраста зрачки передернувших затворы мужиков становятся еще шире. Растерянность в лицах только усугубляется. Воха в своей фирменной и резкой манере объезжает бетонные блоки и машет окаменевшим постовым рукой.

— Нет, ты видел их реакцию? — в полную диафрагму ржет Моторола. — У них глаза просто потухли, и слышно было, как мозг заскрипел!

Мне от таких мотороловских приколов иной раз становилось не по себе. Нет, конечно, это весело все, но ведь и свои могли шмальнуть, сдай у кого на блокпосту нервы. У Мотика теперь была новая фишка — пользуясь тем, что Лена в школе учила украинский язык и владела им свободно, он тоже начал тренироваться «размовлять». Вслед за «Разом нас богато» в трек-листе стоял гимн современного уже, победившего Майдана — композиция «Океана Эльзы» «Я не сдамся без бою». Так командир учился правильному произношению и обогащал словарный запас. Делал он это не только из юмористических соображений, но,

видно, из каких-то практических тоже.

— В любом случае знание языка противника не повредит, — прокомментировал он свое увлечение.

Несмотря на то что накануне отбрыкивался от журналистской компании, Моторола сам заехал за мной и согласился взять с собой еще и фотографа Андрюху Стенина. Вчетвером мы неслись в Николаевку, шокируя дружественные блокпосты. Населенный пункт обстреляли из реактивных систем залпового огня, а возможно, чего-то еще более тяжелого. По версии ополченца ВСУ, применили «Ураганы» или «Смерчи» — уж больно воронки после ракет остались большие. Нужно было все это зафиксировать.

— Я ж тебе обещал, что ты запишешь стенд-ап под «Градами», они сейчас как раз по дачному сектору у самой Николаевки работают, — обрадовал меня Мотик.

— Не помню, чтобы мне не терпелось под «Градами» стендапиться. — Я постарался сохранить в голосе энтузиазм, первоначальной моей смелости поубавилось.

Ежедневно мы снимали результаты обстрелов украинской артиллерии в Славянске, довольно часто в наши объективы попадали не только руины разного типа построек, но и искореженные от взрывных волн тела местных жителей, искрошенные осколками конечности тех, кто не успел добежать до подвала. Буквально на днях у нас на глазах в реанимации скончался пятилетний мальчик, в его голове было столько осколков, что врачи физически не могли их устранить. Когда видишь, к чему может привести разрыв снаряда поблизости, предпочитаешь лишний раз не геройствовать понапрасну. «Моторола знает, наверное, что делает», — успокаивал я себя. Мы успели подружиться, он частенько брал с собой на передовую, случалось всякое, но в безрассудстве его упрекнуть было сложно.

— Заедем только к нам на располагу, оставим пацанам БК.

Мотороловцы базировались на окраине Николаевки — ближайшей к врагу, отряд расположился на цокольном этаже недостроенного и заброшенного особняка. Здесь было просторнее, чем в сырых погребах Семеновки, значительно суше, но при этом не менее безопасно. Три каменных этажа, возведенные под крышу, надежно защищали цоколь от попадания даже самого коварного снаряда, у ребят наконец появилась возможность наладить хоть какой-то быт. Отдыхавшие после ночного дежурства в «секретах» бойцы устроили банный день. «Секреты» — это такая сеть засад по одному-два человека, растянутая вдоль нейтральной полосы, чтобы засекать корректировщиков и разведгруппы ВСУ. Незадолго до нашего приезда один из таких «секретов» засек белый джип с

сопровождением. Машина была вся в антеннах, напичкана какой-то модной аппаратурой. Парни недолго думая отправили в нее ПТУР, как выяснилось потом — ликвидировали какого-то шишку, генерала — то ли замначальника штаба АТО, то ли круче. В засаде, понятное дело, большую часть времени о землю животом трешься, поэтому возможность смыть с себя фронтовую грязь воспринималась как высшая награда. Ребята накипятили на костерке воды, в ход пошли бритвы: бойцы устроили флешмоб, брили друг другу головы. Так и прохладнее, и гигиеничнее. Бороды, разумеется, никто не трогал, уговор был сберечь их до дня победы. В результате видок у всех получился ну совсем басурманский, лопаты чуть ли не по грудь и блестящие черепа. Командир новый имидж бойцов одобрил. Те, кто не был занят водными процедурами, выгрузили из Вохиной машины боеприпасы, Моторола раздал краткие указания, Стенин дофоткал самых колоритных персонажей, я с замиранием сердца поинтересовался:

— Ну и куда мы теперь?

— Куда, куда, говорю ж, обещал — поснимаешь, как укропы огороды «Градами» обрабатывают, — подытожил наш проводник. — Воха, ты ведь помнишь, как к тому перекрестку подъехать, откуда дачное хозяйство хорошо видно?

— Конечно, помню.

Через пару минут мы неслись по какой-то раздолбанной полевой дороге, я снимал в окошко: метрах в пятистах от нас земля взлетала в небо.

— В одном пакете по сорок ракет, видишь, как ровненько ложатся одна за одной. После того как мы джип с их начальником размотали, такой фейерверк начался! С ума сойти! Это они из мести, что ли… Плохо одно — стрелять по целям они так и не научились, такое чувство — херачат наугад, а прилетает в мирных в итоге, — комментировал происходящее Моторола. — Вон видишь вспышки, они ж из зоны прямой видимости бьют — со стороны Лимана.

— Что-то тут по ходу никакого нашего секрета нет, — перебил командира Воха, — либо мы проскочили тот перекресток, либо Минер своих людей отсюда снял…

— Ох уж этот Минер, у него люди что хотят, то и делают… Слышишь, Воха, мы по ходу уже на их территории, давай-ка обратно.

На этих словах что-то в моем сердце сжалось.

— Тут особо не развернешься, а застревать в этих полях под «Градами» неохота чё-то…

— А ты давай задним!

Воха тут же переключился и с виртуозностью, которой ему и правда было не занимать, погнал обратно, не разворачивая «аутлендер». Мы откатились километра на полтора.

— Ну что, остановить тачку, чтобы вы нормально поснимали? Не ссыте, они реально сейчас тупо по полям стреляют, — приободрил нас Моторола.

Бледные, мы с Андрюхой согласились на остановку. Следующий пакет украинских РСЗО приземлился значительно ближе пятисот метров, я всунул Стенину свою камеру в руки, чтобы записал мне стенд-ап, истерично прокричал что-то в объектив на фоне жирных разрывов. Воха тем временем успел развернуться, мы запрыгнули обратно и понеслись к Николаевке. Моторола продолжал безмятежно анализировать поведение украинских артиллеристов:

— Они хотят по ходу эти поля тупо перепахать, в сельскохозяйственных тупо целях. У них же на Западной Украине основной бизнес в деревнях — это картофель, а здесь, видишь, подсолнухи растут, непорядок. — После очередного реактивного залпа ироничный тон ополченца сменился на неподдельное беспокойство — все сорок ракет легли значительно ближе к городу, чем раньше. На окраине Николаевки что-то задымилось. — Вот суки. Все-таки достали до города. Воха, давай быстрее — Лена сейчас у мамы как раз, надо их срочно забрать!

Из контекста стало понятно, что мать его девушки как раз в Николаевке и живет. Мы подъехали к серой пятиэтажной хрущевке, Лена организовывала местных жителей на площадке у входа в подвал. Совсем уже старенькие бабульки категорически отказывались спускаться в подземелье. Девушка не оставляла попыток переубедить их. Появление Моторолы подействовало на бабуль отрезвляюще, все-таки внушал он определенное доверие.

— Лен, а ты давай с нами, отвезем Сэмэна с Андрюхой в Славянск, может, там и останешься.

— А мама как?

— Маму тоже с собой заберем, найдем где разместить…

* * *

Моторола устроил Лену временно служить в «Ай-корпус» — информационный ресурс при стрелковском штабе. Она, конечно, бунтовала, рвалась на передовую. Но он как-то мягко сумел ее убедить: сейчас так будет лучше, тем более что рана, мол, у нее до конца еще не зажила и все такое. Вместе с добровольцем из Крыма Серегой — позывной Корень — они готовили ежедневные

фронтовые сводки, распространяли их в Интернете и передавали нам, журналистам. Я ее встречал каждый раз, как заезжал в штаб, чтобы записать интервью у Стрелкова. Она здоровалась и первым делом спрашивала, видел ли я Мотора на передовой, все ли у него в порядке. В последние дни обороны Славянска он редко брал меня с собой, не вылезал из Николаевки, так что мне рассказать особо было нечего. Однажды утром я вышел на балкон с чашкой кофе — мы кипятили воду на специальных газовых горелках, я умудрялся даже сообразить кофе по-восточ ному — и увидел, что огромная славянская ТЭС, которая располагается как раз в Николаевке, дымится черным, явно инородным дымом. «Плохи дела», — подумал я и пошел за бронежилетом и каской. Позвонил Мотороле, его новый номер был отключен, так же как и прежде старый. Ничего позитивного это не предвещало. Пока я облачался в средства защиты, позвонила Лена. Голос ее был сам не свой. Мотор и с ней не выходил на связь уже несколько часов. Я обещал позвонить, как что-то выяснится. Под окном, к моему счастью, дежурил отважный таксист Саша, который не раз отвозил меня к фронту.

— Ну и какой у тебя план? — уже на ступеньках спросил меня, как правило, рационально настроенный Стенин.

— Доеду сначала до Семеновки, узнаю новости, а там видно будет.

— Бесперспективная затея, по-моему, — оценил мои шансы Андрюха и проводил скептическим взглядом. Предложил таксисту Саше надеть броник, тот по-доброму рассмеялся в ответ, мол, он всегда без броника ездит, я попытался объяснить, что сейчас все может сложиться иначе, он и слушать ничего не хотел, ссылаясь на фатальные какие-то законы мироздания.

Санек — усатый, дородный, лет пятидесяти мужик — прекрасно знал, как нужно проезжать опасные участки трассы, ну чтобы под танк не попасть. Самый простреливаемый, по нашему опыту, кусок мы проскочили гладко, однако на подъезде уже к центральному семеновскому блокпосту оказалось, что бояться нужно было отнюдь не танка. Как выяснилось позже, ВСУ подогнали к селу батарею саушек, а именно «Акаций», они били точнее, чем минометы, да и калибр побольше, но главное — четыре самоходки давали залп одновременно. Буквально за пару сотен перед нами сразу четыре мощных прилета. Машину повело, я подумал, что Саня запаниковал, но на лице его была только досада.

— Колесо пробили, — лаконично констатировал он, кое-как дотянул до блоков и увел автомобиль немного в сторону за зеленку. — Самое, — говорит, — печальное, что запаска есть, а

домкрата нет.

«Вот так попадос», — скользнуло в мозгу.

— Побежали, Сань, на блокпост, там хоть как-то укрыться можно, ну и спросим, где домкрат раздобыть.

Никакого домкрата у постовых конечно же не было. Я оставил Саню с ребятами и двинул дальше, неподалеку располагалась база, где заправляли ополченские машины, к тому же там частенько обитал Кедр, уж он-то наверняка что-то знал. У ворот никто не дежурил, двор дымился, на ступеньках в подвал лежали сгустки крови. Внизу было совещание, меня узнали, запустили. Буквально пять минут назад на площадке разорвало заправщика. Хотели затащить его в укрытие, откачать, но быстро поняли — двухсотый безвозвратно. Пока оттащили в сторону, накрыли курткой-хаки, ждали машину, чтобы забрали тело. Командующий Семеновским гарнизоном Кэп внимательно выслушивал доклады разведчиков, количество стянутой к деревне артиллерии ВСУ становилось абсурдным. Создавалось впечатление, что в штабе АТО решили выставить против каждого ополченца по одной единице бронетехники. Глупо было встревать в разговор с просьбой о домкрате, поэтому я помалкивал. Совещание затягивалось, наверху вроде стихло. В подвале было чересчур душно и затхло, у меня начинался приступ астмы, вышел в предбанник. Только я вдохнул горького, но все равно свежего воздуха, в глазах стало светлеть, смотрю — по лестнице сбегает Воха. Накинулся на него, как на родного.

— Куда вы пропали? С Моторолой все в порядке? Там Лена места себе не находит!

— Связь легла полностью, с командиром все хорошо… Укропы заваливают Николаевку не по-детски… Там еще жопа случилась, но Мотор тебе сам расскажет. Вэсэушники уже заходят в город… А ты-то как здесь оказался?

— Мне, — говорю, — домкрат нужен. В машине, на которой я приехал, колесо пробито.

— Сейчас решим, я только к Кэпу заскочу на минуту.

Пока Воха говорил с командующим, я отписался Лене, что Мотик жив.

— Поехали к ремонтникам, тут рядом. — Ополченец вернулся быстро.

Я сел вперед, поскольку место, где обычно сидел Моторола, сейчас пустовало. Найти необходимый инструмент для Вохи и вправду не составило проблем.

— Где твой водила прячется?

— На центральном блокпосту!

Через минуту мы были там.

— Эй, хлопцы! — обратился он к очумевшим бойцам с командным тоном. — А ну-ка, помогите мужику оперативно запаску поставить.

Таксист Санек благодарно закивал.

— А ты в Николаевку поедешь со мной?

— Конечно, — говорю, — поеду.

Объяснил Саньку, чтобы не дожидался меня и уезжал обратно в город, пользуясь передышкой. Мы погнали навстречу полыхающей Славянской ТЭС.

* * *

— Буквально пару часов назад укропы из артиллерии расхерачили водопроводную трассу, через которую снабжались Славянск, Горловка и частично Донецк. — Воха показал рукой, облаченной в окостеневшую тактическую перчатку, направо.

Я всмотрелся в поле, через которое проходила огромная труба — диаметром, наверное, в метра два, — и увидел, как из кривых и острых дыр изрыгались фонтаны жидкости.

— Судя по тому, как ВСУ упорно долбили по Славянской ТЭС из «Градов», они намеренно уничтожают инфраструктуру, — продолжал Воха, — им главное против ДНР гражданское население настроить, они ведь понимают, что народ за нас… Но если люди месяцами будут без воды и света сидеть — надолго ли их хватит? Хитрожопый у нас противник, в прямое столкновение не вступает, берет измором…

— Останови, на минуту буквально — я сниму разбитый водопровод! — попросил я.

— Ты чего, офигел? Правосеки в любой момент могут здесь на трассу выскочить с бронетехникой, их силы уже вошли на окраину Николаевки. Учитывая, что наша группировка уже недели две как в оперативном окружении, им не составляет сейчас труда попытаться разрезать наш фронт на две части.

— Ладно, сниму из окна.

К тому моменту, как мы подъезжали к Николаевке, как раз со стороны ТЭС, испускающей неестественные для сооружения клубы черного и ядреного дыма, начало смеркаться. На въезде в город на блокпосту суетились ополченцы — их лица были черны, истощены, взволнованы. На обочине сидели чумазые и постанывающие раненые — ждали, пока их эвакуируют.

— Чьи? — безапелляционно поинтересовался Воха у постовых.

— Это люди Мачете.

— А где он сам?

— С Моторолой недалеко от госпиталя.

— Дзякую! — Воха поставил точку в лаконичной беседе и погнал к больнице.

Моторолу мы застали у «буханки», рядом с которой он руководил погрузкой ПТУРов, АГСов и ящиков с боеприпасами. Судя по всему, где-то рядом была база-штаб, где хранилось все это добро. Довольно быстро стало понятно — ополченцы уходят из Николаевки, а задача Мотора — сделать это грамотно, сохранить как можно больше людей, оружия и техники.

— Отступление? — Я ограничился одной фразой, дабы не раздражать никого, ребятам было явно не до комментариев прессе.

— Приказ первого, — ответил мне Серега с позывным Корень. Ему было лет тридцать пять, фигура борца, который давно не выходил на ковер, коренастые плечи, толстые ноги, небольшой живот, круглое лицо. Он недавно приехал в Славянск из Крыма работать в стрелковском штабе медийщиком, мы пересекались иной раз на съемках, он тоже гонял на передовую с камерой, теперь глаза у него вылезали из орбит, в руках он крепко сжимал автомат. Поймав мой удивленный взгляд, отвечал отрывисто, чуть заикаясь: — Мина взорвалась в метре от меня, а то и ближе, прикинь, всех пацанов, что были рядом, посекло, двое не выжили, а я цел, контузило только…

— Охренеть, — говорю, — рад, что ты цел.

— Автомат я у убитого укропа забрал, первый мой трофей. Бой был, когда ВСУ заходили в Николаевку, я с мотороловскими ребятами попал под замес, но мы их задержали… Я там тогда понял, что без автомата в бою никак. Короче, я теперь комбатант, — подытожил Корень, на лице застыла перекошенная полуулыбка-полуоскал, из-за контузии, наверное, она никак с его лица не сходила.

— Сэмэн, — окликнул меня Моторола, — у тебя есть десять минут, чтобы сгонять в больницу, пообщаться с гражданскими, которых ранило во время артобработки, перед тем как нацики вошли в город. Корень, проводи его… Не задерживайтесь только. Через десять минут мы выдвигаемся.

Крымский Серега нервозно огляделся по сторонам, как будто определяя, в каком направлении больница, в обычной ситуации такие сомнения вызвали бы во мне напряжение, но здесь напрягаться было бессмысленно — надо либо идти, либо нет. Я пошел за Серегой. В типично советской, обшарпанной больнице не осталось электричества. Артобработка ВСУ вырубила все коммуникации, похоже, в поликлинике даже воды не хватало,

измученные медбратья и медсестра, как сомнамбулы, шарахались по коридорам, где через метр-два стояли припаркованные носилки с людьми, которых посекло осколками снарядов различного калибра. У кого уцелела батарея — освещали себе путь мобильниками. Когда сектор этого слабого индивидуального освещения падал на нас с Корнем, в глазах встречных загорались вспышки полуживотного ужаса. Медперсонал не знал, за кого нас принимать: я в бронике и каске, Серега Корень — тот и вовсе в камуфляже с автоматом — то ли это уже вэсэушники зачищают местность, то ли ополченцы, которые отстали от отступающей колонны. Они были испуганы и насторожены. На мой околомосковский говор реагировали доброжелательно, врачи надеялись все-таки, что дэнээровцы отобьют атаку украинской армии. В противном случае их судьба была туманна. Никто ведь не поверит, что они не оказывали медицинской помощи тем, кого в Киеве называли террористами. После гибели нескольких журналистов всем стало понятно: в этой войне международные конвенции о статусе репортеров, а значит, берите шире — врачей не работают. Я спросил, почему поликлиника не эвакуируется? «А куда?? В Славянск??? Там же блокада…» Эти люди были испуганы, но по-своему прагматичны. То, что Славянск Стрелкову не удержать своими силами, стало очевидно, не только из ежедневных речей министра обороны ДНР, но и теперь из их реального опыта. Николаевку раскатали из реактивных систем залпового огня, самоходных артиллерийских установок и танков. Противопоставить им ополченцы могли разве что несколько минометов, стрелковое оружие и малоэффективные против артиллерии гранатометы и крупнокалиберные пулеметы. В таком соотношении сил — это ни о чем. Надежда сохранялась на то, что вмешается Россия, на это надеялся и Стрелков. Но Россия не вмешивалась: политические заявления, конечно, звучали, однако армию в Донбасс тогда никто не вводил. Шансы были пятьдесят на пятьдесят. Медики положились на судьбу и как могли спасали раненых. Добрая половина из них — сотрудники Славянской ТЭС. Я поговорил с мужчиной, у которого вместо правой нижней конечности было настоящее месиво, его обкололи обезболивающим, но, в отличие от рабочих на соседних койках, он был в сознании и мог еще что-то соображать.

— Самое обидное, — проговорил сорокалетний, посеревший от потери крови мужик, — непонятно — нас-то за что. Я даже на референдум этот не ходил, просто продолжал делать свою работу на станции, я же не на ДНР работал… — Продолжить он не смог, потому что вмиг посерел еще сильнее, видимо, и его силы были на исходе. Я не стал приставать с расспросами, ситуация ясна.

Врач посолиднее, чем рядовые сотрудники (не было времени выяснять должность), с каким-то отдающим больничным запахом отчаянием сообщила статистику:

— Сто процентов ранений — осколочные, тяжелых много, больше двадцати, света нет, воду носят с колонки.

Слов поддержки в тот момент у меня не нашлось. Прогремел очередной залп «Градов», когда стало понятно, что разрывы пришлись не по нас, а по соседнему кварталу. Мы с Серегой Корнем побежали обратно, к Мотороле. Оставаться в Николаевке или выбираться отсюда в одиночку ой как не хотелось.

По дороге нас обогнала визжащая девятка, которую я заприметил еще у базы-штаба, где Моторола руководил погрузкой оружия в «буханку». Она пролетела, едва не задев Серегу, люди внутри были явно в истеричном состоянии.

— Это Лето (а может быть, Серега сказал — «Юг», я, признаюсь, тоже был уже не в себе и не запомнил точно). После того как его командира Мачете ранило еще во время одного из первых боестолкновений с нациками и его эвакуировали в славянский госпиталь, он остался старшим, но по ходу не был готов и сейчас на панике, скорей всего, они ездили, чтобы выяснить, докуда успели дойти укропы.

— Судя по их стремительности, — не удержался я, — украинские военные где-то совсем рядом.

Мы прибавили ходу, если не сказать побежали. Забегая во двор и увидев, как Моторола разговаривает с бурно жестикулирующим Летом (или Югом) — метрах в двадцати от них толпилось человек пятьдесят в обвисшем камуфляже, — я успокоился: успели, значит. Неоднородная форма бойцов, казалось, была велика многим на пару-тройку размеров. Учитывая, что в те времена ребята приезжали на передовую в том, что самим удалось раздобыть еще на гражданке, — командование обеспечивало их автоматами, патронами, сухпаем, — в остальном экипировка была делом добровольным, кто-то и в джинсах воевал. Из-за этого я сделал вывод, что ополчение, которое находилось на фронте, изрядно исхудало. Подумалось тогда, что война — это не только адреналин и пиф-паф, но и тяжелый изнуряющий труд: рытье окопов, постройка блиндажей, бег с препятствиями от железных подарков с неба, перетаскивание собственных орудий и прочая рутина. Стоящих передо мной людей она иссушила, сделала угловатыми, заострила подбородки и скулы.

— У них колонна с танками и БТРами идет уже по центральной улице, с ними пехота, они уже приступили к зачистке, — доносились выкрики заместителя Мачете с южным

позывным. Он был на полторы головы выше Моторолы, значительно атлетичнее, чем-то похож на актера Дюжева. Однако солидная боевая внешность не сказывалась на его эмоциональном состоянии, парень явно был взвинчен. Моторола терпеливо его выслушал, тот после доклада обстановки перешел к ярко окрашенным жестами призывам — уносить ноги.

— Так, успокойся, не трахай мозги и построй своих людей. Приступать!

Ополченец попытался было нервно продолжить гнуть свою линию, Моторола перебил его, гаркнув что-то вроде:

— Прекратить разговоры, выполнять приказ.

Заместитель Мачете от такого мотороловского настроя как-то сразу потух и засуетился в поисках своих подопечных.

— Слушаем и вникаем! Времени повторять нет! Враг уже продвигается к центру города! Вступать в прямое боестолкновение сейчас уже не имеет никакого смысла! У меня приказ товарища Первого — вывести личный состав из Николаевки без потерь, сохранить технику. Предыдущей ночью нас стало на двести человек меньше. Минер, не предупреждая командование и других командиров в Николаевском гарнизоне, покинул вместе со своими людьми позиции и ушел в Горловку к Бесу. Для нас с вами они дезертиры: раскрыли оборону, подставили нас. Город мы не удержим, погибать бессмысленно права не имеем, за нами Семеновка и Славянск. Вопросы есть? — обратился Моторола к строю.

Со стороны это выглядело даже немного странно. Представьте себе толпу вооруженных мужиков, рослых, крепких парней — за сорокет каждому, с серьезными окладистыми бородами и хмурыми лицами. И на контрасте — полутораметрового, щуплого даже в бронежилете, облепленного наколенниками и налокотниками парня, похожего на девятиклассника, на небольшом черепе которого матовый черный шлем, как у астронавта. Его высокий срывающийся голос далек от генеральского баса или полковничьего тенора. Но при этом эти одичавшие от окопной жизни серьезные мужики из донбасских шахт напряженно ловят каждое слово этого мальчугана. (Мотороле, конечно, не пятнадцать лет было, он 1983 года рождения, но во время боев за Славянск он действительно выглядел гораздо моложе, фронтовой адреналин имеет такое свойство — одних утрированно старит, других отчаянно молодит.) В строю молчали.

— Вопросов нет, — ответил за подчиненных Моторола и перешел к главному: — Теперь о плане эвакуации. Во-первых, всем выключить телефоны и убрать фонарики. Выходить будем в

полной темноте. У противника могут быть беспилотники, да и наблюдателей тоже легко расставить по крышам, чтобы засечь перемещение нашей колонны. Обнаружат — расфигачат из арты только так. Никому, думаю, объяснять не надо. Никакого освещения. И никаких сигарет. Идем за проводником цепочкой: пять-шесть метров друг от друга, но так, чтобы видеть спину того, кто впереди. Громко не разговариваем, а лучше не разговаривать вообще. В частном секторе у укропов тоже найдутся уши, которые с радостью на нас настучат куда надо. Впереди едет Воха на тачке, он первый. Если у кого-то есть ранения или резко обнаружившиеся болезни, лучше сказать прямо сейчас и пересесть в машину, два-три места найдется.

Из строя зароптали:

— Да уж дойдем как-нибудь, командир.

Пока Моторола раздавал ЦУ, стемнело окончательно, отряд превратился в однородное копошащееся во мраке существо. Судя по шевелению где-то впереди и тихому шороху автомобильных шин, Воха тронулся, а за ним и колонна. Моторола замыкал цепочку, и мы с Серегой Корнем решили тоже пристроиться где-нибудь недалеко от командира. Между нами оказалось человек пятнадцать. В том числе и совсем недавно истеричный Юг (он же Лето), но теперь дисциплинированно выполнявший мотороловские приказы.

В Николаевке я не ориентировался вообще, тем более ночью. Сначала тьма была кромешной абсолютно, затем вышла луна, картинка получилась бы вполне себе героической, но камера у меня села напрочь. Мы шли какими-то огородами, через частный сектор, из-за заборов то и дело лаяли встревоженные и обезумевшие от оглушительных обстрелов сторожевые псы, скулили изнеженные домашние питомцы. Конечно, это действовало на нервы, но против собачьих инстинктов любая конспирация бессильна. Шли под завывания, и редкий переулок встречал тишиной, в таких местах все вздыхали с облегчением. Я сверлил взглядом спину бойца, что шел впереди, и частенько оборачивался, чтобы убедиться, что Корень следует за мной. На перекрестках мы проходили мимо выставленных Моторолой заранее «секретов», — как правило, в них сидело по два-три бойца с крупнокалиберным пулеметом, этого было достаточно, чтобы остановить передовой отряд ВСУ даже при наличии БТРа.

Отступление было продумано, колонне обеспечивали прикрытие, после того как цепочка проходила мимо огневой точки, «секрет» снимался и вливался в строй. Прошло минут тридцать, по моим ощущениям наш путь длился чересчур долго. Полчаса — это два с половиной километра, если в среднем темпе

идти, подсчитал я. Сквозь лунный свет начали просматриваться поля, что было нелогично, мы должны выйти на блокпост рядом со Славянской ТЭС, а ее безошибочно узнаваемых труб на горизонте не предвиделось. Повод бить тревогу. Однако, не думая, что я самый умный в этой компании, я молчал, не хотелось опозориться и прослыть паникером. Так, оказалось, размышлял почти каждый, поэтому мы едва не попали в западню. Еще минут через пять — человека на три впереди меня — я услышал настороженный вопрос:

— Дед, а ты чего так сильно хромаешь?

— Нога болит… — пробурчали в ответ.

— Ты точно не отстаешь от того, кто перед тобой?

— Да я уже давно никого перед собой не вижу, иду прямо да и все, — с наивной и простецкой интонацией заявил хромой.

Тут, разумеется, от всех, кто находился в зоне слышимости, посыпались раскаленные маты. Это был провал. По цепочке передали новость в хвост колонны Мотороле, командир сразу же прибежал и не преминул наброситься на деда, который вот уже неизвестно сколько времени вел треть отряда неизвестно куда. Брань опускаем.

— Ты какого хера в машину-то не сел, старый, если у тебя нога болит? — вопрошал высоким голосом, забив на конспирацию, Мотор, — впрочем, и конспирироваться от николаевских свидомых шпионов было уже поздно, мы вышли на край деревни, в поля. Старик виновато что-то мямлил в ответ. Оказалось, что он вообще идти не может — в ноге осколок застрял, рану наскоро перемотали бинтами, пока был шок — ничего не чувствовал, а теперь боль пришла во всей ее полноте. Ситуация вырисовывалась щекотливая — Воха с большей частью подразделения ушел вперед к блокпосту у ТЭС, неизвестно, в каком именно месте наш хвост отвалился, не совсем понятно, где именно мы находимся и насколько далеко враг, плюс ко всему с нами старик, которого нужно каким-то образом транспортировать.

Деда усадили на обочину, Моторола начал терпеливо и теперь уже спокойно выуживать из него необходимую информацию:

— Сколько минут назад ты последний раз видел перед собой колонну?

— Минут пятнадцать, может, двадцать…

— Короче, где-то на половине пути. Вспоминай — после какого перекрестка?

— Кажется, раза два мы перед этим свернули вправо и начался затяжной подъем в горку. Да, на подъеме мне совсем

тяжело стало идти.

— Понятно… Надо звонить Вохе, — сказал командир скорее самому себе, чем обступившим его бойцам. — А ты в курсе, отец, что вот за этим холмом? — Моторола показал на ближайшую возвышенность, которая — как бы это банально ни звучало — освещалась лунным светом в метрах пятистах от нас. — Правосеки стоят, и раскатать нас — да пусть даже прямо сейчас — им вообще ничего не стоит. Ты же в курсе, что у них снарядов как у дураков фантиков…

Сводка в общем была риторической. Моторола набрал Вохе:

— Да, у нас тут один хромой отстал от группы, перед третьим по ходу поворотом, мы вернемся, а ты выезжай обратно, чтобы нас встретить. Я ни хера не помню, куда дальше идти.

Следующие полчаса мне запомнились тем, что я поочередно с Югом (или Летом) тащили раненого деда, едва не сорвавшего успешный вывод подразделений из Николаевки. Лето (он же Юг) это делал потому, что хромой старик был из его людей, заместитель Мачете нуждался в реабилитации, хотя бы в глазах собственных подчиненных. Моторола, очевидно, и так уже составил о нем мнение. Я вызвался помогать, потому что чувствовал себя в этой толпе самым свежим, пацаны только вышли из тяжелого боя, они сами с трудом передвигали ноги, мне показалось это справедливым, никто особенно не возражал. «Тащить раненого журналистская этика не запрещает, — шутил я сам с собой, — это гуманитарная миссия». Дедовский автомат забрал кто-то из сослуживцев. На этот раз Моторола сам шел впереди и я молился, чтобы поворот, который мы проскочили, состоялся как можно скорей. Старик попался не из легких. Наконец-то мы остановились и сбились в кучу. Моторола снова набрал Вохе, сообщил, что мы на месте. Затем скомандовал сойти на обочину и распределиться по зеленке. Зеленка даже в темноте казалась жиденькой: по факту это были какие-то кусты. Очень хотелось верить, что их скупая листва упрячет нас от вражеских «ночников». На привале старика у меня забрали, я пробился поближе к Мотору, с ним все ж как-то спокойней. Настроение у командира было бодрое. Сила его духа и юмор заражали.

— Сэмэн, ну показывай, чего ты там наснимал… Война попала в кадр?

— Войны, — говорю, — море. Только камера села.

— Давай вот в этот дом постучимся, зарядим, посмотрим, все равно Воху ждем.

Я судорожно сглотнул слюну. Идея выглядела безумной. Учитывая бесшабашность Моторолы, можно было быть уверенным, что он не шутит.

Вдалеке послышался собачий лай, его подхватывали остальные псы, и эта гавкающая перекличка явно приближалась к нам.

— Сэмэн, ну вот как так камера села — сейчас мы будем вступать в реально крутое боестолкновение, а ты это никак не зафиксируешь. — Мотор передернул затвор.

Это движение за ним повторили остальные. По дороге что-то уверенно шуршало — Моторола первый вышел из того, что недавно назвал зеленкой.

— Спокуха — это Воха.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди от облегчения. Раненого деда загрузили в машину. До блокпоста оставалось пять минут. Оказывается, мы отстали от колонны уже на подходе к точке сбора. Сюда подогнали «Уралы», бойцы помогали друг другу забраться в кузов. Моторола определил меня в машину к начальнику военной полиции Носу, заместителю Стрелкова. Он приехал проследить за процессом эвакуации. С Моторолой и Вохой мы толком даже не попрощались. Я увижу их спустя двое суток, уже в Донецке, то есть совсем в другом мире. Нос двинул свой джип обратно к Славянску в крайне брутальном стиле, не объезжая ям и не выключая фар. На знаменитом перекрестке на въезде в город, ориентируясь, очевидно, на их свет, по нас жахнул украинский танк. Машину подкинуло, но снаряд прошел мимо. Будучи в состоянии постниколаевского аффекта, мы с Носом даже не придали этому значения. Начальник военной полиции довез меня до гостиницы, где меня ждали очумевшие от тревоги Стенин и Фомич, связи со мной все это время не было.

После блокады

— Рыжий, ты где? — Неподражаемый голос Моторолы в телефоне, состояние как будто обухом по голове ударили.

Последнее, что помню: мы в камуфлированной тачке, чьи бока эффектно прострелены и изранены осколками украинских мин, мчим по Донецку, столице ДНР. Воха за рулем, впереди, кажется, Гамбит — высокий рыжебородый парень, который приехал в Семеновку после событий в Одессе на Куликовом поле, — он вроде как за телохранителя. На заднем сиденье Моторола с Леной и я с краешку. В багажнике — Кирпич с заряженным пулеметом. Дверца багажника, естественно, открыта. Все в Кирпиче говорит о том, что он немедленно готов раскрошить диверсионную группу СБУ, в случае если ей вздумается встретиться на пути командира. Из этого самого пулемета в мае он сбил украинскую «сушку» — СУ-25, если не ошибаюсь. За что получил от Стрелкова награду, первый в истории ДНР Георгиевский крест. (У самого Моторолы, к слову, имелся точно такой же, правда, за номером четыре или пять.) Кирпич — бесстрашный крепыш, тоже рыжебородый. С виду абсолютно свирепый тип. Водители донецких машин, которые обгонял Воха, заметив пулеметное гнездо в багажнике с суровым Кирпичом у станка, испуганно шарахались в разные стороны.

Это было 5 июля — день, когда ополчение оставило Славянск и все стрелковцы, так их тогда называли, передислоцировались в Донецк. Нас — троих российских журналистов, Фомича, Андрюху Стенина и меня, единственных, кто оставался в блокадном городе до последнего дня, — Стрелков почему-то не предупредил о таком историческом решении. Мы были в убойных списках украинского СБУ, поэтому — не успей вовремя унести ноги, неизвестно, чем бы эта история закончилась для нас. Но каким-то чудом она закончилась хорошо. Стенин абсолютно гениально описал этот эпизод нашей фронтовой жизни у себя в «Фейсбуке». С его едкими наблюдениями конкурировать сложно, вкратце фабула такова. Я совершенно случайно проснулся раньше обычного, часов в шесть утра, в своем номере гостиницы «Украина». С ощущением, как будто меня медом измазали: настолько липким от пота казалось тело — жара стояла запредельная, ночью она не спадала, разве что становилась гораздо душнее, плотнее, водянистее и тягучее. Одним словом, более мерзкой. Напомню: света и воды в номера не подавалось уже как месяц. Я понял, что избавиться от этой мерзопакостной липкости бутылкой с газированной минералкой не получится.

(Нам пришлось скупить всю газировку в соседних палатках для элементарного умывания после сна, потому что хлорированная вода из бассейна позеленела уже настолько, что была пригодна только для унитаза.) Я вышел на балкон посмотреть, не дежурит ли у парадной кто-нибудь из славянских таксистов, к услугам которых мы прибегали, чтобы передвигаться по городу. Как правило, к районам, где появлялись новые разрушения, а вместе с ними и жертвы после массированных обстрелов украинских артиллеристов. Мимо как раз ехала песочная «копейка» Ромы — смуглого, деловитого мужика с типично малороссийскими усами буквой «П».

Я замахал и зазывно закричал ему:

— Ром, отвези по-братски на Славкурорт искупаться!

Славкурорт находился на нейтральной полосе, принимать ванные процедуры там конечно же было опасно, но зато это единственное место поблизости, где можно нырнуть в освежающее озеро. Рома слегка раздраженно, но с готовностью отреагировал:

— Спускайся, только резче.

Раздражение таксиста мне стало понятным, когда по дороге к Славкурорту выяснилось: в городе сняты все ополченские блокпосты. Я был в недоумении и призвал водителя съездить к стрелковскому штабу в бывшем здании СБУ. Там тоже оказалось пусто. На описание шокового состояния моего и моих товарищей Стенина с Фомичом я готов потратить несколько листов, но ведь история не об этом. Сначала мы прятались дома у волонтера, который работал на труповозке, — его тоже забыли. Затем попытались своим ходом — арендовали у парня машину — выехать до соседнего Краматорска полями. Секретную дорогу судорожно объяснял по телефону корреспондент Первого канала Саша Евстигнеев, который выезжал по ней за пару дней до ЧП. В итоге на выезде из Черевковки нам повстречался слегка пропитого вида местный житель на черных «жигулях». За энную сумму он вывез нас через поля, усеянные сгоревшими автомобилями, — стрелковскую колонну во время прорыва из блокады изрядно потрепали «Градами» и черт знает чем еще. Мы остановились у первого же магазина в Краматорске и взяли бутылку водки. Часа через четыре в Донецке я уже сидел в машине у Моторолы и продолжал заливать стресс. Ощущение было как будто второй раз родился.

Столица ДНР преобразилась. Центр наводнили изрешеченные и грязные автомобили стрелковцев, прорвавших окружение. Орда чумазых и одичавших в окопах людей толпилась у КПП рядом с донецким СБУ — министр обороны, он же товарищ Первый,

перевез сюда свой штаб. Настроение у всех было перевозбужденное. С одной стороны, оставили Славянск, многими это воспринималось как личная трагедия. Во-первых, город-символ пал, во-вторых, значительная часть ополченцев родом именно оттуда. С другой стороны — все поздравляли друг друга с тем, что выжили. Судя по количеству сгоревших машин, которые я наблюдал в полях между Славянском и Краматорском, артиллерия ВСУ устроила там настоящее месиво. Возбужденные возгласы соседствовали с некой растерянностью на лицах — никто не понимал, что дальше. Никто не знал, как связаться с товарищами, с семьями. Славянск покидали сумбурно и хаотично. Тем более накануне прорыва вышла жесткая директива от Стрелкова — командирам собрать у всех бойцов мобильники и уничтожить. В целях конспирации, чтобы утечки не было. К вопросу подошли педантично, и в результате отдельные отряды потерялись между Донецком и Краматорском (его тоже ополченцы покинули в тот же день). Поэтому, когда в толпе встречалось знакомое лицо, тут же следовал крик ликования.

Мы — я имею в виду нашу забытую стрелковским штабом журналистскую компанию — заезжали в Донецк, естественно, одними из последних. Первым делом отзвонились в редакцию и родным, что живы. Заселились в мажорную гостиницу. Самое яркое воспоминание, когда в ванной я открыл кран, чтобы умыться, оттуда потекла горячая вода. Я от неожиданности и испуга отдернул руки и вскрикнул. Слегка оклемавшись и смахнув легкое опьянение, скорее от дыхания цивилизации, чем от распитой у краматорского магазина антистрессовой бутылки, я начал думать над тем, как выяснить, где Мотор и остальные ребята. Телефонов, напомню, не было. У штаба никто ничего не знал. У меня сохранился телефон двоих мотороловских ребят еще с Семеновки — Боцмана и Гоги. По рассказам Мотора недельной давности я понял, что ребята, попав в окружение под Ямполем, не смогли пробиться обратно к Славянску и ушли в Донецк. Набрал им. Ребята оказались на связи, обрадовались звонку и минут через пятнадцать на модном красном джипе китайского, кажется, производства пришвартовались у гостиницы Park Inn. Я прыгнул в машину, и мы поехали к ним в располагу. Ребята врубили заводной музон, что-то типа «Кренберис», и начали объяснять, как жизнь в Донецке разительно отличается от жизни в окопах. Это, в общем, и так было понятно. Пацаны примоднились, плыли по широким проспектам, как рыбы в воде. Но в отличие от подавляющего большинства других драйверов в камуфляже, гарцующих по Донецку в нулячих разгрузках и с блестящими автоматами в руках, эти двое бойцов реальный фронт прошли и

проползли на пузе, что давало им право смотреть на общий автомобильный поток немного свысока.

— Сейчас мы познакомим тебя с Ювелиром, — обратился ко мне Боцман, когда мы подъехали к какой-то военной части.

— Что еще за Ювелир? — спрашиваю.

— Он крутой, он нас из-под Ямполя вывел, мы вместе с ним эту украинскую часть штурмовали, — объяснил мне ополченец.

— У меня, — говорю, — амбре.

В ополчении насчет спиртного порядки были крайне строгие: если явиться на запись стрелковской сводки, например, с перегаром — в подвал можно попасть запросто. На несколько дней. Остальные видные полевые командиры тоже демонстративно постились. В общем, я опасался своего состояния совершенно осознанно. Случаи были. (С журналистами, конечно, поступали помягче: выпивших бойцов, тех в штрафбат определяли, окопы рыть под обстрелом.) Но ребята у меня успокоили: у Ювелира, мол, тоже амбре. Нас представили. Ювелиром оказался огромный, двухметровый почти, детина с лысым черепом, увесистыми кулачищами и добродушным смехом. Судя по широкой улыбке, мой новый знакомый сегодня уже употребил и был не прочь продолжить. Что мы и сделали.

* * *

Моторола с Леной под руку в сопровождении Вохи, Гамбита и Кирпича появился в самый разгар нашей с Ювелиром беседы. Оказывается, оба командира были давно знакомы, воевали вместе. Конечно же все кинулись брататься. От выпивки Моторола и все, кто с ним пришел, деликатно отказались. В этот день я впервые увидел Мотика, одетого, что называется, по гражданке. Джинсовые, кажется, бриджи, кроссовки, неброская футболка. Внешний вид на первый взгляд не вязался с образом отвязного командира гранатометной группы. Фронтовую прописку выдавали беспорядочные клочья рыжей бороды, овраги под глазами и наградной «стечкин», гордо прилегающий к бедру.

— Я тебя сразу и не узнал в таком прикиде, Мотор!

— Сэмэн, ты разве не бачишь? Тут мирная жизнь, зачем людей пугать?

Ювелир кинулся показывать нам свои владения, после того как часть отбили, здесь сделали базу подразделения «Кальмиус», к которому каким-то образом относился и он. На территории даже имелся тир. Лена выразила желание пострелять, мы отправились посмотреть. Пока мы наблюдали за тем, как девушка

Моторолы разряжает обойму ПМ в мишени, — в Славянске патроны для пистолета считались непозволительной роскошью, в них был запредельный дефицит, а здесь Ювелир отсыпал Лене горсть просто так, — командиры о чем-то переговорили в стороне, и Моторола засобирался. Дружеский визит оказался недолгим.

— Сэмэн, а тебя мы забираем с собой. Ты же не против?

По голосу Мотика я понял, что оставаться у Ювелира мне не стоит, и я согласно плюхнулся к ним в машину. На следующий только день выяснилось: Ювелир, Боцман и Гоги приговорены Стрелковым к расстрелу. Якобы за дезертирство, потому что, прорываясь из окружения под Ямполем, в итоге не вернулись в его славянский штаб и остались в Донецке. Расстрелять их, конечно, не расстреляли. Ребята успели уйти за «ленточку» — так на дэнээровском сленге называли границу с Россией. Так что до военного трибунала дело не дошло. Сложно сказать, Моторола предупредил их, пока мы все ушли за Леной в тир, или кто-то еще. Может быть, он и сам не знал точно о планах Первого, но знал о его настрое и решил предостеречь бойцов. Все-таки Боцман и Гоги были из его семеновского отряда, не раз ходили вместе «джихадить» к украинским блокпостам, Моторола для них был кем-то вроде фронтового гуру, да и Ювелир, судя по всему, воевал на Донбассе отважно, так что…

В общем, мы мчались по мирному, как нам тогда казалось по контрасту со Славянском, и самому богатому донбасскому городу, искали кафе, где присесть. На улице Артема — это я еще помню — мы припарковались у «Сан-Сити». Комментарий Моторолы о том, что не стоит людей пугать, показался мне несколько абсурдным, ведь в заведение нас провожал все тот вооруженный бессменным пулеметом Кирпич. Городским жителям, которые не сидели в блокаде без света и воды и не ели сухпай на завтрак-обед-ужин, сложно объяснить, насколько нам казалась вкусной обычная пицца. Официанты тут же узнали Моторолу, другие посетители кафе тоже: по залу зашуршал восторженный шепот. Нам предоставили какое-то козырное место у окна. Долго копаться в меню, изображая гурманов, ни у кого из нас не было терпения. Мы заказали пиццу на всех. Ребята попросили безалкогольный мохито, я продолжил употреблять спиртное уже не от стресса, а на радостях, что все, с кем я общался в Славянске, живы-здоровы и я сам чудом уцелел… И вот на следующий день звонок.

— Рыжий, ты где? — Неподражаемый голос Моторолы в телефоне, состояние как будто обухом по голове ударили.

— Я пока не знаю, — промычал в трубку. Сориентироваться

мне действительно было нелегко, вместо гостиничного номера вокруг пестрели стены какой-то квартиры. Судя по всему, Стенин с Фомичом решили съехать из мажорного Park Inn и поселиться в более бюджетной съемной хате, меня добудиться они просто-напросто не смогли и тупо перевезли вместе со всеми вещами, перенеся сначала из гостиничной койки в машину, а потом из машины транспортировав каким-то образом на третий этаж, уложили в конце концов на местный диван. Когда меня разбудил Мотик, дома ребят не было. — На квартире какой-то, адрес не знаю.

В ответ раздался заливистый ржач, говорил он со мной, судя по всему, по громкой связи, потому что женский смех сливался с мотороловским. Лене ситуация тоже показалась забавной.

— Рыжий, выгляни в окно, может, из него видно что-нибудь, чтобы ты дал нам ориентир, мы скоро заедем за тобой.

Я попытался сосредоточиться и прошел на кухню, за стеклом маячил кусок какого-то памятника.

— Памятник, — перешел я к передаче данных, — и деревья.

— Сэмэн, да ты объясняешь как в «Джентльменах удачи». Ладно, выходи на аллею, что к памятнику ведет. Это, скорее всего, недалеко от Артема, где мы вчера сидели.

— Сейчас зубы почищу.

Моторола приехал не на традиционном своем убитом поездками по передовой джипе, а на белом бусике. Как выяснится, ментовском. Рулил на этот раз не Воха, а другой ополченец — Трофим, его ранило еще в Семеновке и вот только из госпиталя донецкого выписали. Воху — я узнаю позже — товарищ Первый отправил на копательные работы аж в Снежное, это на границе с Россией. Не за пьянку, а за горячую кровь. Вместе с еще одним мотороловцем Малым: они дали отпор толпе дерзких ополченцев столичного разлива, то есть пороха не нюхавших. Стрелков разбираться не стал, кто прав, кто виноват — была у него такая особенность, — и Воху с Малым отправил в ссылку. (Ссылка продлилась недолго, на снежнянский фронт через пару дней перебросили все мотороловское подраздление, и от наказания пацаны отпетляли, так как нужно было в боевых действиях участвовать.)

Короче, за рулем ментовского бусика теперь сидел Трофим — в задней части располагалось что-то типа оперативного штаба, откидывающийся столик, подобие какого-то лупатого экрана, и что самое забавное, шнур с рацией. На крыше был установлен рупор с мигалкой. В общем, такие машины со специальными камерами полиция (ну и милиция тоже) использует для того, чтобы контролировать и отслеживать ситуацию на различных

массовых мероприятиях: митингах оппозиции, например, всяких там шествиях. Мотороле бусик подогнали в штабе, как-никак конфискованная техника врагов донбасской революции. Камеры слежения за человеческими массами уже не висело, видимо, нашли ей другое применение, от нее осталась лишь нелепо торчащая стойка. Зато сирена работала. Когда я с набухшей, а потому трещащей головой залез в новый моторовский транспорт, полевой командир не преминул ей воспользоваться прикола ради — посмотреть, насколько остро этот милицейский вой отразится на моем похмельном состоянии. Отразился прискорбно. Все мое существо сказало об этом, что вызвало очередную бурю смеха. Мотор был в хорошем настроении (еще бы, он ведь безалкогольный мохито выпивал) и даже спародировал мой недавний ответ по телефону, копируя унылую интонацию: «Я не знаю, где я! Заберите мне отсюда!» — «Ну ты даешь, Сэмэн».

— Куда мы, — спрашиваю, — путь держим?

— Тут есть кафе, на набережной Кальмиуса — «Ракушка», там морепродукты всякие готовят и рыбу, будем рапанов есть. Пробовал когда-нибудь?

— Нет и, если честно, пока что не очень хочется, но поехали, конечно.

В «Ракушке» нас снова усадили на почетные места — Мотороле везде был зеленый свет, официанты кружили вокруг нас с подчеркнутым пиететом. Моторола оказался гурманом. Изысканно рассуждал о достоинствах и недостатках приготовления рапанов тем или иным способом, да и вообще показал себя глубоким знатоком морской кухни.

— Я частенько у бабушки жил, — предвосхитил мой вопрос Моторола, — в Сочи. Мы там с ровесниками частенько мидии собирали и потом жарили, любовь к морской еде оттуда, из детства.

Как известно, Моторола, он же Арсен Павлов, родился в Коми, о своей гражданской биографии он не очень-то любил рассказывать, так, бросал какие-то истории между делом. За все время нашей дружбы, если собрать одни только его профессии, выйдет длинный список. Последние места работы: спасатель в МЧС (даже корочку показывал), охранник в ИКЕА, разнорабочий на автомойке-шиномонтаже в Ростове-на-Дону — туда мы даже как-то заезжали, когда были в России. Где-то на улице Вавилова она расположена, отличительная деталь: на одной из бетонных стен моечного цеха — граффити, на котором изображен мегаполис в сумерках. Это Арсен рисовал, будущий полевой командир питал слабость к творчеству. Не только к

изобразительному искусству его тянуло, еще и рэпчик сочинял. Когда был в соответствующем состоянии духа, даже зачитывал что-то из своего в кругу близких друзей. Конкретных строчек я сейчас не воспроизведу, но осталось ощущение какой-то ранимой искренности. Его рифмы не стыковались с брутальным образом сурового военачальника. И это, конечно, трогало. Последнее — перед войной — место работы, по его собственным рассказам, было в каком-то смысле даже экстравагантным. Он делал гранитные памятники в конторе, связанной с ритуальными услугами. На эту тему он иной раз любил провокационно пошутить и даже на камеру Сереге Корню заявил: «До того как вступить в ополчение, я в похоронном бюро работал, памятники на могилы делал, работал по мрамору и граниту. В прошлом году заказов как-то мало было, вот я и решил на Украину поехать, чтобы исправить ситуацию». Серега Корень вывалил эту запись в «Ютьюб». От черного юмора промайданские юзеры просто визжали от негодования.

— Мне, пожалуйста, кофе латте с двадцатью граммами коньяка, — определился с напитком Моторола. Затем, когда мы впредь оказывались в кафе, все донецкие официанты уже знали, что он закажет. Лена попросила чаю. Я потребовал Б-52, нужно было как-то выходить из состояния минуса в состояние ноль.

— Какие новости, — спросил я, — в штабе?

— Да все хорошо. Новых задач уже нарезали. У меня теперь свое подразделение. Из ополчения начинают создавать полноценную армию. Всех официально поставили на довольствие и зарплату даже будут выплачивать, — умиротворенно рассказывал Мотор.

— Ого, — говорю, — зарплату! Большую?

— Да нормальную, в гривнах, правда, собираются платить. В пересчете на баксы: от ста до двухсот долларов в месяц. В зависимости от звания.

— Ты серьезно? Разве это нормальная зарплата?

— Слушай, в Славянске у пацанов даже на сигареты не было. Хоть что-то. Мы с Леной вот думаем квартиру снять, где-нибудь поближе к располаге. Чтобы после свадьбы вдвоем жить.

— Свадьбы?

— Да, я Лене предложение сделал.

— А дату уже выбрали?

— Нет, но сейчас выберем. Лен, ты когда хочешь?

— Давай одиннадцатого.

— Июля? — уточнил я.

— Конечно, июля. Чего тянуть, — подытожил Мотор.

— Так это ж через пять дней.

— Ну да.

— Мы станем первой парой, чей брак зарегистрируют в Новороссии официально, как в независимой стране, — довольно добавила Лена.

— Может быть, вам еще чаю принести? — обратился к Лене подоспевший под финал этого разговора официант.

— Да, принесите, пожалуйста, еще Б-52, — вставил я свои пять копеек, не дожидаясь Лениного ответа, слишком уж не терпелось поднять тост за молодых.

* * *

На свадьбе Моторола был в гипсе, который ему наложили на сломанную ключицу и руку. В тот же вечер, после того как мы поели рапанов в «Ракушке» (вкусно, кстати, было), его подразделение перебросили в Снежное, естественно, он поехал на передовую вместе с бойцами. Там его ребятам выделили два БТРа, технику нужно было обкатать. Моторола решил это сделать сам. Как потом рассказывал Прапор — в тот период военный комендант Снежного и ближайший стрелковский соратник, — бронетранспортер, которым управлял Арсен, разогнался до скорости более ста километров в час — они с Вохой ехали за ним, на машине, поэтому могли ее оценить. После длинной прямой дорога поворачивала направо. БТР даже не попытался повернуть и понесся прямо в поле. На пути оказались посадки: прежде чем перевернуться, он снес три дерева. Прапор с Вохой кинулись вытаскивать командира. Спасло то, что Мотор не стал снимать с себя экипировку перед учебной поездкой, а главное, оставался в своем фирменном шлеме. (Позже, когда мы разглядывали его, насчитали штук пять, не меньше, глубоких засечек. Без шлема черепная коробка вряд ли бы уцелела.). Арсена размотало по внутренностям бронетранспортера. Когда его вытащили, он был без сознания. Чтобы командир не отъехал, Воха вколол антишок и повез в ближайшую снежнянскую больницу. Все обошлось. Мотор отделался ушибами, ссадинами, сотрясением мозга, ну и переломом ключицы. По фронтовым меркам ерунда. Только вот жениться придется в гипсе на полторса. А что с БТРом случилось, до сих пор непонятно. У самого Моторолы несколько версий: либо он сам уснул за рулем, пока перебрасывали людей в Снежное, проводили рекогносцировку, размещали подразделение, выставляли посты, изучали линию фронта и разведданные — в общем, это дня три без сна, могло просто-напросто вырубить. Либо что-то с управлением в бронетранспортере было не так,

после аварии установить это точно не представлялось возможным, так как морда БТРа смялась о деревья. Непосредственно момента вылета в поле и столкновения с лесом Арсен не помнил, скорее всего, из-за сильного сотрясения. От Стрелкова он, конечно, получил нагоняй, но в целом товарищ Первый лояльно отнесся к ЧП. Во-первых, у Моторолы и авторитет непотопляемый, в халатности на фронте ни разу уличен не был, во-вторых, обе возможные причины выглядели убедительными.

Утром в день свадьбы — я приехал к Мотору на квартиру пораньше, невесту увезли делать прическу, сам он с одной свободной рукой собраться и нарядиться не мог, нуждался в дружеской помощи. Задача стояла неординарная: каким-то образом натянуть парадный китель на объемных габаритов гипс. Все усугублялось тем, что Моторола заметно нервничал, курил одну за одной свои тонкие укороченные сигареты, на этот раз «Винстон» кажется, покрикивал (больше сам на себя), когда что-то не получалось.

— Волнуюсь, — говорит, — больше, чем перед спецоперацией.

И это было правдой, таким на фронте я его никогда не видел.

Невесту забирали, как положено, с какими-то загадками от подружек и прочей мишурой. Лена предстала перед женихом в пышном белом платье. Ну она бы не стала, наверное, женой Моторолы, если бы не ее боевой характер. Об этом говорил не совсем типичный свадебный аксессуар: черная «оперативка» с кобурой, из которой торчал заряженный пистолет Макарова.

Журналистов на свадьбу пришло множество, даже все ведущие западные агентства и издания примчались. Еще бы — романтичная лав-стори российского «оккупанта» и донбасской «сепаратистки», окрашенная в цвета флага нового зарождающегося государства, приправленная взрывами и свистом пуль, фронтовой гарью, трагедией Славянска и героическим прорывом из блокады.

После ЗАГСа кортеж намеренно оторвался от репортерского сопровождения. Даже мы с Фомичом — команда Life, которой Моторола позволял все, — убрали камеры, праздник все-таки. (Злюсь сейчас на свою деликатность — кадры ведь исторические.) Один Стенин не унимался, его тоже позвали как гостя, а не как представителя прессы, но он продолжал фоткать для личного архива молодоженов.

Шумный ополченский кортеж остановился у Донецкой филармонии, и вся процессия отправилась в парк фотографироваться. Городская фотосессия едва не закончилась

боестолкновением. Из ближайшей комендатуры уже отправили группу быстрого реагирования разобраться, из-за чего шум-гам. Не могла ведь мотороловская свадьба обойтись без стрельбы. Среди гостей — все, кто воевал в Славянске, то есть люди, которые даже во сне не расставались с оружием. Стоило одному пальнуть в небо, как салют подхватила вся толпа. Треск от выстрелов стоял на всю округу. Перепуганные мирные жители разбегались во все стороны. Местные донецкие бойцы, патрулировавшие улицы, не знали, как поступить, и начали названивать куда-то, не решаясь подойти, чтобы узнать, в чем дело. На звуки выстрелов прибежал лишь один человек: патлатый иностранец со светлой хипповой бородкой и камерой. Разгоряченные и вооруженные гости недоброжелательно его обступили — все-таки потенциальный информационный враг, выпустит потом видео с заголовком: «Моторола устроил стрельбу на собственной свадьбе». Все же знают, как это делается. Хиппи с камерой, одетый в засаленные джинсы с обвисшими коленками и дырявые кроссовки, был больше похож на фрика, чем на репортера, судя по его скупым объяснениям, оказался стрингером. Это только вызвало еще больше вопросов, особенно у боевых товарищей молодоженов. Кое-как я уговорил ребят оставить незваного оператора в покое. Во-первых, из элементарной журналистской солидарности, во-вторых, объяснил, что половина негатива в иностранной прессе из-за их собственных предубеждений и недоброжелательного поведения.

Патлатый англичанин благодарно закивал, когда на него перестали наезжать. Это был Патрик Ланкастер — уникальный и совершенно отважный человек. Мы подружились позже. Он работал оператором у Грэма Филлипса, а в итоге сам женился на донецкой девушке. Сейчас живет в ДНР, у них родился ребенок. Патрик работает независимым журналистом, у него свой канал на ютубе и куча подписчиков, а еще он через Интернет собирает деньги, чтобы закупать памперсы и развозить их маленьким детям, которые до сих пор живут в зоне обстрелов. Патлы он состриг, выглядит сейчас солидно. Короче, Патрик — крутой. Не жалею, что заступился за него. Моторола потом тоже с ним подружился, когда шли бои за Донецкий аэропорт, месяца через три после свадьбы.

День, конечно, выдался фееричный. Уже потом, в ресторане, посиделки в котором организовал один из лидеров антимайданского движения Павел Губарев, снова стреляли. Главный артиллерист в Славянске — пузатый ополченец с позывным Художник — прострелил потолок и сшиб кованую люстру. Рассказывают еще, что меня не могли оттащить от

танцпола — я вовсю рок-н-роллил. Потом, когда через какое-то время я приехал на фронт в Снежное (Моторолы уже не было в ДНР, он лечился в Крыму) и зашел в штаб, меня едва не задержали для выяснения личности. Местное командование понятия не имело, кто я такой и что со мной делать. Так вот от неприятных и подозрительных вопросов тогда меня спас Тор. Он случайно зашел в кабинет, где проводилась беседа, и первым делом рявкнул:

— Эй, вы что, с ума сошли! Это ж тот чувак, что у Моторолы на свадьбе отплясывал. Семен же тебя зовут?

Медового месяца у молодоженов изначально не подразумевалось. На следующий день после гуляний Моторолу отправили на передовую. Лена оставалась жить в снятой в Донецке квартире — с мамой (они ее тоже забрали с собой из Славянска) и каждый день навещала мужа на фронте. Когда получалось, он возвращался вместе с ней домой на ночь. Я иной раз катался с ними. Мы загружались в белый бусик к Трофиму, тот самый, ментовский, и ехали в Снежное. На Трофима возложили обязанность доставлять из Донецка питание и боеприпасы для подразделения. Длилась эта идиллия недолго. Меньше чем через неделю после свадьбы Моторола с Леной попали в аварию, недалеко от Харцизска, когда мы возвращались под вечер колонной из Снежного. Я ехал с Трофимом. Супругов вез Чечен — сумасшедший ополченец, переправлявший гуманитарку в Славянск. На одном из перекрестков в них влетела легковушка. Ну или Чечен в нее влетел. Свидетели в показаниях путаются. Мотор снова оказался без сознания, Лена отделалась царапинами. На «скорой» их доставили в военный госпиталь на улице Калинина в Донецке. Жизни Моторолы ничего не угрожало, но состояние у него было неважное. Две аварии с сильнейшими сотрясениями за одну неделю. Когда полевой командир пришел в себя, оставаться в палате отказался категорически. Потребовал сигарет, хот-догов и чтобы его поскорей увезли домой. Всем близким становилось страшновато оттого, что после жесткой, опасной безумно, аскетичной жизни в окопах на Семеновке и подвалах Николаевки черная полоса началась именно здесь, в спокойном Донецке. На следующий день я зашел к Мотору с Леной, они собирали вещи. Стрелков отпустил их в отпуск, на лечение. Я пребывал в растерянности. Его бойцы, когда узнали об этом, — тоже. На прощание Моторола посоветовал мне держаться Вохи, все-таки не зря он был его правой рукой. Обещал вернуться не позже чем через месяц.

После отъезда пары злые языки, конечно, заговорили: «Моторола испугался, бросил ДНР, бежал». Друзья реагировали

на подобные комментарии крайне агрессивно, но сами глубоко в душе пребывали в депрессивном состоянии. Через неделю Мотик набрал Вохе: «Мы с Леной в Крыму, все хорошо, скоро венчание. После нужно доделать кое-какие дела и обратно — в Донецк». Все вздохнули с облегчением.

Тем временем тучи пыли, поднятые украинской артиллерией, все сильнее сгущались над столицей ДНР. Я чуть ли не ежедневно мотался на снежнянский фронт к Вохе, задача перед ними стояла принципиальная и на этот раз наступательная — пробить коридор к российской границе, а именно к КПП «Мариновка». В первом же наступлении Воху ранило, он попал в госпиталь. Я продолжал ездить на фронт, теперь уже к Тору, который запомнил меня по танцам на мотороловской свадьбе, он был заместителем командующего Восточным фронтом и брал нас — Андрюху Стенина и Серегу Корня — на операции. Взять мариновский терминал все никак не получалось. Во время одного из неудачных наступлений меня впервые контузило. Я прятался в окопе с разведчиком Турком, когда над нашими головами разорвался снаряд из «саушки» 152-го калибра. Осколки не задели, но мозг сотрясся до неадекватного состояния. Спустя пару дней нас с Фомичом вызвали в Москву. На неделю сделать передышку. Я подъезжал на такси к своей съемной квартирке в Москве в районе Речного вокзала и не верил, что все это по-настоящему: толпы народа, сияющие супермаркеты, работающие банкоматы, а главное — ни одного человека с оружием. Как ни странно, мне было неуютно и почти страшно здесь, в Москве. Когда я поднимался по лестнице, в кармане зазвонил телефон.

— Рыжий, ты где? — прозвучал неподражаемый голос Моторолы в телефоне. — В Москве, надеюсь? Мы с Леной завтра приедем в гости!

Я открыл припасенную бутылку «Артемовского» розового шампанского, полусухого, осушил ее в три граненых стакана и поехал покупать надувной матрас, успокоенный тем, что через неделю нам всем возвращаться обратно.

Штурм депо

— Малой, а ты что здесь делаешь? Вас же сменили…

— Грузились уже, собирались ехать в располагу. Но позвонил Шустрый, сказал, что командир на передке… А я так долго ждал этого момента… Ну чтоб с командиром повоевать… — оправдываясь, затараторил семнадцатилетний ополченец.

За пару секунд до этого Шустрый, который всего на пару лет старше Малого, выстрелил из «сапога» по железнодорожному депо, где забаррикадировались украинские военные. «Сапогом» ополченцы называли противотанковый гранатомет СПГ-9. В городских боестолкновениях штука крайне эффективная.

Настроение на позиции было праздничное. Моторола, который больше месяца ходил со сломанной ключицей, наконец-то восстановился, экипировался по полной и выбрался к пацанам на передовую, чтобы поучаствовать в бою.

По информации местных, которым удалось пересечь линию фронта и в минуты затишья перебежать из кварталов, подконтрольных ВСУ, на ту часть города, где разместили свои силы дэнээровцы, — железнодорожную станцию Иловайск держали так называемые тербаты. Территориальные батальоны, если пол ностью. Это добровольческие подразделения, которые воевали конечно же под колпаком официальных силовых структур Украины. В тербаты записывались идейные, туда шли не по призыву. После того как началась АТО, таких военизированных группировок появилось с десяток, костяк составляли непосредственные активисты и участники Евромайдана: «Киев-1», «Киев-2», «Азов», «Днепр», «Кривбас»… Это неполный список. Был среди них и батальон под названием «Донбасс». В нем воевали жители из Донецкой и Луганской областей, которые поддерживали политику новой киевской администрации. Пророссийских настроений у них не было, референдум о независимости ДНР считали чуть ли не террористическим актом. Таких добровольцев в составе ВСУ ополченцы не любили особенно. В голове не укладывалось, как эти ребята шли воевать против своих соседей по лестничной площадке, как разносили из артиллерии фактически собственные шахтерские городки. Так вот, по рассказам беженцев, в иловайском депо стоял как раз батальон «Донбасс». Сказать, что это особенно подогревало мотороловцев, — ничего не сказать. Руки чесались у каждого. И у Моторолы, конечно, тоже. К бою он готовился тщательно, проверил, все ли в порядке с подствольником и нет ли пустых ячеек в специальном подсумке для двадцать пятых ВОГов —

излюбленного его оружия.

— Влетит мне от Лены, конечно, — пробурчал Моторола себе под нос, когда мы грузились в «Урал», курсировавший между иловайским штабом и позициями ополченцев. — Вот как ей объяснить, что вернуться пораньше сегодня не получится?

* * *

Мотор с Трофимом заехали в пять утра. Воха — правая рука и рулевой командира — получил тяжелое ранение в Шахтерске, лечился. Трофим — крепкий и деловой мужичок лет пятидесяти — теперь возил командира из Донецка к позициям, где дислоцировались его бойцы. У Трофима было круглое смуглое лицо, золотозубая улыбка. Внешне он напоминал обычного работягу-дальнобойщика, с такими же ушлыми замашками, что свойственны людям большой дороги. Однако за всеми этими шутками-прибаутками крылся солдат невиданной смелости. Фатальное отсутствие страха даже в самых безысходных ситуациях не раз спасало жизнь и ему самому, и его пассажирам. Безбашенности, как видно, сопутствует фарт. С Трофимом всегда казалось надежно.

— Если хочешь доехать до Иловайска без приключений, надо проскочить, пока укропские артиллеристы спят, — позвонил Моторола накануне.

— Как это, — спрашиваю, — без приключений? Ты завязывай с этими приколами, а то сам потом будешь Лене все объяснять.

С Леной они поженились в июле, в сентябре она уже была на втором месяце. Девушка не робкого десятка, единственный человек, чьи приказы Мотор выполнял без обсуждений. Она приказала не рисковать понапрасну.

Короткую дорогу к Иловайску — напрямую через Харцизск — еще не пробили. У ВСУ оставались «Грады», САУ и прочие прелести, что падают с неба. Нужно было ехать кругом — через Шахтерск, а это лишние минут сорок. Несмотря на то что время поджимало, мы все равно остановились у небольшой церквушки прямо на трассе. Здесь бил освященный родник, у нас вошло в традицию останавливаться там каждый раз, когда оказывались в этих краях. Вслед за Мотором я сделал три глотка, умыл ледяной водой лицо и перекрестился. Трофим деловито набрал несколько литров с собой.

* * *

В бою Моторолу всегда узнавали. Во-первых, по пластике перемещения по линии фронта. Его движения были вальяжными и спокойными, когда он нырял в укрытие, и резкими и рваными, когда выбегал на открытое пространство, чтобы произвести очередную серию выстрелов. Во-вторых, по фирменному шлему-каске, тесно сжимающему лицо, плотно застегнутому бронежилету, налокотникам и наколенникам, тактическим перчаткам. Экипировка для Моторолы — фетиш, да и для его подчиненных тоже. И надо сказать, педантичное отношение к средствам защиты не раз спасало жизнь самому командиру и его бойцам тоже. Есть такая категория ополченцев-фаталистов — мол, если судьба погибнуть — значит, так тому и быть. Мотор не был сторонником фатализма, граничащего с глупостью. Он ценил смелость и презирал бессмысленные потери.

На передовой в Иловайске его движения поначалу казались угловатыми, давали знать о себе предыдущие контузии плюс не восстановившаяся до конца ключица. Бронежилет, который раньше воспринимался как часть торса, сковывал плечи. Мозг помнил выработанную в боях манеру передвижения, тело не могло ее повторить в полной мере. Конечно, Моторолу это бесило. Перебежка от места высадки из «Урала», доставившего нас на передок, до первой огневой точки далась нелегко. Ребята из отряда Гиви — местного иловайского полевого командира — уже подготовили почву для грядущей перестрелки. В интенсивном темпе выпустили по депо пару десятков мин 82-го калибра. Украинские военные проснулись и начали работать на подавление. Развернуть минометы они еще не успели, поэтому прочесывали нашу сторону из стрелкового оружия: трещали полдюжины автоматов и ПК.

— В шахматном порядке, пять-шесть метров друг от друга, — скомандовал Моторола, выпрыгнув из грузовика.

До укрытия — плотного бетонного ограждения у самых рельсов — мы добежали одним истеричным рывком, пули вспискивали над головами, но с приличным запасом для нас, где-то на метр-полтора выше. Это означало, что противник не просматривает напрямую спринтерский участок, ведет огонь из укрытия наугад.

— Значит, и снайперов еще не успели выставить на верхние точки, — выдыхая, резюмирует Мотор, после того как мы достигли цели. — Но вот ПК у них точно не один… Не хотят просто раскрывать пулеметные гнезда, грамотно… Но ничего, мы сейчас туда задуем из всего, что есть.

Ребята на позициях подготовились к приезду командира. У стены была аккуратно сложена горка из «мух» — одноразовых

гранатометов, припасена пара «шмелей» — более мощных зарядов, «морковок» для старого доброго РПГ тоже хватало. Метрах в пятидесяти от нас двое бойцов залегли у «сапога» или «шайтан-трубы», как называли это разрушительное устройство мотороловцы.

— С чего начнем, командир? — спросил готовый подавать снаряды ополченец неопределенного возраста. Под конец смены на линии фронта все бойцы становились на одно лицо. Те, кто постарше, как будто сбрасывали с десяток лет, те, кто помоложе, — наоборот состаривались на глазах. После перманентной перестрелки длиной в сутки всем им исполнялось как будто по сорок, в глазах и морщинках светилась одухотворенная зрелость, приправленная безумной искрой адреналина.

— Пусть ребята сначала «шайтан-трубу» разогреют. Надо сбить нацикам азарт, а то они остервенело палят по сторонам без оглядки. Сейчас пару выстрелов из СПГ и обратно в подвалы попрячутся, потом мы берем паузу — они расслабляются и начинают снова вылезать на поверхность от любопытства… Тут мы и включимся с новой силой. Введем противника в заблуждение… — разъяснил Мотор, и ополченец дал отмашку ребятам, залегшим у «сапога». Одного из них звали Шустрый, парнишка недавно еще был то ли поваром, то ли санитаром или посыльным, долго просился в подразделение к Мотороле, его скрепя сердце взяли, и вот теперь он хотел доказать всячески, что полезен и решителен в бою, потому показательно засуетился вокруг станкового гранатомета.

Подготовка орудия к выстрелу напоминала закладку дров в печку. Шустрый брал полено-снаряд, открывал створку буржуйки-трубы, решительным движением забрасывал чурку в условное пекло и захлопывал дверцу. Затем садился на одно колено рядом с установленной на треноге «шайтан-трубой», коротко прицеливался и «задувал» — на ополченском сленге это означало выстрелить по противнику из чего-то гранатометного. Грохот от этого акта был запредельный, несмотря на то что мы прятались за стеной поодаль. В одну из пауз командир услышал одиночный свист в направлении «сапога», который ни с чем не спутаешь. Больше всего он напоминает хлопок кожаной казачьей плетки о воздух. Боец, который должен был работать с Шустрым в паре, после трех-четырех выстрелов оглох окончательно, поэтому, когда Моторола крикнул ему:

— Открывай беспокоящий огонь из калаша, пока идет зарядка орудия, — тот с недоумением и замороженным взглядом смотрел на командира, разводя руками. Контузия, что называется

«от своих», во время интенсивного боя явление распространенное.

Мотору пришлось на языке жестов объяснять: точка Шустрого противником уже раскрыта, работает вражеский снайпер, поэтому, пока один боец перезаряжается, другой должен на всякий случай прикрывать его беспокоящим огнем. Оглушенный ополченец задачу понял довольно быстро и теперь выпускал протяжные очереди из АК в сторону депо с энергией и азартом умалишенного. Секунд через тридцать заговорившему автомату уже вторили остальные двадцать стволов на позиции. Сколько ни бился Моторола, а эффект цепной реакции на фронте, когда стоит начать одному, за ним повторяют все остальные, преодолеть не получалось никак. И плевать всем было на то, что в этом дружном хоре стрелкового оружия противнику вскрывались все огневые точки подряд. Тогда как по правилам локальной обороны хотя бы две-три позиции должны не палиться и оставаться как бы в запасе, чтобы в переломный момент сбить врага с толку.

В общем, стреляли все, изначальная задумка — усыпить бдительность забаррикадировавшихся на железнодорожной станции тербатовцев — сорвалась. Теперь оставалось только одно — вступать в боестолкновение, исходя из тех реалий, что имелись.

У Моторолы было настолько хорошее настроение — снова оказался на передовой и руководил действиями подчиненных не по рации из штаба, а здесь, на месте, — что даже серьезные отклонения от хитроумного плана не могли испортить его. Он хотел как можно скорее вернуть прежнюю форму, ведь именно такие бои на средней дистанции в сто — двести метров — его конек. То, что всегда получалось виртуозно. Тут как раз в тему — поупражняться в стрельбе из подствольника — расстояние позволяет.

Излюбленное оружие Мотор сразу же пустил в ход и сначала навесиком отправил 25-й ВОГ через видневшиеся за бетонным ограждением вагоны товарного поезда. Граната разорвалась между рельсами и зданием депо, командир результатом остался доволен. Новость о том, что он уже вступил в бой, мигом пронеслась среди мотороловцев, и они чуть ли не толпой, с трудом стараясь держаться командирских установок — пять-шесть метров друг от друга в шахматном порядке — бежали к нам на точку. Вскоре под бетонной стеной скопилось человек десять.

— Малой, а ты что здесь делаешь? Вас же сменили, — обратился Трофим к ополченцу, которому на вид и семнадцати не дашь. Он пришел вместе с незваной подмогой.

Моторола хотел было сделать им втык за недисциплинированное поведение на линии соприкосновения с

противником, но подзабытые эмоции от первых минут огневого контакта брали верх, азарт захлестывал всех, и его тоже. Подозвал к себе Малого.

— Заряжаешь «морковку» в РПГ здесь, потом выбегаешь на открытое пространство, — показывает рукой на пятиметровый проем в ограждении, — дальше у тебя не больше двух-трех секунд, чтобы прицелиться: стреляй и сразу обратно. Первый можно немного под углом — дистанцию почувствовать.

Малой воевал у Моторолы с Семеновки, поначалу его вообще никто всерьез не воспринимал: парень школу еще не закончил, смугловатое лицо с хулиганским выражением было еще детским, по краям рта торчали две-три волосины подростковых усов, неестественно большие синие глаза выражали наивность. Над ним, конечно, подшучивали, гоняли, как самого молодого… Однако, когда в очередном бою настал его персональный «момент икс» — у каждого солдата он настает, — Малой оказался намного старше своих лет. На его счет записаны как минимум два подбитых БТРа, а это серьезное достижение даже по меркам бесстрашных мотороловцев.

В операции на Восточном фронте, когда ополченцы пробивали коридор к российской границе в районе Снежного, Малому и вовсе доверили командовать группой. Моторола тогда лечился в Крыму, поэтому в новой ипостаси парнишку не наблюдал, и теперь, конечно, тот хотел показаться перед командиром во всем героизме. Его группа дежурила на позициях с рассвета, и Малой за полчаса до приезда Мотора сменился, но специально вернулся на фронт — покуражиться. Поэтому на команду отреагировал молниеносно — через пару секунд РПГ с заряженной «морковкой» улегся на его тощее плечо. «Готов?» — «Так точно!» — «Пошел». Малой в заплетающейся манере, но очень быстро засеменил к провалу в стене, подзамешкался, потратил на прицел больше отведенного командиром времени, точно выстрелил и под одобрительные крики сослуживцев в расслабленном темпе вернулся на исходную. Он было заулыбался Мотороле, но лицо того осталось непроницаемым.

— Ты что, в натуре, дол…б? Сказано было две-три секунды и навесом! Ты кого там выцеливал? Укропы в окна, что ли, уткнулись посмотреть на тебя и ты хотел точно в форточку попасть? Снайпер как не-хер-на-хер мог сейчас тебя снять, и все, отвоевал бы ты свое… Были бы тебе и Новороссия, и ДНР, и кресты наградные посмертно… Завис там и еще обратно — как будто на прогулке. Кому понты эти нужны?

Малой уже второй раз за день огребал от командира. Первых звездюлей получил утром, перед тем как заступить на дежурство.

Получили, в общем, все, поэтому было не так обидно, как сейчас.

* * *

Трофим довез нас до Иловайска минут за сорок, то есть мы подъехали к штабу где-то без пятнадцати шесть. В шесть у бойцов подъем, полчаса на утренние процедуры и затем развод на позиции: менять тех, кто дежурил ночью. На территорию базы нас пропустил заспанный вахтер, который не сразу даже понял, кто мы такие, — база числилась за полевым командиром Гиви. Он сам — местный, иловайский, собрал знакомых ребят и сформировал отряд, с которым приступил к зачистке города от ВСУ. Силы были, мягко говоря, не равны, потому мотороловцев и перекинули на это направление, помогать. Поскольку Гиви и его ребята довольно долго воевали здесь в одиночку и на подконтрольной им территории их каждая собака знала, то любой инородный джип с «камуфлированными» пассажирами воспринимался на аутентичных блокпостах неоднозначно. На одном из таких КПП, на подъезде к Иловайску уже, особенно мнительные постовые передернули затворы и хотели стрелять, когда Моторола в свойственной ему дерзкой манере потребовал пропустить нашу машину к фронту.

Он потом рассказывал — среди Гивиных ребят попадались и те, кто все-таки по своим стрелял. Никто не пострадал, но повод для стеба был основательный. Еще со Славянска в народ ушел мотороловский прикол: бойцов, которые в состоянии аффекта от страха или излишней предосторожности открывали огонь в сторону дружественных сил, называли сомалийцами. Ну типа как пираты сомалийские палят куда попало без разбору, в голове абсолютная анархия. И после того случая Моторола частенько предъявлял в шутливой форме Гиви, что тот понабрал к себе в отряд сомалийцев. Гиви, кстати, тоже будучи человеком с острым чувством юмора и склонностью к самоиронии, через какое-то время так и назвал свой батальон: «Сомали». В свежесозданном Министерстве обороны ДНР это вызвало недоумение, но в итоге название прижилось, а после противостояния в Донецком аэропорту юмористический флер вообще улетучился. Сомалиец на Донбассе — теперь не просто гордо звучит, но и устрашающе.

Заехав на базу, Моторола сразу направился в кабинет к напарнику, в казарме царила тишина, но сам Гиви уже не спал. С благородным смуглым лицом и статью горца — его русская кровь замешена на кавказских дрожжах, — он был раза в полтора выше Мотика. Они сработались и сдружились буквально за пару дней.

— Ну что, мой брат, когда укропов кошмарить начнем? — приветствовал его Моторола, пародируя кавказский акцент. Получалось натурально, потому что служил на Северном Кавказе, а еще долго у бабушки в Сочи жил — тоже как-никак горские места.

— О, мой рыжебородый друг! Сейчас кофе попьем и приступим! — встал навстречу Гиви. Стол был покрыт полусекретной иловайской картой с двухцветной разметкой свои — чужие. Гиви с подозрением посмотрел в мою сторону, я виновато отвел глаза (привычка — разглядывать карты), Мотик ситуацию перехватил:

— Этому можно доверять, не вникай.

В кабинете по всем углам гроздьями висели рации: стояли на зарядке и неприятно потрескивали.

— Пойдемте лучше на улицу, — предложил Гиви, и мы вернулись во двор.

База располагалась на территории то ли бывшей пожарной части, то ли райотдела милиции. Бойцы, что из местных, уже суетились, Гиви распорядился напоить нас утренними тонизирующими напитками.

— А пожрать у вас что-нить есть? — бодро уточнил Моторола.

— Сухпай трофейный, — отрапортовал Гивин адъютант.

— Блин, как же задрал этот сухпай… Неси!

Тем временем на часах пробило шесть, и если сомалийцы уже вовсю натирали мылом сальные от душной ночи лица, то мотороловцев во дворе не было. Они еще спали. Зная взрывной характер Мотора, я ждал реакции. Однако командир невозмутимо поглощал украинскую тушенку, тщательно закусывая ее черствым хлебом.

— Ясно теперь, почему в твоем подразделении потерь так мало: когда война идет, мотороловцы спят, — не выдержал Гиви.

Мотик, слегка причмокнув, опустил ложку в консервную банку:

— Что-то жрать все время хочется… Надо, наверное, пропить курс таблеток против глистов. В этом году еще не вытравливал. — Диалог плавно перетекал в тарантиновскую плоскость, Моторола сохранял абсурдное для его темперамента спокойствие: — Все хорошо в украинском тушняке, только изжога потом адская. — Демонстративно пошкрябал ложкой по опустевшей жестяной таре, облизал ее. — А сладенького у вас нет ничего, к чаю?

На столе тут же появилось варенье.

Сочувствующие идеям ДНР жители Иловайска несли

ополченцам различного рода до машние консервы. В варенье дефицита не было. Моторола обстоятельно заедал чай сливовым джемом, а когда насытился, достал тонкие укороченные сигареты. Заядлые курильщики называют такие зубочистками. С того момента, когда для его подчиненных должен был прозвучать подъем, прошло уже минут двадцать. Командир с курортным видом выпускал изо рта дым. До выдвижения на позиции оставалось всего ничего.

— Мои уже «Нонну» разворачивают, — подначивал напарника Гиви.

— Не переживай, братан, мои сейчас в ускоренном режиме соберутся, у меня есть тайное средство, — в той же флегматичной манере отвечал Мотик. — Трофим, принеси, пожалуйста, из машины мой автомат и подсумок с ВОГами, — загадочно распорядился он.

Водитель, который вслед за командиром уплетал за обе щеки сначала тушенку, потом варенье, сытой походкой направился к джипу.

Моторола тем временем наблюдал, как Гивины парни здесь же, во дворе, в десяти метрах от трапезного стола, разворачивают артиллерийскую установку «Нону-К». По плану, прежде чем проводить разведку ближним боем вагонного депо, где засели добровольные евробоевики, иначе говоря, рекруты территориальных батальонов «Донбасс-1» и «Донбасс-2», по объекту наносились удары из тяжелых орудий. Мотик хотел, чтобы его люди работали под прикрытием артиллерийского огня, так гораздо комфортнее, да и вообще по уму. Если на Семеновке под Славянском ресурсы были ограниченны настолько, что воевать приходилось не так, как положено по законам войны, а исходя из скромных возможностей, то здесь, в Иловайске, дела обстояли значительно лучше. Незадолго до Иловайской операции ополченцы разгромили ВСУ под Снежным. Вместе с территорией украинские военные оставляли боеприпасы, технику. Армия ДНР интенсивно перевооружалась за счет противника. И конечно, Мотороле, который в годы службы повоевал в российской армии во вторую Чеченскую кампанию, это особенно грело душу. Трофеи давали возможность более тщательно готовить зачистки и планировать штурмовые операции. Нельзя было сказать, что артиллерийская мощь теперь на их стороне. Да, противник находился в шаге от того, чтобы оказаться в полном оперативном окружении. Однако при этом у самих вэсэушников проблем с вооружением особых не намечалось. Как докладывала разведка, у ВСУ снарядов как у дурака фантиков. С советских времен еще запасы остались. О том, что противник огрызался, и огрызался

серьезно, говорили внушительные пробоины в крыше казармы, где Гиви разместил мотороловцев. ВСУ обрабатывали ополченский тыл из «Градов», саушек, пушек Д-30, минометов, из всего чего не лень.

— Вот, командир. — Трофим протянул ему родной калаш с прикрепленным у дула подствольником. — И подсумок, как ты просил.

С той же беспечностью, с которой поглощал местные угощения на завтрак, Мотор мягким движением достал ВОГ-25 из сумки-хаки, поместил гранату в подствольник и, не особенно прицеливаясь, выпустил ее прямо в зияющую дыру казарменной крыши. На чердаке прогремел взрыв.

Гиви, не очень понимая, что происходит, подбежал к рыжебородому другу:

— Ты куда шмаляешь???

— У вас все равно потолок будет течь, моя граната погоды не сделает, — дедуктивно пояснил ситуацию Моторола и опустил в подствольник еще один ВОГ.

Гиви несколько секунд недоумевал и потом заржал во всю свою кавказско-русскую удаль:

— Офигенный будильник!

После второго разрыва в беспробудной казарме послышались крики, внутри здания забурлила жизнь. Мотику показалось мало, и на чердак полетела третья граната. Тут уже из дверей, толкаясь и обгоняя друг друга, во двор посыпались раздерганные взрывными флюидами тела. Глаза мотороловцев горели адреналиновым блеском и резко контрастировали с сонными «лицевыми опухолями», которые не успели сойти с воспаленных от духоты черепов за столь короткий после пробуждения срок. Боец с позывным Малой, завидев командира, с надрывом закричал:

— Мотор, срочно в укрытие, в подвал! Нас атакуют! — Кожа его лоснилась от тревожного пота.

Вдогонку этому громкому заявлению неслись деловитые комментарии.

— Вот укропы, суки, как точно пристрелялись к базе, — ворчали старожилы.

— Быстрей, быстрей… — подзуживал их командир, — что ж вы во двор-то бежите, марш по норам.

Подчиненные никак не могли отдуплиться и метались по площадке перед казармой, не обращая внимания на ядовитые взгляды сомалийцев, которые уже давились от хохота. Малой первым обратил внимание на подвох и с типичной для него искренней наивностью, подбежав к Мотороле вплотную,

полушепотом спросил:

— Не по нас, что ли, стреляют?

— Еще как по вас!

— Стоп… А чего никто не прячется?

— Ты время видел? — уже с нарастающей строгостью спрашивал Моторола, ярость стремительно брала верх над юмористическим настроем. Резкая смена интонаций была характерна для него, особенно вблизи передовой. — Какого хера, я приезжаю за полсотни кило метров к шести утра, не опаздываю, а вы подняться вовремя не можете?! Гиви уже артиллерию выставил, а твои в кроватях дрочат! Быстро построиться!

Растерянность на лицах бойцов сменилась на виноватую готовность выполнить любой приказ.

— У вас пять минут на то, чтобы полностью экипироваться, распределить БК и выдвинуться на позиции.

* * *

Получив нагоняй за легкомысленное отношение к боевому заданию, Малой выцыганил у командира вторую попытку. Моторолу подотпустило, он снова язвил:

— Хочешь вину искупить кровью?

В больших глазах Малого читалось: готов и на это.

— Давай, теперь без выпендрежа: выскочил, прицелился, задул, в укрытие.

Ополченец энергично начал заправлял следующую «морковку» в РПГ-7, командир повернулся к остальным:

— А все, у кого есть подствольники, отсюда прямо из-за стены навесом забрасываем ВОГи за вагоны, прикрываем гранатометчика, а ты, Малой, не раньше, чем я три ВОГа отстреляю, строго по команде. Всем все ясно?

— Да, командир.

— Погнали.

Моторолу как будто немного знобило от предвкушения боя, в прямое столкновение с ВСУ он не вступал чуть ли не пару месяцев, а тут снова, можно сказать, лицом к лицу. Он умело выстроил угол на прицеле, чтобы отправить ВОГ на необходимое расстояние. Тут вроде все просто: чем больше угол, тем меньше расстояние, однако в том и заключается мастерство, чтобы подбирать его на глаз, оценив дистанцию. Все знали — Моторола добился в стрельбе из подствольника феноменальной точности. Утром бойцы ощутили это на себе, когда любимое оружие командир применил как будильник. Чуть не подрассчитай он с

углом, граната могла залететь прямо в окошко, разорваться среди стройного ряда казарменных коек и уж точно если не убить, то кого-нибудь затрехсотить, в переводе с ополченского сленга — ранить. Теперь так же безошибочно и резко он щелкнул по черному курку, навес получился загогулистый, но отсюда, из-за стены, именно так и надо было стрелять, не попадая в прямую видимость противника. Очень удобно, в общем. Разрыва пришлось ждать не меньше пяти-шести секунд, бойцы застыли в ожидании, пока граната преодолеет заданную траекторию. Как только ушей достиг треск, ребята — их было человека четыре, не больше (подствольники на фронте считались дефицитом и доставались самым крутым), — ориентируясь на действия и угол, опробованный Мотором, начали забрасывать депо гранатами.

Сам командир четким движением извлек из подсумка следующий ВОГ и отправил его туда же, по значению. Когда на очереди был третий боеприпас, Моторола кивнул Малому, мол, будь готов, тот кивнул в ответ:

— Ты должен успеть все сделать, пока летит ВОГ — пять-шесть секунд! Пошел, — скомандовал Моторола и тут же выстрелил.

Малой, на этот раз сконцентрированный до предела, все исполнил строго по инструкции. С соседней позиции нетерпеливо махал руками, стараясь привлечь к себе внимание, Шустрый, ему невмоготу было оставаться безучастным.

— Командир, задуть им еще из «сапога»?

— Давай еще один раз, только дождись, пока мы тебя из автоматов прикроем. Выстрелишь — и давай к нам… — молниеносно отреагировал Мотор.

Когда Шустрый бежал к стене, мы пару раз услышали уже знакомые шлепки снайперской плетки. Означало это только то, что тербатовцы снова активизировались и собираются всерьез принять бой. С их стороны тут же затрещали автоматные очереди, над нами засвистели украинские пули, однако укрытие было надежным, единственное — выскакивать теперь на открытое пространство с каждым разом будет все опаснее. Без сомнения, враг вычислит точку, откуда ему прилетает «тяжелое», и переключит огонь на нее.

Шустрый прибежал не с пустыми руками, за плечом наперевес у него висели пара «шмелей», в руках он стиснул по «мухе».

— Малой с Шустрым, отдышитесь… Кто следующий?

Вызвался паренек из сомалийцев, позиция все-таки общая. Мотор хотел было усомниться в рациональности этого предложения.

— Он справится, не ссы, — вмешался Гиви, который, передергивая затвор своего РПК, тоже примерялся, как бы поудобнее выбрать точку для стрельбы.

— И ты здесь, мой кавказский брат?

— Ну а то ж, неужели ты хотел, чтобы я всю дискотеку пропустил?! Да и БК весь расстреляли уже артиллерийский, Царь обещал, что скоро подвезут снаряды. Но ты знаешь, как это быстро делается…

Гиви разложил ручной пулемет Калашникова, его ножками на стену и начал поливать ту сторону железной дороги жужжащими 7/62. Сомалиец тем временем зарядил эрпэгэшку и ждал команды, чтобы повторить трюк, уже дважды сделанный Малым. Правда, сейчас это представлялось в три раза опаснее, вэсэушные автоматы не замолкали. Сомалиец, впрочем, тоже не из робкого десятка оказался, тем более внутри зудело — нужно же доказать, что они мотороловцам в смелости не уступают.

Парнишка после отмашки выскочил в проем, не так расторопно, как Малой, но тоже уверенно задул в депо. О края проема зазвенели украинские пули, но сомалийцу повезло — ни одна из них его не задела, и он гордо переводил дыхание в укрытии.

— Так, бойцы, работаем ВОГами поактивнее, а то бандерлоги там чё-то совсем офигели на расслабоне, чуть эрпэгэшника нашего не сняли.

Интенсивность огня значительно возросла. Следующий на очереди стоял Шустрый, деловито примеряя на плечо «Шмель» — реактивный одноразовый огнемет. После того как Моторола послал за вагоны очередной ВОГ, боец уже был в проеме: пуск «Шмеля» выглядел эффектнее, чем выстрел из РПГ, реактивная струя у него, конечно, помощнее. Едва Шустрый задул, как нас всех слегка подбросило над землей, после секундного замешательства у меня заложило уши, как в самолете при посадке, и я услышал чистосердечный мат Мотора:

— Вот суки, они по нас тоже из РПГ начали работать, хорошо, что в стену попали.

Мы покрылись белой бетонной пудрой и теперь тщательно стирали ее хотя бы с лица. Украинский выстрел раскрошил каменную ограду с обратной стороны, пыль взвилась вверх и теперь оседала с нашей стороны тоже.

У Гиви на голове эта пудра вдруг начала превращаться в коричневатую кашицу, видимо, его зацепило. Сомалийские санитары уже осматривали рану, промывали ее, — кожу у лба содрал осколок стены, — оперативно накладывали бинты, ничего серьезного.

— Гиви, ты как? — отрывисто спросил Мотор.

— Фигня, братик, поцарапался, — бросил тот и водрузил РПК обратно на огневую точку, едва медики успели закрепить повязку.

— Что-то мне подсказывает, они выдвинули группу из здания к вагонам, поближе к нам, стрелять эрпэгэшкой из комнаты не каждый, во-первых, станет, если они не конченые отморозки, конечно. Во-вторых, оттуда обзор больше… Так что давайте им ВОГов накидаем не в помещение теперь, а именно на площадку за вагонами, навесом конкретным… — Командир разложил задачу и поставил автомат с подствольником почти вертикально. После выстрела вскрылась небольшая проблема. — Блин, гребаные ветки! — закричал Моторола, показывая на кроны деревьев, растущих параллельно бетонной стене, где мы укрывались. Его ВОГ разорвался значительно ближе — траектория искривилась из-за того, что граната прошла сетку листвы. Малой услышал предупреждение позже, чем с коленки отправил свой ВОГ в том же направлении. Ему и находившемуся рядом Шустрому повезло меньше: граната, зацепившись за ветки, разорвалась над ними. Маленькие осколки расцарапали висок одному, попали в щеку другому, звук оглушил всех, а рядом снова заматерился Мотор: — Как жжет, сука, под мышкой.

Миллиметровый кусочек металла прошил камуфляж, но командир даже бронежилет не стал снимать, чтобы осмотреть ранение, крови не было, да и жгло, скорее всего, оттого, что метал нагрелся при взрыве. Малой ждал едкого и сокрушительного комментария, но Моторола не разозлился — все-таки сам недоглядел, не учел плотность зеленки.

— Короче, из подствольников не работаем так, а то сами себя поубиваем. Шустрый, дай мне «муху», и пусть тебе перевязку сделают. — Командир расчехлил одноразовый гранатометный выстрел, отщелкнул прицел.

— Мотор, там сейчас все простреливается, — попытался его одернуть Трофим. — Ну его на хер.

Конечно же он не стал никого слушать и в типичной своей резкой, но плавной манере просеменил к проему, замер на полсекунды и тут же задул, три раза подряд щелкнула плетка снайпера-тербатовца, пока командир возвращался на исходную.

Как Трофим пережил эти секунды, одному Богу известно, ведь случись что с Моторолой, от Лены влетело бы первым делом ему. Попасть под праведный гнев Лены страшнее, чем попасть под вражеский обстрел. За Мотора она могла просто порвать. Так что Трофим, как никто другой, радовался тому, что все обошлось.

Запыхавшийся командир был явно доволен собой, вылазка удалась, бойцы смотрели на него с восхищением. Мало того что

он показал настоящий мастер-класс: ни одного лишнего движения, минимум времени на прицел, пустую «муху» отбросил с торжествующей эмоцией в стену. К тому же никто не мог его упрекнуть в том, что он выскочил в проем, когда было тихо. Ставил рискованные задачи подчиненным, показал, что готов рисковать не меньше, чем они. Именно из таких поступков складывался его железобетонный авторитет.

— Ты же не будешь это показывать? — угрожающе, но с довольным видом обратился ко мне.

— Буду!

— Ну тогда готовься, нам пиз…ц обоим, Лена сто процентов увидит.

Лениного гнева, конечно, опасался и я, но отправить такое в архив было бы преступлением.

— Малой, слухай сюда. Они, как я говорил, и правда отправили группу к вагонам. Я задул между вторым и третьим и увидел, как человек пять перебежали за следующий. Короче, они сидят сейчас между третьим и четвертым, цельсь туда. — Ополченец, естественно, воспринял это как руководство к немедленному действию. — Только реально делай все быстро, снайпера пасут проем.

Малой все исполнил технично.

— Кажись, я размотал там кого-то.

— У нас бэтээр заряженный стоит? — крикнул Мотор то ли Гиви, то ли старшему на позиции мотороловцу.

— Да, командир, заряжен, — отреагировал Шустрый.

— Выгоняйте его в проем, пусть докашивает укроп! Снайпер броню не пробьет, а если Малой не промахнулся, то они сейчас не в состоянии из РПГ работать.

БТР выехал на точку и давал залпы один за другим, об обшивку беспомощно бились снайперские пули: больше ответить тербатовцам было нечем. Мотор дал распоряжение «глазам» — так называли тех, кто из бинокля отслеживал все перемещения противника — убедиться, что группа у вагонов уничтожена. По рации пришло подтверждение: на рельсах лежат семь тел.

— Забирать, скорей всего, будут ночью, сейчас не сунутся, отгоняйте БТР, — констатировал командир.

— Ну что, сегодня они поняли — контратаковать наши позиции затея бесполезная, завтра нужно дожимать. Да, Гиви?

— Главное, чтобы до утра БК подвезли.

— Подвезут, если что — я там в штабе, в Донецке, их потороплю. Надо будет — поскандалю, — слегка ехидничая, обнадежил друга Моторола.

Вылазкой на передовую он остался доволен: и тербатовцев

проучили, вряд ли они отважатся теперь на дерзкие контратаки, и боевой дух пацанам поднял. Все-таки то, что он теперь снова в строю, — для них бешеный стимул.

* * *

Едва мы вернулись в располагу к Гиви, к воротам, визжа, подлетела разбитая в хлам тачка.

— Енота ранило, в шею!!! Снайпер, — кричали оттуда.

Медики рванули со всех ног. Ополченцы вытащили с заднего сиденья бойца, у которого из горла хлестала кровь. Один из санитаров тут же принялся делать искусственное дыхание рот в рот, медсестра — солидная уже женщина, — закрывала рану тампонами. Моторола приказал Трофиму срочно подогнать джип. Наложив кое-как повязку потуже, бессознательного парня с густой, но не длинной бородой уложили на кожаные сиденья командирской машины.

— Ближайший госпиталь в Харцизске, — успела крикнуть вдогонку Трофиму медичка.

— Ну вот как так??? Я ж говорил не расслабляться… — выговаривал Моторола бубнившему объяснения ополченцу, что был за рулем фронтового автомобиля. Енот — из опытных, донбасский — решил после отъезда командира поставить жирную точку в перестрелке с тербатовцами и отстрелять оставшуюся «муху», выскочил в проем… Там его бдительный снайпер и поймал.

— Вы чего, не слышали, что ли, как пули о бэтээровскую броню звенели? Енот решил — он прочнее, что ли? — возмущался командир, необоснованные потери его бесили. Это то, с чем он боролся в первую очередь.

Трофим вернулся часа через полтора, когда уже стемнело. Енота спасли. К Мотору вернулось настроение.

— Самый главный бой ждет меня дома! Ты ж знаешь, Трофим, я обещал Лене вернуться сегодня пораньше, — подстегнул он водителя, усаживаясь в машину.

Я занял привычное место на заднем сиденье. Кожаные кресла были липкими от крови.

— По дороге из раны хлестало только так. — Трофим протянул мне затвердевшую тряпку. — На, если хочешь, протри.

На следующий день украинский территориальный батальон «Донбасс» отступил из железнодорожного депо, мотороловцы и сомалийцы зачистили здание за пару часов. Мотороле из-за моего репортажа дома все-таки влетело. Он позвал меня в Иловайск

только через неделю, когда город уже полностью освободили. И там не стреляли, почти.

Донецкий «Дом павлова»

«Открывай двери. Я тут», — написал Моторола жене эсэмэску в то время, когда ехал в лифте. Сообщение в считаные доли секунды преодолело расстояние в семь этажей.

Лена кинулась к издавшему сигнал телефону, она ждала мужа уже несколько часов. Обрадовалась, пошла в коридор.

Взрыв.

На этот раз до открытых дверей своей квартиры Арсен так и не добрался. Первые минуты жена командира отказывалась верить в происходящее. Она пыталась набирать мужу, телефон не работал.

Связь, бывало, и раньше пропадала. Тогда Лена звонила его охранникам и водителю с требованием: «Найдите мне Мотора». Поступила так и на этот раз. Его личник Гога тоже был вне зоны доступа.

Все ее существо отказывалось сопоставлять факты. Из эсэмэски было понятно, что он здесь, на пороге. Должен войти в открытые двери. Но запах тротила с лестничной площадки не вписывался в эту ежедневную схему.

Она не верила в его смерть тогда, не может поверить и сейчас, в день прощания с героем, на которое, по самым скромным подсчетам, пришли больше пятидесяти тысяч человек.

Очередь из тех, кто сочувствовал ее горю, выстроилась вдоль центральной улицы Артема. Люди в военной форме, люди в гражданском. Из Донецка, Луганска, России.

* * *

В день гибели Моторола поехал на полигон. В последнее время охранники заметили: командир начал усиленно тренироваться. С особым усердием отрабатывал стрельбу на меткость.

Он всегда стремился быть в хорошей форме, не давал спуску личникам, гонял их на стрельбище регулярно, всегда занимался сам.

Но из-за ранения глаза, полученного летом, на пару-тройку месяцев комбат «Спарты» забросил тренировки, лечился. Потом было покушение в больнице. На перевязку Моторола ездил с женой. Тогда все обошлось.

Незадолго до подрыва он почувствовал, что необходимо приходить в прежнюю кондицию. Близкие решили: наверное,

готовится к чему-то. Арсен любил поговорить, пошутить. Часто на отвлеченные темы.

Однако в том, что касалось работы, то есть войны, комбат вел себя предельно сконцентрированно и лишний раз о своих планах, стратегических и тактических задумках не распространялся. Даже в кругу семьи.

Натаскиваясь сам, со свойственным ему страстным отношением к любому делу, натаскивал и охрану. Налегали, повторюсь, на стрельбу. То есть было предчувствие ближнего боя, контакта. Однако произошло все иначе.

Сейчас у следователей практически нет сомнений в том, что взрывное устройство заложили непосредственно на крышу лифта. Вероятно, это были два куска взрывчатки, для того чтобы взрыв был направлен в обе половины тесной коробки.

Исполнители не могли точно знать, в какой именно из углов встанет Арсен, а в какой охранник, который при удачном стечении обстоятельств сумел бы телом закрыть Моторолу от взрывной волны. Очевидно, заказчики рассчитывали только на стопроцентный результат.

По предварительным оценкам, мощность взрыва не составила более одного килограмма в тротиловом эквиваленте. Но в замкнутом пространстве для смертельного эффекта хватило и этого.

Два куска взрывчатки могли быть похожи на куски мыла, проводки от которых вели к трубке мобильного телефона. Кстати, один из охранников, после того как Моторола зашел в лифт, услышал звон телефона. Через секунду-другую лифт взорвался. Возможно, именно от этого звонка и сдетонировала закладка.

Накануне теракта в Донецке запускали отопительный сезон, по всем высокоэтажным домам шуровали коммунальщики. Именно под видом сотрудников ЖЭКа в подъезд, где проживал Моторола, могли проникнуть убийцы, не вызывая подозрений.

Для профессионала заложить взрывное устройство, пусть даже на крышу лифта, задача на 2–5 минут. А здесь, в ДНР, никто не сомневается, что это сделали именно профессионалы.

— Мы знали, что они готовятся убрать кого-то из первых лиц, — сказал глава ДНР Александр Захарченко после официальной церемонии прощания. Мы стояли за зданием оперы, он курил одну сигарету за одной, разговаривать было тяжко. — Теперь в ответ на обстрелы ВСУ мы будем отвечать снарядами, на которых напишем «За Моторолу», — бросил в сердцах Батя (это позывной Захарченко).

О том, что потеря личная, говорят синяки под глазами и надрыв в голосе. Позже, на могиле, он пообещает, что ополчение

вернется в Славянск.

— На его месте должен был оказаться кто-то из нас, — объясняет мне Денис Пушилин.

Здороваясь, обратил внимание: у него под рубашкой был броник, потом понял — это и невооруженным взглядом видно, меры безопасности по охране первых лиц усилили.

— Был известен даже район, где планируется теракт, но никто не знал, кого выберут целью, — продолжал Денис. — Думали, если честно, что собираются убрать кого-то из министров, представителей политического руководства, а Моторола к политике отношения не имел.

Организаторы теракта считали иначе. Для них харизматичный комбат, каждая, пусть даже самая безобидная выходка которого обсуждалась тысячами интернет-пользователей, представлял большую угрозу. Слишком его любили.

Один старичок лет семидесяти подошел к Эдуарду Басурину на площади, где проходила церемония, его глаза блестели.

— Мы с друзьями решили, что в Донецке, как и в Сталинграде, теперь тоже есть свой «Дом Павлова». Это дом, где погиб Арсен, — тихо произнес дед.

Прощаться с ним конечно же пришли не абсолютно все жители Донецка, но прощался с ним действительно весь город. Когда с центральной площади лафет с гробом следовал к кладбищу, люди на улицах останавливались, женщины плакали в полный голос.

«Звезду» Героя ДНР на похоронах нес Даниил Павлов — восьмилетний сын Моторолы, который приехал из России. Даня не сомневается, что спартанцы отомстят за отца.

В Донецке у Арсена остались полуторагодовалая дочь Мира и новорожденный сын Макар. Жена Лена день похорон пережила героически, но горе разрывало ее.

— Зачем тебя у меня забрали? Тебе же там холодно!.. — вырвалось у нее у могилы.

Моторола наверняка уже за пределами понятий «горячо» и «холодно». Но в моем мире без его яркой и огненной бороды определенно стало холоднее.

Как оставляли Славянск

Кедр

Накануне они застрелили алабая. Огромный пес был коменданту по пояс. К началу июля в Семеновке — деревне, которая считалась форпостом обороны Славянска, — не осталось ни одного целого дома. Методичные залпы артиллерии ВСУ добились цели.

Хрупкие дачные времянки бедных пенсионеров и основательные коттеджи богачей превращались в крошево. Больнее всего коменданту Семеновки — бойцу с позывным Кедр — было смотреть на брошенных домашних животных.

Олигархи провинциального пошиба, убегая от бомбежек, вместе с мажорной мебелью, изысканным хрусталем, марочным мрамором запирали за семью замками в своих виллах и породистых питомцев. Расчет был на то, что пресловутое АТО завершится в считаные дни или даже часы.

Славянскому бомонду не верилось, что пятьдесят стрелковцев, обросших сотней-другой местных пророссийских активистов, смогут устоять перед «Альфой» СБУ, украинской десантурой, зарубежными ЧВК, перед авиацией, в конце концов. Но они устояли.

И теперь, спустя недели массированных обстрелов, запертые хозяевами в шикарных домах собаки королевских кровей сходили с ума. От голода, запаха гари, оглушительных разрывов.

Последний месяц ополченцы передвигались по Семеновке особым образом. Нужно было держаться вплотную к заборам, заслышав свист мины, немедленно падать, вжиматься в землю и надеяться, что ограждение хоть как-то укроет от осколков.

Кедр, возвращаясь с ежедневного вечернего совещания, где были обязаны присутствовать все командиры Семеновки, шел к себе в располагу и как раз держался двухметровой каменной стены, за которой, видимо, укрывались чьи-то нажитые непосильным трудом сокровища.

Кедр буквально вжимался в стену — разведчики ВСУ знали, в какое время проходят ополченские сходки, и после них обстрелы начинались как по часам. Поэтому обратная дорога всегда была опасной. И тут он услышал плач.

Местных жителей в деревне давно не осталось. Большинство уехало по собственной воле, самых смелых, которые под разрывы украинских «Градов» продолжали полоть картошку, ополченцы эвакуировали на днях. Плотность вражеского огня была несовместима с сельскохозяйственными работами.

И тут — среди дымящихся руин — плач, похожий на детский.

Кедр, не задумываясь, махнул через пижонский забор — мало ли, забыли в этом аду ребенка.

Удачно приземлившись на газон, комендант очень осторожно, чтобы никого не испугать, поинтересовался, есть ли здесь кто, но вместо заплаканного малыша на него выскочил огромный алабай.

Скулеж великанских размеров пса тут же сменился каким-то безумным рыком, и ополченец едва успел вскарабкаться обратно на ограду. Это было дня три назад, сегодня ему рассказали: тот же алабай с налитыми кровью глазами чуть не разодрал любопытного новобранца, сунувшегося за ограждение. Собаку пришлось застрелить.

Последнее совещание проходило в режиме особой секретности. Кэп собрал их, чтобы сообщить о шокирующем решении Первого — так ополченцы называли Игоря Стрелкова, российского добровольца, руководившего Славянским гарнизоном и занимавшего пост министра обороны ДНР.

Ночью они пойдут на прорыв, ополченцы оставляют город. Все понимали — ситуация складывается критическая. Накануне пришлось отступить из Николаевки, ВСУ вывели из строя ТЭЦ и систему водоснабжения всего района.

Артиллерийский натиск противника усугубился предательством. Николаевку потеряли во многом из-за того, что один из командиров с позывным Минер, никого ни о чем не предупреждая, снял с позиций сто человек и увел их в Горловку, к Безлеру. Оставшимися в блокаде бойцами это было воспринято как массовое дезертирство.

ВСУ сжимали вокруг Славянска кольцо, но для миллионов людей именно этот город стал символом непокорного новой украинской власти Донбасса. Большая часть ребят — и Кедр был в этом уверен — готовились погибнуть, защищая символ сопротивления, да и сам Стрелков неоднократно делал соответствующие фатальные заявления. И тут такой приказ.

Комендант Семеновки и его люди должны были покидать форпост последними, согласно распоряжению Первого, — после того как основные силы гарнизона достигнут Черевковки и направятся в сторону Краматорска полевыми дорогами.

В пустой деревне Кедр оставался до двенадцати ночи. Перед тем как поджечь собственный штаб и запасы ГСМ, комендант вместе со своими людьми погрузили все боеприпасы и имеющееся тяжелое вооружение — ПТУРы, УТЕСы, ПТРД — в мерседесовский бусик, который он сам называл кедромобилем.

Командир покидал Семеновку в зареве полыхающего штаба, под непрекращающимся обстрелом. От противника конечно же не

скрылась передислокация ополченских формирований. Не понимая ее сути, ВСУ, как обезумевшие, палили со всех стволов.

До Черевковки оставалось километра два, а то и меньше, когда водитель умудрился влететь в бетонные блоки практически на подъезде к городу и разбить картер кедромобиля. Конечно же ехали с выключенными фарами, поэтому винить его в аварии было глупо. Правда, все вооружение теперь придется тащить на себе.

Кедру это напомнило день, который он считал самым тяжелым в своей жизни. День, когда пятьдесят два добровольца во главе с Игорем Стрелковым незаконно пересекли российско-украинскую границу и взяли под контроль Славянск. Это было почти три месяца назад.

Тогда стрелковцы прошли несколько десятков километров в полной разгрузке. Оставшись без транспорта и загружая на плечи ящик с патронами, Кедр понимал, что теперь ему предстоит не менее изматывающий марш-бросок.

* * *

Диме Жукову — так звали Кедра по паспорту — было слегка за сорок, когда он сначала отправился добровольцем в Крым, а затем попал в знаменитый стрелковский отряд. Из-за седины он выглядел еще старше, возрастную весомость ему также прибавляла глубокая воцерковленность.

Даже на передовой он старался держать пост, впрочем, православие его не носило навязчивый или радикальный характер.

Так, например, в свое комендантское подразделение на Семеновке он без всякого сарказма принял мормона — и вполне примирительно любил пообщаться с представителем этой секты на традиционные христианские темы.

У него вообще был отряд юродивых — как шутили иной раз другие командиры. Взять, например, эту четверку, приехавшую воевать в Славянск из Горловки, — Матрос, Юнга, Мел, Крамола.

Мел — миловидная женщина лет сорока пяти, с желтоватым каре и бледным востроносым лицом, коренастый бородач Крамола — ее действующий муж, повернутый на язычестве и космической мистике, Юнга — ее семнадцатилетний сын, но от первого брака, дерзкий и смуглый парнишка, и, наконец, Матрос — худощавый и вытянутый мужчина — отец Юнги и первый муж Мела.

Служил, как видно по позывному, во флоте. Кедр

впоследствии сетовал на его морфлотовские замашки — есть такой обычай у матросов воевать не пригибаясь. На земле статная и высокая фигура несгибаемого чисто принципиально ополченца всегда мозолила глаза вэсэушным корректировщикам и вызывала огонь на себя.

В семеновском гарнизоне конечно же посмеивались над Мелом, которая приехала воевать с двумя мужьями. Без крепких фронтовых подколов эту тему не обходили. Мол, им бы скорее в Европе таким «шведским» составом жить, а не в донбасских окопах. Впрочем, на деле все было богобоязненно и трогательно.

Помимо дружной семейки, можно вспомнить харизматичного мусульманина Саида. Потом — Ника, шестидесятилетнего чемпиона Украины по скалолазанию.

Витю Байша с позывным Турок, который полгода не доучился в православной духовной семинарии и едва не стал священником, любившего рассказывать, что в Португалии есть площадь, названная в честь его предка.

Был еще чудаковатый парнишка — Плаха, получивший потом два наградных Георгиевских креста и погибший позже под Донецком.

Все они попадали к Кедру, что называется, по остаточному принципу. Когда на Семеновку присылали пополнение, новобранцев выстраивали в шеренгу — приезжали командиры из окопов, с самого передка и, естественно, выбирали себе самых статных.

Те, кому не посчастливилось попасть сразу на передовую, оставались в комендантской роте у Кедра. Впрочем, как показывала практика, боевых вылазок на них приходилось не меньше, чем на остальных.

На фоне эмоционального Моторолы, деловитого Кэпа, хрипатого Корсара и брутального Малого Кедр, конечно, выглядел человеком, больше похожим на учителя русского языка и литературы.

Интеллигентный, с хорошо поставленной речью без единого матюка — казалось бы, на войне таким не место. Однако, когда начинался артиллерийский обстрел и все вокруг панически искали, где бы укрыться, Кедр вел себя с таким железным спокойствием, будто это комариный писк раздается, а не свист 120-миллиметровых мин.

Его абсолютное бесстрашие действовало на новобранцев не просто педагогически, Кедра слушались и подчинялись беспрекословно даже самые неадекватные чудаки, вступившие в ополчение.

Ну а когда выяснялось, что комендант Семеновки —

коренной киевлянин, тут уж изумлению бойцов вообще не было предела. Человек, приехавший воевать за Донбасс из самого сердца Евромайдана, вызывал однозначный интерес.

Среди восставших против новой власти шахтеров редко встречались уроженцы тех областей, которые даже идеологами не вписывались в контуры Новороссии.

Про Кедра знали мало — в ополчение он пришел вместе с погибшим Ромашкой еще в Крыму, с «бандерлогами» был на ножах задолго до Майдана, раньше имел другой позывной, но никому о нем не рассказывал, под предлогом, что из-за этого всплывет какая-то громкая история.

Любил кошек и собак. Делился с ними собственным скудным пайком. Поэтому подчиненные долго спорили — кому из них докладывать коменданту о застреленном алабае.

* * *

В 2007-м украинские нацики напали на прихожан строящегося Десятинного храма на Подоле в Киеве.

На площади неподалеку от церкви любили собираться местные язычники для совершения своих ритуалов.

После первого Майдана значительная часть подобных маргинальных групп окрасилась в оранжевые цвета сторонников присоединения к ЕС.

Уже тогда они создавали боевые ячейки из самой разношерстной публики — поклонников УПА, активистов партии «Свобода», футбольных фанатов киевского «Динамо», адептов, поклоняющихся древнерусским богам.

Во время очередного жреческого действа на Подоле зазвонили колокола. Так совпало. Оскорбленные христианскими звуками язычники набросились на прихожан, кого-то избили, пригрозили, что в следующий раз придут с битами и арматурой.

Но и у православных, оказалось, было что-то наподобие тайного братства, куда входили ребята с крепкими кулаками. Дима Жуков — он же Кедр, он же комендант Семеновки — был членом этого своеобразного ордена.

Если поступала информация о том, что нацики планируют налет на православный храм, к ним навстречу выдвигалась группа из тридцати человек, готовая дать отпор. Стычки происходили регулярно.

Их боевой орден не имел названия, не подчинялся никому свыше, не финансировался пророссийскими фондами. Ребят объединяла неприязнь к украинским националистам,

воспевавшим подвиги Степана Бандеры и грезящим возрождением УПА.

Пятеро из этого киевского отряда впоследствии отправились в Крым поддержать «Русскую весну», а затем вместе со Стрелковым перешли российско-украинскую границу и заняли Славянск. Но все это позже…

Во время драки с язычниками на Подоле Кедр впервые увидел среди нациков несовершеннолетних парней со значками Адольфа Гитлера на груди. Подростки не представляли никакой физической угрозы, их взяли с собой скорее для массовки, досталось в основном зрелого возраста подстрекателям.

С новоявленных гитлерюгендцев спортивные друзья Кедра посрывали значки с изображением вождя Третьего рейха, надавали им подзатыльников и подсрачников. Пожалели, с тем и отпустили.

Спустя шесть лет, наблюдая события на Евромайдане, будущий комендант Семеновки и сепаратист видел уже не подростков-фашистов, понаделавших свастических тату из чувства пубертатного протеста. А реальных боевиков, готовых убивать русских.

Именно против правосеков уезжал воевать Кедр. Но на деле все оказалось запутанней. Украинские силовики, еще вчера воспринимавшие нациков как врагов, теперь плыли с ними в одной лодке, танцевали под одну дудку.

Причем, когда дело дошло до АТО, первыми в бой против сепаров пошли не бандерлоги, а украинские офицеры. Хотя до победы Майдана в Киеве они в общем-то находились с пророссийскими активистами по одну линию фронта.

Украинские спецы где-то глубоко внутри, видимо, не верили, что они и сепаратисты будут убивать друг друга. Поэтому на первый штурм Славянска — через пару дней после захода группы Стрелкова — они приехали на расслабоне.

Тем более уже тогда стало известно, что город заняли отнюдь не российские войска. На поддержку местным антимайданщикам из России пришел, с позволения сказать, добровольческий сброд.

Предполагалось, что черную работу за ВСУ сделают ЧВК. В итоге под раздачу попали и те и другие. Кедр сравнивал эту операцию с махновским налетом. Как такового плана по отражению атаки противника не было, ополченцы импровизировали.

Штурмовая группа выдвинулась к центру Славянска, где обосновались стрелковцы — со стороны улицы Артема. Она остановилась на перекрестке, на небольшой возвышенности — так украинским командирам показалось удачнее.

В авангарде расположились несколько джипов и легковушек представительского класса. В машинах сидели офицеры СБУ вместе с альфовскими командирами. Пили кофе, вальяжно обсуждали, каким образом деблокируют первый сепаратистский блокпост.

Вяло спорили, откуда выдвинутся БТРы (разведчики засекли не менее семи единиц бронетехники), каким образом будут заходить спецназовцы «Альфы», где расставить снайперские точки.

По данным ополченцев, на них были брошены двадцать — двадцать пять альфовцев, столько же чевекашников и до роты десантников. Стрелковцы не стали ждать штурма, решили контратаковать.

Ромашка — позывной командира, руководившего операцией добровольцев, — построил тридцать человек на плацу рядом со штабом, прочитали «Отче наш» и расселись по машинам.

Первой шла легковушка с Ромашкой и еще четырьмя ополченцами, их задача была взять в плен украинских офицеров, в случае, если те окажут сопротивление, — ликвидировать. Вслед за легковушкой следовал бусик с основной группой, которая обеспечивала огневую поддержку. Кедр находился как раз в ней.

От штаба до улицы Артема, где на возвышенности выстроилась колонна ВСУ, минут пять езды. Бусик умудрился отстать. К моменту, когда Кедр выпрыгивал из микроавтобуса, бой длился уже секунд пятнадцать. Для прямого столкновения это немало.

Группа Ромашки взяла под стволы эсбэушников и альфовцев, сидевших в мажорных тачках, офицерам предложили сдаться, они офигели от такой наглости, кто-то дернулся за оружием. В итоге ополченцы положили всех, только одному удалось выжить.

Все это произошло за те пятнадцать секунд, на которые бусик с остальными стрелковцами отстал. Им повезло, что украинские десантники и другие военные находились на расстоянии метров пятидесяти от места стрельбы — и еще не успели прийти в себя от звуков боя.

Кедру и другим бойцам из группы огневой поддержки сыграл на руку ландшафт. Возвышенность, на которой стоял уже выведенный из строя авангард штурмового отряда ВСУ, выполнила роль своеобразного бруствера. Насыпи, за которой удобно укрыться и одновременно вести огонь.

Каждый доброволец высадил в сторону вэсэушников по четыре-пять рожков, то есть практически весь боезапас, который при себе имелся. Тогда с патронами, да и вообще с вооружением было туго.

Картинка этого боя до сих пор стоит у Кедра перед глазами — песчаные фонтанчики, которые поднимали украинские пули, цепляясь за насыпь, и Ромашка, вставший чуть ли не в полный рост под плотным огнем и указывающий направление, куда целиться.

Интенсивную перестрелку прервал гул БТРов. Стрелковцы получили приказ отступить, было и так ясно, что первое очко в этой партии за ними, штурм сорван, а воевать против бронетехники пока особо нечем.

Как потом рассказывал Кедру Моторола, он вместе с несколькими бойцами первыми заметили БТРы. Бронетранспортеры шли с поднятыми «ресничками», из которых торчали бледные десантники.

Ополченцы взяли военных на мушку, «снять» их не составляло труда. Но, встретившись с ними взглядом, добровольцы не стали стрелять и просто показали руками, чтобы те покинули зону обстрела.

Украинские военные намек поняли. БТРы подняли стволы вверх, сделали несколько залпов в воздух и направились обратно. Так закончилось первое боестолкновение в Славянске.

Тогда еще можно было — хотя бы вот так, жестами — договориться о том, чтобы избежать бесполезных жертв. Теперь, спустя несколько месяцев ожесточенного противостояния, рассчитывать на подобное джентльменство не приходилось.

Покидая Славянск, полностью окруженный ВСУ, Кедр прекрасно понимал — если его группа наткнется на противника, договариваться никто ни с кем не станет. А с него, как с киевлянина, когда-то лупившего нациков на обоих берегах Днепра, в плену спросят с особым пристрастием.

* * *

Получив приказ покинуть Семеновку не раньше двенадцати часов ночи, комендант не предполагал, что его группе практически вслепую придется искать дорогу до Краматорска — именно туда направилась основная колонна с бойцами славянского гарнизона.

От телефонов перед началом прорыва по распоряжению Первого избавились абсолютно все. Современных средств связи, чтобы установить контакт с командованием, у Кедра не было, рассчитывать приходилось только на себя.

Выведенный из строя кедромобиль и тот факт, что теперь приходилось тащить все вооружение на собственных плечах,

конечно же сказались на мобильности отряда.

К середине ночи они достигли только Черевковки — района Славянска, откуда начиналась полевая дорога на Краматорск. Ополченские блокпосты были уже сняты.

Там же Кедр наткнулся на отставших от основной группы людей Царя — местного славянского командира, впоследствии возглавившего Министерство обороны ДНР.

Продвигаясь к городским окраинам, Кедр оброс отрядом в восемьдесят человек, по тем или иным причинам не успевших покинуть город. От них он узнал, что основная колонна из сотни автомобилей попала под массированный артиллерийский обстрел.

Водители умудрились включить аварийки, опасаясь, видимо, застрять в поле или оставить колеса в глубоких рытвинах, но в итоге «спалили» свое местоположение. ВСУ принялись разматывать колонну из всех орудий, которые имелись.

Близился рассвет, Кедр понимал, что без проводника им не обойтись. Теперь на нем лежала ответственность за внушительное вооруженное формирование — вывести восемьдесят человек из окружения незаметно для противника гораздо сложнее, чем небольшую группу, с которой он покидал Семеновку.

В одном из бараков на окраине города горел свет. Электричества в Славянске не было несколько недель, поэтому увидеть горящее окно было, мягко говоря, неожиданно. Тем более — время позднее.

Кедр решил сам проверить, в чем дело. В тусклой комнатке, освещенной керосинкой, сидели двое чумазых бородачей и пили самогон. Местная богема. Комендант поинтересовался, знает ли кто из них дорогу до Крамоторска. Полями.

Мужики дружно сказали, что знают.

— Покажите, — вежливо попросил Кедр.

— Не покажем, — равнодушно ответил самый уставший из них.

— А за пятьдесят гривен? — предложил ополченец.

— За пятьдесят гривен — покажем, — так же спокойно ответил участник застолья.

В десять утра они были в Краматорске.

* * *

Свое первое серьезное ранение Кедр получил спустя месяц после выхода из Славянска, недалеко от границы под Снежным. Ополчение пробивало коридор в Россию. Его назначили

комендантом приграничного села Дмитровка. Из Киева в Дмитровку к нему приехала жена.

В начале августа он вместе с бойцами выехал навстречу кировоградскому спецназу. Ополченцам удалось разгромить элитный отряд ВСУ. В отместку противник взял Дмитровку в полное окружение.

В бою Кедру прострелили ногу, вывезти его в больницу было невозможно. Он решил рискнуть и вместе с женой уйти на территорию России.

Разведчики нашли первую брешь, которую оставили украинские погранцы. Второй раз за месяц ему приходилось выходить из блокады, второй раз ему повезло.

Несколько месяцев Кедра болтало по российским госпиталям, ногу спасли, но укоротили на несколько сантиметров. Он заново учился ходить. Обратно на войну поехать не мог, вернуться в Киев — тоже, пришлось продать там имущество через посредников.

На вырученные деньги Кедр купил небольшой участок земли в Крыму, на мысе Фиолент. Строит дом. Судится с кооперативом — местные чиновники не хотят проводить свет и воду из-за долгов предыдущих владельцев участка.

Пока идет тяжба, снимает квартиру в малосемейке на окраине Севастополя. Кедр несколько раз предлагал своей матери переехать в Крым, на море, но она не хочет уезжать с Украины и по-прежнему живет в Киеве.

Жена все это время — пока он лежал по госпиталям — была рядом. В Киев ей теперь не вернуться. Здесь, в Севастополе, она завела десять кошек. А пару недель назад Кедр подобрал бродячего пса. Назвал Жориком.

Вместе с собакой бывший комендант Семеновки иногда ходит прогуляться на набережную. Заметно прихрамывает. Сетует на то, что не может бегать. Там — прямо у памятника Погибшим Кораблям — они с Жориком купаются.

Кедру нравится надолго задерживать дыхание под водой. Брезгливые купальщики частенько делают замечания по поводу пса, мол, здесь люди купаются. Он не обращает внимания на ворчливых туристов.

Фриц

Подростком Артем Разуваев увлекался раскопками. В окрестностях его родной Керчи Великая Отечественная война оставила тонны залежей различного рода амуниции, разбросанной во время жестких боестолкновений на десятки квадратных километров и укрытой теперь каменистой крымской почвой.

Особенно он интересовался историей Третьего рейха, с азартом изучал нацистские знаки отличия, форму, бронетехнику, оружие. К гитлеровскому режиму у него был здоровый научный интерес, никак не связанный с идеологическим восторгом иных фашиствующих подростков.

Тем не менее сверстники частенько называли Артема то Гансом, то Фрицем. Будучи из казачьего рода, парнишка еще в юности вступил в донское казачество. Когда встала необходимость обзавестись позывным, он недолго думая остановил свой выбор на Фрице. Выглядело это слегка провокационно, но потом все привыкли.

Казусы начали случаться позже — на войне. Однажды его непосредственный командир, ополченец с позывным Таран отправил дежурить на блокпост рядом с АИСом, это практически в центре Славянска.

Время было позднее, в городе действовал комендантский час. Дежурившие на посту, оказалось, не были предупреждены о том, что к ним направили подкрепление. На подходе к бетонным блокам Артем увидел, как из-за них поднимаются бойцы с автоматами наперевес и берут его на мушку.

Ополченец примирительно прокричал: «Привет, мужики, я Фриц!» На фоне последних сообщений о том, что под Славянском развернули свои блокпосты добровольческие батальоны нациков, многие из которых любили иной раз и зигу кинуть, признание Артема прозвучало двусмысленно.

Кое-как удалось объяснить, что он свой. Но ребята на блокпосту потом еще долго ржали, потому что собирались уже скрутить осмелевшего фашиста и рисовали себе картины, как получают благодарность от Стрелкова за то, что взяли в плен такой ценный нацистский экземпляр.

В Славянске Артем состоял в бронегруппе, их БТР рассекал по городу с развевающимся российским флагом, поначалу это многих сбивало с толку. Можно было подумать, что на Донбасс из Крыма и впрямь перебросили российскую регулярную армию.

В стрелковский отряд Фриц попал случайно. Конечно, он

успел поучаствовать в «Крымской весне» вместе со своими товарищами из донского казачества, рассчитывал в ближайшее время получить российский паспорт, но в Керчи очереди были расписаны на несколько месяцев вперед.

Артем отправился в Россию, думал найти работу в Ростове. Пересекая Керченский пролив, на пароме он услышал знакомые голоса. Это оказались его киевские друзья — Вандал и Крот. Пару лет назад, когда Фриц жил в столице Украины, они вместе охраняли православные храмы от налетов свободовцев, упашников и других радикалов.

Украинские националисты грезили созданием собственной автокефалии, идеи отделения от Московского патриархата в их кругах были особенно популярны — в то время как политики гнули свою линию с трибун, спортивная молодежь, фанатеющая от образа Степана Бандеры, устраивала собственные разгромные акции.

Фриц одно время даже работал в Киеве начальником охраны в Свято-Троицком монастыре, поэтому хорошо знал о выходках нациков. Православные активисты сколотили тогда собственную группу быстрого реагирования. Там Фриц и познакомился с Кротом и Вандалом.

Позже они потеряли связь, Артем уехал с Украины, последнее время работал в России. Однако встреча на пароме не была удивительной. Фриц предполагал, что его друзья, с которыми они лупили западенцев на улицах Киева, не останутся в стороне от крымских событий. В Крыму они не пересеклись, зато теперь вместе пересекают Керченский пролив.

Пацаны сказали, что в Киеве им всем лучше не появляться, Фриц поинтересовался, чем друзья будут заниматься дальше. Ответ был: «Воевать». Казак отреагировал скептически.

После триумфального возвращения Крыма, несмотря на агрессивное брызганье слюной правосеков и евромайданщиков, ему не верилось, что дело дойдет до вооруженного конфликта. Будь то Харьков, Одесса или Донбасс. «Можешь пойти с нами», — предложили ребята.

Причин согласиться у Фрица было несколько. Одна весомей другой. Его близкий друг служил в «Беркуте». Отстоял на Майдане от звонка до звонка. Недавно жена друга написала ему в контакте: 18 февраля мужа убили. Снайпер, выстрел в голову.

Собеседование проводил лично Стрелков. Группа в принципе уже была укомплектована, поэтому расспрашивали Фрица с особым пристрастием. Экстравагантный позывной. К тому же полноватый парнишка, с широким круглым лицом, румяными щеками, на вид лет тридцати, эдакий добродушный увалень, не

был похож на потенциального диверсанта.

Впрочем, в рукаве Артем спрятал непобиваемый козырь. Одно время он работал на Киевском ремонтно-механическом заводе. Да, название предприятия звучит достаточно мирно и непритязательно.

На самом же деле это был серьезный военный объект, на котором чинили бронетехнику. Фриц трудился в двигательном цеху. Ремонтировал танки — Т-55, Т-64, Т-72. Иногда занимался вооружением, при нем осваивали новые модели бронетранспортеров — БТР-3 и БТР-4.

В доказательство Артем начал показывать фотки из телефона: вот он на «кладбище» танковых двигателей, вот он со сваркой…

Отказываться от бойца с такими навыками не имело смысла. Стрелков взял Фрица с собой. Через пару дней он пересек границу Ростовской и Луганской областей в составе его отряда.

На Украину ополченцы отправлялись, вооруженные автоматами Калашникова и пистолетами Макарова. Ни о какой технике речи не шло. Рассчитывать можно было только на трофеи, а следовательно, требовались люди, которые знают, как потом поставить захваченные танки, БМП и БТРы в строй.

Фриц сам офигевал от ироничных кульбитов собственной трудовой биографии. Получается, в Киеве он чинил орудия, от снарядов которых весной 2014 года ему придется ныкаться по окопам и подвалам. Сколько раз потом сослуживцы шутили: как легко было бы воевать, если б не его золотые руки.

В первом бою захватить бронетехнику противника не удалось. Задачи на тот момент ставились более скромные. На третий день после того, как они взяли Славянск под контроль, Ромашка, который фактически был правой рукой Стрелкова, построил их у располаги и отобрал пацанов для первого боевого выезда.

Фриц оказался в одной группе с Моторолой. Их отряду поставили задачу подобраться через зеленку как можно ближе к блокпосту ВСУ в пригороде Славянска и как следует покошмарить противника. Кошмарить особо было нечем — из вооружения у ополченцев пока что имелись все те же АК и ПМ.

Бой длился пару-тройку минут, украинские солдаты поначалу растерялись, потом запросили подкрепление. Прибывшие в зону АТО погранцы устроили на ополченцев настоящую облаву, как полагается, с собаками.

Стрелковцы рассеялись по зеленке, разбились на маленькие группы — каждый возвращался на базу как мог. Из леса Фрица, опьяненного выбросом адреналина от первого боя, выводил Моторола.

Погранцы цепью окружали сектор, иной раз парни слышали

лай ищеек в паре десятков метров от себя. Опаснее всего было пересекать открытое пространство и просеки. Над ними постоянно кружил Ми-24 — вертолет украинских ВВС, а просеки патрулировали уазики пограничной службы.

Фрицу с его массивной комплекцией и весом сто килограммов пришлось конкретно попотеть. Попробуй успей за маленьким и юрким Моторолой, который, несмотря на тяжелую экипировку, легко пробирался через бурелом, умудряясь не производить почти никакого шума. К ночи им удалось выбраться.

В следующие три месяца было все — выезды в составе бронегруппы на оказание огневой поддержки, выговор от Стрелкова за обсуждение состояния оружия по рации, сырые и затхлые подвалы, в которых вместе с местными жителями прятались от артиллерийских обстрелов ВСУ, ежедневный рацион из монотонной гречки с тушенкой в штабной столовой.

Когда ополчение выходило из Славянска, Фриц вместе с бронегруппой находился в Краматорске в распоряжении Хмурового — главного стрелковского контрразведчика. Изрядно потрепанную артиллерией колонну, входившую в город прямо через поля, он увидел на рассвете.

Вырвавшиеся из блокады ребята спрыгивали с дымящихся от жара бронемашин, вылезали из пыльных легковушек. Кто-то закуривал, кто-то с потерянным видом усаживался на тротуар.

В замасленном камуфляже, с бледными от окопных и подвальных будней лицами, заросшие щетиной — все они находились будто в состоянии транса. Никто не верил, что им пришлось оставить Славянск. Никто не знал, сколько пацанов они потеряли по дороге.

Ошарашенный Фриц смотрел, как в Краматорск прибывают отставшие группы ополченцев. Механик из второй бронегруппы — взрослый мужик лет сорока, судя по всему местный — сидел, прислонившись к колесу припаркованного у штаба БТРа, и плакал. Еще через час им сообщили, что Краматорск они оставляют тоже.

До Донецка бронегруппа Фрица не смогла добраться без потерь, хотя никаких боевых действий по дороге не было. Артем ехал на своем БТРе с российским флагом. Неожиданно его обогнал какой-то лихач на копейке и на высокой скорости врезался в машину Дока, которая шла перед ним.

Все были живы, но Док так ударился головой о торпеду, что потерял сознание. Его натуральным образом контузило. Когда их распределили в новую располагу в Донецке, Фрицу пришлось заново с ним знакомиться.

* * *

Артем уехал из ДНР после смены командования. Он не входил в ближайшее окружение Первого и уволился из подразделения через несколько недель после отъезда Стрелкова. Дезертиром себя не считает, с поля боя не бежал.

Устроился работать в кузнечную мастерскую в подмосковном Чехове. В России он частенько встречал беженцев с Украины. Когда здоровые мужики, оставившие под обстрелами в Донецке своих пожилых родителей, жаловались на то, что беженцам не оказывают должного внимания, — пускал в ход кулаки.

Со временем это прошло. Сейчас с ним в мастерской работают двое ребят из Донбасса, которые не воевали. Ничего — обедают за одним столом. Правда, кулинарные предпочтения у них отличаются. Фриц до сих пор не может смотреть на гречку, они же едят кашу с удовольствием.

В качестве рабочей одежды Артем использует свой славянский камуфляж с георгиевской ленточкой. Форма износилась, в люди не наденешь, а выбрасывать жалко. На сварочной маске он гордо вывел латиницей — DNR.

На гражданке ему больше всего не нравятся праздники. Из-за фейерверков. На Восьмое марта, когда в соседнем кабаке ночью зарядили салют, сработал инстинкт. Фриц рухнул с кровати на пол, как при обстреле, и чуть не сломал ногу.

Часы от Путина

Об отходе им сообщили за час. Где-то в одиннадцать вечера. Днем Андрей подвозил из Семеновки до стрелковского штаба Деда Мороза — так на Славянском фронте называли женщину, занимавшуюся гуманитаркой.

Под обстрелами, полевыми дорогами, через блокаду ВСУ она протаскивала в ополченские окопы то, что удавалось собрать на «материке» и через странички в социальных сетях. У одичавших от регулярных разрывов бойцов все шло нарасхват и все было в цене — футболки, носки, консервы. Их ждали как новогодних подарков.

Высаживая Деда Мороза у здания СБУ в центре Славянска, Андрей обратил внимание, что там вовсю идут сборы и подготовка к эвакуации. Удивления особого это не вызвало, город утюжили беспощадно, перенос командного штаба, скажем, в тот же Краматорск выглядел логично.

Поскольку у них, на форпосте обороны, в Семеновке, об отступлении ничего слышно не было, Андрей решил, что эвакуируется только высшее командование, а их оставят держать фронт здесь.

В свои шестнадцать парнишка был настроен фатально, впрочем, это можно сказать обо всем Семеновском гарнизоне. Вариант сдачи не рассматривался никем. Однако за час до полуночи поступил приказ, на сборы почти не оставалось времени.

Главная задача — вынести на себе как можно больше вооружения. О личных вещах можно было забыть. Андрею, как и всем остальным, пришлось побросать в окопах сумки и рюкзаки.

Ночью сформировали группу из сорока человек для выхода в сторону Краматорска, к ним прикрепили два минометных расчета. Проводник вывел их из села и оставил у озера выше Семеновки. Командир приказал оставаться там до тех пор, пока за ними не вернутся.

Прошло несколько часов, светало. Проводник и командир не появлялись. В то, что группу просто-напросто могут забыть, не верилось никому, поэтому ополченцы продолжали ждать. Тревожные мысли начали одолевать после того, как над ними закружила украинская авиация.

Под шум двигателей вражеских ВВС время тянется еще медленнее. Андрей ругал себя за то, что послушался приказа и оставил на позициях рюкзак. В нем лежали памятные часы. Стекло треснуло после очередного обстрела, но время они

показывали исправно. Часы были от Путина.

В октябре 2012 года Андрей участвовал в торжествах, посвященных Дню украинского казачества. В казаки парнишка пошел, едва ему исполнилось двенадцать. Родители отдали его в кадетский класс, там такое практиковалось.

На Софийской площади, где отмечался праздник, развевались не только казачьи знамена, но и российские флаги. Тогда это было допустимо. Однако редкая пророссийская акция в Киеве заканчивалась без драки с украинскими националистами.

Не обошлось без потасовки и на этот раз. В толпу затесались провокаторы из националистической партии «Свобода», здоровенный мужик лет тридцати вырвал у одного из активистов российский флаг, содрав его с древка и спрятав трофей за пазуху, собирался убежать.

Дерзкого нацика догнал четырнадцатилетний Андрей. Смуглый, с большими глазами на остром лице, щуплый на первый взгляд, подросток набросился с кулаками на взрослого свободовца, завалил его на землю и вырвал российский триколор. Националистов задержала милиция, а Андрей стал героем праздника.

Рассказ о его поступке каким-то образом дошел до Кремля, чуть позже его наградили памятными часами президента РФ. С гравировкой, разумеется.

Теперь они остались в рюкзаке где-то в семеновских окопах. Правосеки наверняка обрадуются такой находке — лишний раз будет повод обвинить Путина в том, что он лично курирует стрелковцев.

Андрея всегда смешили подобные выпады его друзей, оставшихся в Киеве и наблюдающих за событиями в Донбассе через призмы ноутбуков и теликов. Чтобы развеять миф, он писал им о том, как стрелковский отряд заблудился, пересекая в апреле российско-украинскую границу.

Парнишка знал об этом, потому что сам был в числе пятидесяти двух добровольцев, которые из Крыма отправились в Донбасс под командованием Игоря Стрелкова. Оказавшись в приграничной зоне, они шифровались как от российских, так и от украинских погранцов.

В тот день, как назло, пошел мокрый снег, степная грязь превратилась в жирное черноземное тесто, которое килограммами налипало на ботинки. Поэтому, когда выяснилось, что почти час группа шла в неверном направлении, бойцы откровенно досадовали на командира.

Разве могло такое случиться, если бы Путин переводил их за ручку через границу? Или если бы эфэсбэшники с гэрэушниками

руководили их незатейливым десантом? Однако такими вопросами его киевские друзья задаваться не хотели.

На донбасской стороне, кстати, стрелковцев ждали отнюдь не модные джипы и военные КамАЗы. Андрей до сих пор вспоминает выражение лица водителя микроавтобуса с надписью «Нова пошта».

Мужик, видно, думал, что ему просто подвернулась удачная шабашка. Отвезти пассажиров из приграничного села до Донецка. Завидев толпу из полусотни вооруженных, облепленных грязью человек, он потерял дар речи. Но сходить с маршрута было уже поздно.

Все они набились в бусик, дышать было нечем, часа четыре ехали до Славянска. Спустя несколько дней о них заговорил весь мир, новые украинские власти объявили АТО, началась война.

* * *

Андрей вступил в ополчение в Крыму. После победы Евромайдана в Киеве они с другом по прозвищу Крот съездили в несколько южных городов Украины, чтобы поучаствовать в пророссийских акциях. Оказалось, везде антимайданских активистов загасили быстро и прагматично.

Друзья отправились в Симферополь. Шестнадцатилетнего парнишку сначала не хотели принимать в добровольцы, молодой слишком. Стрелков в итоге сделал исключение. Чуть позже он получил позывной — Вандал.

Как-то с ребятами они патрулировали улицы — накануне референдума все ожидали провокаций от Правого сектора. Пришла ориентировка на автомобиль, на котором могли передвигаться националисты. Завидев подходившую по описанию машину, Андрей с товарищами ее остановили — ну и, как бы это помягче сказать, взяли штурмом. Водителя скрутили.

На лобовом стекле был закреплен видеорегистратор. Старший группы приказал Андрею уничтожить запись. Подросток воспринял приказ с излишним энтузиазмом: вместо того чтобы просто удалить видео, он разбил регистратор прикладом, для пущей надежности облил бензином и поджег.

При разбирательстве выяснилось, что задержанный никакой не правосек, а очень даже наоборот — свой крымский парень. Его отпустили. Пропажа видеорегистратора от водителя конечно же не скрылась, вполне справедливо он потребовал вернуть гаджет.

Командирам пришлось возмещать ущерб, а Андрею дали позывной Вандал. Ну что ж, Вандал так Вандал —

шестнадцатилетний казак не сильно сопротивлялся, наоборот прикольно.

То ли из-за особенности характера, то ли из-за возраста смешные истории с ним случались даже в самых несмешных ситуациях. Уже здесь, на войне. Взять хотя бы бой на Семеновке 5 мая.

Разведгруппа ополченцев попала в засаду. Точнее, случайно напоролась на отряд ВСУ за километр от Семеновки. Вандал по совместительству был санитаром. Поэтому, когда по рации пришло сообщение о ранении Медведя и Тихого, его подняли первым делом.

Когда Вандал примчался на Семеновку в составе группы огневой поддержки, в деревне вовсю шел бой. Командир с позывным Одесса отказался лезть в пекло, ссылаясь на неразбериху. Где свои, где чужие, и вправду было не разобрать.

Из последнего сообщения, полученного от Медведя по рации, было ясно — ему перебили ноги и руки и он лежит, истекая кровью, прямо посреди трассы.

Позже те, кто был вместе с ним, рассказали, что на разведгруппу выскочил БТР. Медведь, прикрывая ребят, пошел на него с пулеметом. Однако из зеленки выехал второй бронетранспортер и открыл огонь по ополченцу из КПВТ. Выжить в такой ситуации шансов практически нет.

Тем не менее Медведь, несмотря на перебитые конечности, продолжал строчить из пулемета, пока не потерял сознание. Когда упертый доброволец отрубился, к нему подошли вэсэушники и сделали пару контрольных выстрелов в корпус.

В теле застряли несколько пуль калибром 5,45. Но даже после этого он не умер и скончался позже, в Славянской больнице. В конце концов Вандалу с другими ребятами удалось его эвакуировать.

А пока по приказу Одессы они в бой не вступали. Кровь и адреналин в шестнадцатилетнем санитаре кипели до запредельности, и потому, когда Боцман с Кирпичом предложили ему попытаться вытащить раненого Тихого, он согласился не раздумывая.

Обвешавшись «мухами» — одноразовыми РПГ, они выдвинулись на звуки боя. Вдруг со стороны Славянска, то есть с тыла, раздался шум техники. Парни решили, что укропы берут их в кольцо. Немедленно расчехлили гранатометы и нацелили в сторону Славянска.

Повезло, что нервы оказались крепкими и они не стали стрелять сразу при виде бронемашин. Над одной из них реял флаг ДНР. Бронегруппа пришла на помощь. Прикрываясь от

украинских снайперов двумя БРДМ, Вандал, Кирпич и Боцман добрались до обочины. Тихий был где-то недалеко, в соседнем овраге. Дотуда нужно было ползти.

Вслед за курьезом с бронемашинами последовал следующий. На Вандале была обычная солдатская каска модели времен Великой Отечественной, но накануне, модности ради, Андрей натянул на нее натовский нашлемник.

Засевший метрах в пятидесяти от них ополченец с позывным Гусь из-за натовской раскраски принял Вандала за украинского военного. Естественно, открыл огонь. Андрею повезло, что стрелок из Гуся был неважный, ни одна пуля не достигла цели.

Дружеских предостережений ополченец в пылу боя не слышал, поэтому продолжал палить по санитару, так что каску с вражеским нашлемником пришлось сбросить — от греха подальше.

Ранение у Тихого было не слишком серьезное, а вот шоковое состояние оказалось глубоким. Вторичный осколок — скорее всего, кусок асфальта — пробил ногу, но артерий не задел. Тем не менее Тихий героически отказывался получать медицинскую помощь от Вандала, настоятельно приказывал оставить его здесь, чтобы парнишка уходил, а уж он его прикроет и вообще будет крошить вражескую пехоту до последнего вздоха.

Вандал постарался привести раненого ополченца в чувство, мол, ничего страшного с ним не произошло и нефиг чушь пороть, надо выбираться. Тащить Тихого худощавому Андрею пришлось на себе. Массой мышц он похвастаться не мог, зато был парнем жилистым и через какое-то время дотянул его до обочины.

Оказавшись на трассе, Тихий как ни в чем не бывало заявил Вандалу, что в помощи больше не нуждается, и спокойно пошел своей дорогой, слегка прихрамывая. Андрей с недоумением смотрел ему вслед.

* * *

С таким же приблизительно недоумением он сидел с Кротом и еще сорока ополченцами на берегу озерца между Семеновкой и Краматорском. Над ними кружилась авиация, командир все не возвращался. После обеда они решили выбираться сами.

В Донецк они попали поздно вечером. Друзья и знакомые из Славянского гарнизона обнимали их, поздравляли с удачным прорывом. Конечно, им повезло, но обида на командира осталась. Посовещавшись с Кротом, они вместе уехали из Донбасса и вернулись в Крым.

На гражданке первым делом Андрей спрыгнул с парашютом. Про возраст пришлось наврать. Получив российский паспорт, он перебрался в Москву.

Кроту делать документы отказались, на Украину путь закрыт. Чтобы не стать нелегалом и все-таки добиться гражданства, ополченец уехал по программе переселения на Камчатку. В гости друг к другу летать далеко, остается только созваниваться.

В Москве Вандала однажды пригласили выступить перед студентами — рассказать о боевых действиях в Славянске. Там он познакомился с Машей, они встречаются больше года.

На днях девушка согласилась вместе с ним спрыгнуть с парашютом. Они записались на прыжки для «перворазников» — так их называл строгий инструктор с десантным прошлым в авиаклубе в Киржаче. Маша вела себя отважно, а во время полета они каким-то образом умудрились прокричать друг другу признания в любви.

Перед прыжком он снял часы и положил их в помещении, где они проходили инструктаж. По дороге обратно обнаружил, что забыл их там. Не жалко. А вот за теми, что подарил президент, Андрей все еще думает вернуться.

Дети халифата

Кошмары фруктовых садов

— Как казнил первого — почти не помню. Амир раздал всем таблетки, что-то по типу обезболивающего, нам такие часто давали. Когда меня «накрыло», он приказал перерезать горло военному, который был у нас в плену. Все прошло как в тумане.

Пятнадцатилетний Фарси Фарес о том, как выполнял работу палача, рассказывает таким тоном, как будто речь идет о краже соседских персиков. Язык не поворачивается назвать палачом этого ребенка в засаленной футболке, затертых джинсах и потрепанных кроссовках.

Подросток только что попался на горном блокпосту сирийской армии с несколькими килограммами взрывчатки за пазухой. Сухое лицо с огромными глазами, тощая фигура. Непонятно, как ему вообще удалось спрятать на себе шахидский пояс.

— Парень на протяжении недели втирался в доверие к дежурившим на посту, — объясняет офицер. — Его посылали к нам в качестве переговорщика, знали, что солдаты не тронут ребенка. Террористы находятся в этой деревне в полном окружении. Мальчишка, прикидываясь местным, упрашивал военных передать немного хлеба и чистой воды, якобы для родственников. Сегодня он пришел снова, но ребята заметили что-то странное в его поведении. Оказалось, что под футболкой прятал взрывчатку.

Разговор происходит в шикарном мраморном здании в районе горного хребта Аль-Калямун на западе Сирии. Раньше тут располагалось управление коммунального хозяйства. Теперь оперативный штаб правительственных войск. Район зачистили от боевиков «Ан-Нусры» и ИГИЛ дней десять назад.

До войны это был богатейший край. Земли на границе Сирии и Ливана вдоль хребта плодородны до неприличия. Фруктовые плантации вызывающе усеяны сочными плодами. Запах переспелых фруктов перебивается разве что горечью танковой соляры. На фоне сытых солнцем деревьев снующие по грунтовым дорогам бронемашины выглядят угрюмыми и кровожадными.

— Местные крестьяне выращивали персики и черешню в таком количестве, что фруктов хватало не только для сирийцев, но и на экспорт в Россию. Лет двадцать пять подряд отсюда на север уходили тонны урожая, — пояснил нам с гордостью сирийский генерал.

«Радикальная чума» перебросилась в этот горный уголок от соседей. Прогрессивный светский Ливан вдруг оказался

перевалочным пунктом для сотен моджахедов, хлынувших одним из ручьев в пойму «Арабской весны». На пути к халифатской мечте они смывали все, что плохо держалось на берегу светского понимания жизни.

К боевикам-переселенцам из Пакистана, Чечни, Катара, Ирака присоединялись зачарованные псевдогероической романтикой местные мальчишки.

— Я сам из Ливана, моя семья живет недалеко от границы, родители не знают, что я ушел воевать. Меня позвал с собой один пакистанец, с которым я познакомился в родной деревне. Он собирал отряд, чтобы перейти границу и присоединиться к моджахедам, воюющим в Сирии. Позже этот мужчина стал нашим амиром, так я оказался здесь, — ответил нам пятнадцатилетний Фарси Фарес, когда мы поинтересовались у него о судьбе родителей.

— Как давно ты воюешь в Сирии и скольких людей тебя заставили казнить?

— Я в этом отряде уже больше года. Казнил двоих.

После того, что мальчик рассказывал дальше, хотелось проснуться. Если фруктовым деревьям этих земель могут сниться яркие кошмары, то это один из них.

— Я взял его за волосы, задернул голову вверх, поднес к горлу нож. Пленный умолял меня остановиться. Амир кивнул, я понял, что не имею права быть нерешительным. В ту же секунду перерезал мужчине горло. Все, кто стоял на площади, начали радостно кричать «Аллах акбар!» и стрелять в воздух. Командир поздравил меня с убийством еще одного кафира.

— Тебя принуждали это делать?

— После того, что сделали со мной в горах, у меня просто не было выбора.

— А что сделали с тобой в горах?

— Однажды меня и еще одного парня отправили на позиции в горы, якобы на подкрепление. Несколько моджахедов-иностранцев сидели там три недели без смены. Они встретили нас, а вечером заставили съесть какие-то таблетки. Сказали, что на большой высоте нельзя без них, будет тошнить и голова начнет кружиться. Мы приняли лекарство. Потом один из них стал объяснять, что по шариату, если моджахед на войне и рядом нет женщин, он имеет право вступать в связь с мальчиком. В общем, они сделали с нами это. Потом рассказали другим мужчинам из отряда. Надо мной издевались. Тогда амир-пакистанец, который взял меня в отряд, велел выступить на казни палачом, чтобы вернуть уважение братьев. Мне ничего не оставалось, как сделать это. Потом были новые поручения.

— Что тебе обещали за подрыв блокпоста сирийских военных? Там были поощрения за подобные задания?

— Вообще амир сказал, что, когда мы победим в Сирии, меня сделают начальником районного отделения исламской полиции и дадут сто пятьдесят бойцов в подчинение.

Потом я долго не мог вытряхнуть из головы этот кошмар. Но почему пятнадцатилетний палач так легко рассказывал о чудовищных поступках? Это противоречило обычной логике пойманного преступника. Его ведь взяли за взрывчатку и даже не подозревали в казни сирийских военных.

Получается, Фарси Фарес не считал свои поступки экстремальными? Но он не был похож на умалишенного. Что же с ним было не так?

От малого до игилового

Война в Сирии началась после антиправительственных митингов в 2011-м. «Фронт Ан-Нусра», сирийский филиал «Аль-Каиды», поначалу никак не проявлял себя. Под вполне европейскими лозунгами создавалась Свободная сирийская армия, на западе ее называли вооруженной оппозицией или повстанцами.

Сейчас мало кто помнит, что задолго до появления шокирующих роликов ИГИЛ, где пятилетние мальчишки казнят «неверных», именно повстанцы наряжали своих детей в камуфляж, вручали им автоматы на радость ликующим прогрессивным СМИ.

Кадры и правда получались эффектными. Мол, против Башара Асада за оружие берутся все, от малого до великого. То, что сначала было элементом оппозиционной бравады, позже в буквальном смысле взяли на вооружение более опытные полевые командиры, прибывавшие из-за рубежа по мере разрастания конфликта.

То, что дети могут воевать не хуже взрослых, а в бою иной раз полезнее, чем зрелые рекруты, известно с древних времен. Захар Прилепин в романе «Черная обезьяна» ярко описал легенду о нападении на африканский город «недоростков», жестоких малолетних солдат. Уместно вспомнить Голдинга с «Повелителем мух», где ярко раскрывается кровожадный потенциал ребенка, лишенного моральных ориентиров взрослого мира. В конце концов, и пораженная фашизмом Европа с его гитлерюгендом не оставалась в стороне.

Террористы в Сирии отнюдь не являются необразованным «диким зверьем» и эффективно «юзают» проверенные веками технологии.

Вербовкой детей в свои отряды активно занималась группировка «Джейш аль-Ислам» под непосредственным руководством распиаренного полевого командира Захрана Аллуша. «Цивилизованные страны» открыто выражали готовность вступать с ним в диалог. Представители его организации регулярно участвовали в переговорах на высоком международном уровне.

Еще крепче за возможность омоложения джихада ухватились инструкторы из «Ахрар аш-Шам». Боевиков этой организации Запад тоже относит к «борцам за свободу». Кадры тренировок их детских отрядов говорят о крайне радикальном религиозном настрое.

«Ан-Нусра», ее дочерние группировки «Джейшь аль-Ислам» и «Ахрар аш-Шам», преследуя более глобальные цели, чем свержение режима в Сирии, тоже делали ставку на молодую кровь. Детям отводилась в том числе роль смертников при подготовке терактов.

Многие из самых громких взрывов в Сирии последнего времени устраивались с помощью детей. В феврале в результате трагедии в пригороде Дамаска в районе Саида-Зейнаб погибло больше восьмидесяти человек. В заминированной машине, взорвавшейся на рынке, находилась женщина с ребенком.

Ответственность за теракт взял на себя ИГИЛ. Этот мутант собрал все сливки наработанных предшественниками технологий и обогатил их демонической эстетикой. Игиловцы стали снимать в киношном качестве казни с участием детей. Настала эпоха шокирующих акций «Львят Халифата», детского отряда с филиалами в городах Сирии и Ирака. Первую славу снискали «львята» из Ракки, столицы ИГИЛ, затем инициативу перехватили воспитанники восточных провинций Хасака и Дейр-эз-Зор.

— При нападении на Хасаку в 2015 году, когда террористам в течение считаных часов удалось захватить треть жилых кварталов, на окраины города с разных сторон заехали десятки заминированных грузовиков. Штурм начался после того, как все они взорвались. В кабине каждого автомобиля находился ребенок-смертник из отряда «Львята Халифата», — рассказал нам губернатор Хасаки Мухаммад Зааль аль-Али.

— Где готовилось нападение, ведь такое не просто организовать?

— В Аш-Шаддади, их военной столице. На днях ее от террористов освободили.

— Можно туда попасть?

— Я бы не советовал, там по-прежнему кругом ИГИЛ.

Ничья пустыня

Сквозь поднятую нашим автомобилем пыль видим метрах в ста ополченца. Человек в нейтральном камуфляже, в арафатке, повязанной на манер ниндзя, тревожно машет руками.

— Хасан, разворачивайся, там не про ехать, — командует на переднем кресле Артур Кебеков.

Водитель щурится от белого солнца пустыни, делает залихватский маневр, во рту у всех пересохло.

О сорок седьмом километре трассы Хасака-Аш-Шаддади мы были наслышаны еще до вылета из Дамаска. Сюда игиловцы регулярно отправляют «посылки» — автомобили и микроавтобусы, начиненные взрывчаткой. Недвусмысленные послания радикальных амиров: «ИГИЛ отступил, но остается!» А за рулем может быть ребенок-смертник.

Так что подозрительность во взгляде караульных понятна, любой автомобиль — потенциальный взрыв и прелюдия к контрнаступлению орды.

Но развернули нас не поэтому. Развязка на сорок седьмом километре — сплошное минное поле, правила движения по эстакаде разработаны специально для своих. Чужие подорвутся, не достигнув цели. Прежде чем нащупать безопасную развилку, нарезаем несколько кругов по выщербленному осколками пятачку. Упираемся в колонну из пяти мини-грузовиков и нескольких популярных в пустыне мопедов.

Ополченцы на блокпосту внимательно всматриваются в потрепанные документы водителей. Пассажирские сиденья других гражданских машин забиты сумками с продуктами и смуглыми малышами. Те, кто постарше, пристроились рядом на мопедах.

— Они что, к террористам едут? — Мой вопрос повисает в салоне.

Всем понятно, что да. Куда же еще. Это последний дружественный блокпост. Дальше территория врага.

Мужчины везут своих жен и детей в ИГИЛ. Мозг отказывается это воспринимать. «Люди едут в свои дома, не хотят быть беженцами», — пытаюсь объяснить себе их мотивы. На разговоры с ними времени нет, наша цель — Аш-Шаддади, нужно успеть вернуться оттуда до заката. С заходом солнца большую часть блокпостов снимают, курдское ополчение не видит смысла патрулировать пустыню в темное время суток. На ночь эта земля становится ничьей.

В военную столицу ИГИЛ — именно так до недавнего

времени называли Аш-Шаддади — мы едем на поиски детского лагеря, где террористы готовили «Львят Халифата». Помните видео, где пятилетний мальчик среднеазиатской внешности казнит двух россиян, якобы шпионов ФСБ? Этого «львенка» вырастили как раз в одном из таких лагерей. Мы пока сами не знаем, что там найдем. Едем за ответом на вопрос: «Какова она, «львиная» доля детей Халифата?»

Штат Шатдат

Представьте, что нацисты без боя оставили один из своих городов в глубоком тылу. Оплот Третьего рейха на оккупированных территориях, который был им домом родным, второй столицей после Берлина. Служил ставкой военного министра, командующего сухопутными войсками и черт знает кого еще. Едкого разлива адъютанты, партийного масштаба атташе, критическая масса офицерского состава — все они жили там со своими семьями. Ежедневно отправлялись за хлебом к пекарю, брали творог у проверенной молочницы, потягивали лимонад на любезных террасах.

Только не рисуйте себе Париж, Варшаву, Будапешт, Прагу или другой город, мало-мальски сохранивший самобытность даже при рейхе. Представьте идеальный фашистский город, напрочь лишенный прежней идентичности. Ни одной рекламной вывески без свастики, ни одной парадной без флага, ни одного лица без печати нацистского орла. Даже домашние животные заражены верой в исключительную миссию фюрера.

Таков Аш-Шаддади. ИГИЛ здесь не просто наставил на каждом углу «лого» с печатью пророка Мухаммеда. Он проник в душу города, пропитал насквозь его детей. Мы поймем это позже. А пока не встретили ни ребенка, ни старика. Центральный проспект абсолютно пуст. И переулки вымерли. Душная, жуткая тишина.

Скрип ворот звучит как выстрел. Вздрагиваем, оборачиваемся. В проеме на секунду мелькает женский силуэт, полностью облаченный в черное, даже глаза прикрыты сеткой. Фигура сразу исчезает. Натуральный призрак. Впрочем, радует, что мы тут не одни.

Углубляемся в переулки. Наши шаги все чаще отдаются впереди неприветливым шушуканьем, шорканьем. Ясно, что гостей здесь побаиваются.

Внезапно входим в квартал, который с натяжкой можно назвать жилым. Навстречу малышня катит где-то раздобытые покрышки. Ребята постарше толкуют о чем-то, обступив дряхлый мотоцикл. Взрослых на улице нет. Направляемся к компании подростков, улыбаясь во всю мощь, приветливо размахивая руками: «Садык! Садык!» Это «друг» по-арабски. Все отворачиваются. И только один паренек в светлом спортивном костюме идет в нашу сторону.

Али Абдулла из арабского племени джбур, самой многочисленной народности восточной провинции Сирии.

«Племя, которое мы потеряли», — как-то обронил мой коллега, сириец Артур Кебеков. Джбур почти полностью перешли на сторону ИГИЛ.

«Дауля», как называют свое квазигосударство игиловские радикалы, проглатывает представителей всех народностей и этнических групп, чтобы переварить их и сделать частью своего Черного пятна, разрастающегося по Ближнему Востоку. Чем больше ингредиентов в этом сплаве — тем он прочнее и разрушительней.

Вот и пятнадцатилетний Али автоматически называет игиловцев «дауля». Не отдавая себе отчета, какая работа уже проделана с его мировоззрением. Ведь «дауля» в переводе с арабского значит «государство». Для Али сейчас государство — это Аш-Шаддади при террористах.

Формула «Нет государства, кроме ИГИЛ, а аль-Багдади халиф его» не покидает сознание граждан даже после того, как экстремисты оставляют населенные пункты. ИГИЛ отступает, но остается. С ужасом понимаешь: да это же по-прежнему их территория. Радикалы потеряют власть над Аш-Шаддади только тогда, когда он перестанет быть «Шатдатом» вилайета Аль-Барака. А пока он именно так обозначен табличкой на въезде. Название выведено кириллицей. Да и Али, как видно, русская речь уже знакома.

— Русс? — К нам присоединяется сверстник Али из уличной компании.

Ребята сначала поглядывают с опаской, но при виде камеры и увлеченного разговора их товарища детское любопытство берет верх. Знакомимся, парня зовут Мухаммад Нур, он тоже какое-то время жил в Аш-Шаддади при террористах.

— Кто лучше всех воюет в ИГИЛ?

— В «дауля»? Воюет? Конечно, иностранцы.

— Откуда?

— Из Чечни.

— Ты их видел?

Мухаммад Нур начинает как будто разыгрывать театральную сценку. Артистизма ему не занимать. Мимикой изображает иностранцев, руками показывает длину бороды и форму одежды.

— Светлая кожа и темные длинные волосы, глаза маленькие, ходят группами с детьми, носят камыс. Они учили своих детей, как нужно притеснять людей.

— Дети должны притеснять людей?

— Несколько дней назад ребенок игиловца из Чечни подошел к старику, пытался его гнать на молитву, тот отказался, малыш забрал у него паспорт и с оружием отвел в исламскую полицию. Он старику в правнуки годился, но ругал его, заставлял подчиняться. Вот как они себя вели.

— А с вами они хотели дружить? Может быть, в футбол предлагали вместе поиграть?

— Нет, они очень редко заезжали в наши районы. Жили в отдельном поселке на окраине Аш-Шаддади, у них были свои магазины и мечети. Но когда они появлялись у нас, малыши совсем, то звали идти приносить присягу «дауля». Я, например, отвечал, что мне родители не разрешают. А они спрашивали, буду я в день Суда слушать Аллаха или родителей.

— Но кто-то же поддавался на их уговоры?

Али снова подключается к беседе:

— Начинается все с уроков религии. Преподают «манхадж» (идеологию), промывают мозги маленьким детям, а потом учат стрелять. Тренировать начинают прямо в мечетях. Сначала шариатский курс, а уже после отправляют в военный лагерь, там тебя уже готовят как воина. Мне удалось сбежать оттуда.

— Что это был за лагерь?

— База, где готовили «Львят Халифата».

— А далеко мечеть, где вас учили шариату?

— В двух шагах. Хотите посмотреть?

Купол мечети и правда виден над соседним кварталом. В переулках оживление. Мужчины в длинных арабских халатах и женщины, одетые так, будто ИГИЛ еще не ушел или вот-вот вернется. Они шепчутся и с осуждением поглядывают на сопровождающих нас мальчишек, каждому из которых тринадцать — четырнадцать. На суеверное бормотание старших они реагируют с легким пренебрежением. Мол, многое уже повидали, чего от журналистов каких-то прятаться.

Ворота в мечеть покорежены, легкие рубцы от стрелкового боя. Заходить жутковато. Проносятся в голове предостережения губернатора Хасаки: «При отступлении террористы заминировали половину домов». Внимательно смотрим под ноги, нервы натянуты как лески, которые боевики подводят к закладкам со взрывчаткой.

Али и Мухаммад ступают беспечно. Их уверенность успокаивает. Наверняка парни уже излазали все вокруг и знают, что ловушек нет. Я привык доверять людям, но и рассказов о коварстве игиловцев наслушался достаточно. К тому же ребята сами признались, что проходили подготовку в специальных лагерях. Гоню прочь паранойю. Говорю себе: «Они дети, а не террористы». Но здесь эта аксиома сомнительна.

На полу мечети обсыпанные штукатуркой ковры. Голые стены, несколько полок с книгами. Слова Мухаммада Нура раздаются неожиданно басистым для его возраста эхом:

— Меня вызвали сюда на шариатский курс, а затем в «хусба» к следователю, потому что я не ходил молиться. Они нас пугали Страшным судом, рассказывали про рай и ад. У них есть свои учебники, они все обосновывают Кораном. Моего двоюродного брата убедили, и он ушел с ними воевать.

— Ты знаешь, где сейчас твой брат?

— Наверное, ушел из города вместе с «дауля», теперь воюет где-нибудь в Дейр-эз-Зоре, а возможно, его уже нет в живых. Сами знаете, чему тут учат.

— Чему, например, учили вас?

Мухаммад Нур теряется впервые за время беседы. На вопрос отвечает Али:

— Здесь преподавал марокканец. Объяснял, что джихад — это не только воевать, взяв калашников в руки. Джихад — когда берешь литр горючего и сжигаешь дома неверующих.

— Много у него было учеников?

— Конечно, много. Он забирал детей прямо с улицы. Ходил и кричал в громкоговоритель, чтобы ему отдавали на обучение детей, которым исполнилось шесть лет.

— Но ведь не все родители отдавали детей в мечеть. Что грозило тем, кто противился?

— Отцов арестовывали. К примеру, я захотел воевать за «дауля», а отец мне запрещает. Я обращаюсь к ним с жалобой, отца забирают, иногда дело доходит до казни.

Мы вышли из мечети. Попросили ребят объяснить дорогу до места, где располагался лагерь военной подготовки детей. Они предупредили, что от него почти ничего не осталось. Петляем по шаддадским улочкам, с трудом выезжаем на окраину, к поселку городского типа. Координаты, указанные парнями, верны.

Лагерь разрушен. Уцелела одна сторожевая будка метр на метр. Арабской вязью на ней выведено: «Пункт приема бойцов в отряд «Львята Халифата». Это было что-то вроде КПП. Внутри на стене, как и положено, правила несения службы на посту на русском и английском.

Аш-Шаддади потому и называли военной столицей ИГИЛ, что здесь располагалась ставка Рыжего генерала, министра войны радикалов. Второй человек в «Даиш» после «халифа» Абу Бакра аль-Багдади. Выходец из Панкисского ущелья Абу Омар аш-шишани (по паспорту — Тархан Батирашвили) лично курировал подготовку юных игиловских рекрутов. Тренировкой и обучением детей занимались его боевики, владеющие русским языком и приехавшие из республик Северного Кавказа и стран Средней Азии. Подросток Али Абдулла, сбежавший из лагеря, был знаком с русской речью, можно сказать, со школьной скамьи. Только вместо портфеля с тетрадями и карандашами ученики носили на занятия разгрузки с гранатами.

В Хасаку мы возвращались в полной темноте. Бойцы на блокпосту на въезде в город аж подскочили от неожиданности, когда наш микроавтобус притормозил перед шлагбаумом. Когда объяснили, откуда едем, назвали нас безумцами. Нам нечего было сказать в ответ. Только теперь мы начали по-настоящему понимать, от какого безумия они охраняют столицу Восточной провинции Сирии.

Несказка о крысолове

Готовясь к этой поездке, я пересмотрел немало ютубовских видео, снятых террористами. На них «Львята Халифата» стреляли в головы приговоренных к казни, маршировали под команды инструктора, ловко обращались с автоматами, давали интервью. Все видео были сняты парадно. Все они были кошмарны, но при этом оставляли ощущение постановки.

На видео, которое повергло меня в реальный ужас, не было крови. Не было вооруженных малышей в камуфляже. Снимали его не игиловские киношники. Происходящее напоминало беззаботный утренник. Абсолютно счастливая картина. Бородатый парень с белозубой улыбкой в окружении толпы детей как будто выкрикивает считалочку из всем известной и очень увлекательной игры. Наподобие «чай-чай-выручай». А дети — самые обычные сирийские дети — хором в сотни голосов подпевают ему искренне и счастливо.

Если бы не периодические отступления с традиционным «Аллах акбар!», вообще нельзя заподозрить что-то неладное. Так ведут себя аниматоры в летних лагерях отдыха. Никаких призывов к кровопролитию. «Львы Халифата прибыли! Львы Халифата прибыли! Исламское государство остается!» — заливаются детские голоса. Потом аниматор делает вид, что убегает от них по улице, продолжая распевать свое игиловское «чай-чай-выручай», и толпа детей несется за ним, толкаясь и цепляясь. И бородатый парень уже где-то далеко впереди, а потоку бегущих за ним детей не видно конца.

Если можно представить сказку о Крысолове, воплощенную в жизнь самым реалистичным образом, это она и есть. Снято было на телефон жителем Пальмиры. (Место установил коллега Артур Кебеков по характерным пейзажам.)

Хотелось поговорить с теми, кто видел эту сказку наяву. В Сирии десятки лагерей для «внутренних переселенцев» — семей, бежавших с оккупированных террористами территорий. Это и палаточные лагеря в приграничных зонах, и целые районы крупных городов — Дамаска, Хомса, Латакии, Тартуса.

Мы посетили один из лагерей в пригороде столицы. По сути, он представлял собой большое общежитие, многоэтажное здание, поделенное на сотни комнат. Двор был набит малышами, они переживали свои детские проблемы и радости и вряд ли осознавали, что еще совсем недавно жили под ИГИЛ. Мы начали обходить комнаты и расспрашивать взрослых, но быстро поняли, что это бесполезно. Мужчины и женщины отвечали на вопросы по

шаблону, их страхи можно понять.

Увидев, что мы отчаялись и собираемся уезжать, сопровождавший нас глава поселения предложил заехать на традиционный сирийский кофе к его другу-художнику. Мужчина бежал из Пальмиры.

— Когда ИГИЛ захватил город, я три дня вообще не выходил из дома, потом решился. Пройдя квартал, я увидел на пятачке, где обычно покупал в палатке овощи, три обезглавленных тела. Сразу закружилась голова, я чуть не потерял сознание.

Ландшафтному дизайнеру М. под пятьдесят. Высокий колоритный мужчина с седыми усами, античной статью, длинными и изящными пальцами художника, глубоким взглядом. Слабым этого человека не назовешь. Но и в нем «дауля» посеяло что-то такое, из-за чего он категорически просит не называть его имя и не показывать лицо.

— Мы с женой прожили в Пальмире еще десять дней после прихода игиловцев, потом убежали через пустыню в Эль-Карьятейн, а оттуда уже добрались до Дамаска.

— Как игиловцы относились к детям в Пальмире?

— Это отдельная история. Взрослые боевики подходили к малышам и начинали очень дружелюбно общаться. «Сколько тебе лет? Как тебя зовут? Ахмад? Молодец, Ахмад! Ты вырастешь умным и сильным мальчиком! Вот тебе тысяча лир!»

— Что, прямо детям деньги раздавали?

— Да! Небольшие суммы, конечно, но я сам видел, это правда! Очень уважительно с ними обращались. А где-то спустя неделю устроили для детей кинотеатр под открытым небом. Установили большой экран, каждый вечер устраивали просмотры. Дети уже знали время и сами заранее собирались на площади.

— Что показывали?

— Свои видео, как идут в бой, тренируются. Рассказывали о героизме. После таких просмотров потом вперед выходил молодой иностранец, тунисец или марокканец, кажется, и начинал их развлекать. Дети в нем души не чаяли. Я слышал у соседей, как малыши плакали, если родители не пускали их на эти собрания.

— А у самих игиловцев были дети?

— Многие из них чуть позже привезли в Пальмиру целые семьи. Но их дети не общались с местными малышами.

— Почему?

— У них так было заведено: взрослые общаются с нашими детьми, а их дети поучают наших стариков.

Пусть теперь кто-то мне скажет, что это не железный расчет. Когда стариков учат морали пятилетние мальчишки, старикам

волей-неволей становится стыдно. Когда к детям обращаются опытные боевики как к равным — ребенок волей-неволей начинает гордиться собой и хочет быть похожим на собеседника.

Дети для ИГИЛ — не только цель, но и средство. Прямо как в игре «чай-чай-выручай». Только получается, что все сами застукали друг друга, пока «вода» ходил за пряниками.

Замаскированные

Затонированный джип занесло при объезде дорожной пробоины, Хайдар практически весь свой вес перенес на соседа справа. Тот недовольно закряхтел. В салоне было тесно. Три человека на заднем сиденье помещаются с трудом — понятное дело, все в разгрузках и с автоматами. Хайдар посередине, между ним и другим сослуживцем упертое в пол РПГ-9.

Ополченец ненавидел сидеть посередине. Особенно когда автомобиль мчится по территории врага. Любая нештатная ситуация, обстрел — и ты последний, кто выберется из машины, а значит, шансов сгореть в ней в случае попадания в корпус вражеского гранатомета значительно больше, чем у остальных. Одним словом, место у двери надо еще заслужить. Хайдар впервые участвует в операции в составе группы спецназа национального ополчения провинции Хасака. В отряд он пришел чуть больше месяца назад. До этого воевал на стороне террористов. Конечно, там они называли себя совсем по-другому — «моджахедами», «воинами Аллаха», еще раньше — «повстанцами». Но это было совсем давно.

Сейчас Хайдар был сосредоточен на дороге и на новых кроссовках. Он одолжил их у Саллаха, тоже бывшего боевика, специально для такого неординарного случая — впервые ему выпала возможность проявить себя в операции правительственных сил. Теперь ополченец жалел о совершенной обувной рокировке — Саллаху он оставил поношенные кеды, тот скрепя сердце согласился, понимая, так сказать, ответственность момента, — и вот теперь почти неношеные «эиры» жмут невыносимо. «Нет ничего тревожнее обуви, которая тебе жмет, и места на заднем кресле посередине», — не уставал повторять про себя Хайдар, но от этой мантры мандраж перед боем становился только сильнее.

— Хайдар, эта трасса наверняка тебе знакома? — частично оттянув с подбородка обтягивающую маску и повернувшись к нему с переднего кресла, спросил капитан Джамал, командир их небольшого отряда.

Ополченец пытался расслышать в голосе старшего сарказм — ясное дело, они ведь едут по территории, которую — по крайней мере, на штабных картах — обозначают черным цветом, то есть совсем недавно — его территории. Юмористических ноток в голосе капитана, как показалось Хайдару, все-таки не ощущалось. Джамал, по-видимому, и сам нервничал.

— Да, господин капитан, до Тель-Хамиса не больше десяти

километров.

— Сколько у них еще выставлено постов на трассе?

— Пару месяцев назад на оставшемся участке дороги, если не считать въезд в сам город, у боевиков здесь базировался всего один блокпост. И тот, если честно, не крепкий. Дежурит пара «ниндзя» с АК. Тяжелого вооружения нет. Пост, в конце концов, промежуточный. Но сами понимаете, ситуация могла измениться…

— Понимаю, — задумчиво проронил капитан. За последний месяц правительственные силы серьезно потрепали террористов в Восточной провинции. Массовый исход из рядов ИГИЛ и «Ан-Нусры» представителей племени агайдат, удары с воздуха сирийских ВВС по раскрытым с помощью «перебежчиков» координатам — все это конечно же заставило боевиков мобилизоваться. Поэтому рассчитывать, что они не станут усиливать контроль на главных трассах, пожалуй, не стоило. Капитан Джамал это прекрасно понимал. Как и то, что, сколько бы дополнительных блокпостов ни установили террористы, их наличие миссию его группы не отменяет.

— В любом случае, парни, это все равно лотерея — три вражеских КПП мы уже проскочили, — решил подбодрить ребят командир отряда.

Тактика спецназа национального ополчения Хасаки — при рейдах за линию фронта — была в общем-то проста. Маскировка.

Бойцы загружались в два трофейных джипа, в свое время захваченные после очередного провального наступления «Ан-Нусры», на камуфляже не было специальных знаков отличия, кто-то и вовсе подбирал себе комбинированный «наряд» — штаны, скажем, хаковые и какая-нибудь гражданская толстовка. Необходимо было создать эффект полного сходства с самими разношерстными во всех смыслах группами боевиков. Ну и, конечно, главный атрибут — черные маски, которые так упорно ассоциируются с образом экстремиста, — и религиозный лозунг на лбу. Это пропуск на вражескую территорию, который заменяет любой пароль. Тем более что теперь среди ополченцев немало бывших моджахедов — их присутствие в диверсионном отряде позволяет вводить врага в еще большее заблуждение. Конечно, раз на раз не приходится. Вылазка может закончиться перестрелкой на первом же блокпосту, бдительный караул — не такое уж редкое явление. В любом случае это лотерея. И пока что им везет. Три блокпоста позади.

Хайдар, пожалуй, нервничал больше остальных. Целью их группы был один из лидеров «Ан-Нусры» в этом регионе Сирии — Абу Абдель-Рахман аль-Масри, египтянин, который разрешал

споры согласно законам шариата и считался одним из самых страстных проповедников радикального ислама на фронте. «Замаскированным» — так террористы называли группы специального назначения национального ополчения правительственных сил — удалось получить координаты местонахождения влиятельного иностранца. Будучи боевиком, Хайдар и сам называл ополченцев «замаскированными», «замаскированных» боялись больше всего. У них была сеть информаторов внутри бандформирований во всех городах, подконтрольных террористам. Как это ни парадоксально, но многие экстремисты ходили в масках, опасаясь именно того, что данные об их личности будут переданы «замаскированным». Опасался этого и Хайдар, но в итоге сам пришел в штаб национального ополчения — сдавать оружие. Когда предложили вступить в отряд, отказывать не стал. Были на то свои причины.

Приближался очередной блокпост «Ан-Нусры». Капитан Джамал заметил, что караульные слишком тщательно всматриваются в их колонну, состоящую из двух вымазанных глиной «тойот». Ему ничего не оставалось, как принять самое рискованное в этой ситуации ре шение:

— Абдулла, не останавливайся, просто пролетаем его и все, типа мы важные шишки.

Зигзагообразные преграды стремительно надвигались, водитель не стал сбрасывать скорость и на визжащих шинах объехал препятствия, раскидав ополченцев по салону. Капитан Джамал успел выкрикнуть постовым что-то вроде:

— Торопимся, парни!

Лица боевиков — несмотря на повязанные на них арафатки и скорость — Хайдар успел разглядеть. Спустя секунду за спиной послышались крики и предупредительные выстрелы в воздух. О том, чтобы останавливать кортеж, не могло быть и речи. Стрельба уже шла прицельно по колонне, несколько пуль царапнули бока джипа, одна уже на излете отрикошетила в заднее стекло. Хайдар обернулся и увидел, как по нему стала расползаться паутина трещинок.

— Сколько у нас времени? — резко спросил Джамал.

— Не больше пяти минут, — так же резко ответил Хайдар.

«Вряд ли у постовых есть прямая связь с Абу Абдель-Рахман аль-Масри, к тому же наверняка радикальный проповедник еще спит, до предрассветного намаза еще час, пока информация с блокпоста дойдет до его заместителей, потом до него самого… мы будем уже рядом с домом, где ночует его группа…» — тут же подумал он про себя и снял автомат с предохранителя.

— Надо было сделать это до того, как по нас открыли

огонь, — ворчливо попрекнул Хайдара сосед, немолодой уже мужчина из племени джбур.

Его наставления пресек капитан Джамал. Понятно, что план был повторен каждому из них уже сотню раз, но после конфуза на блокпосту неплохо было бы его и освежить.

— Действуем с колес, Хайдар! Ты отрабатываешь из РПГ в окно дома и остаешься нас прикрывать у джипа. Старик и ты, Мухаммад, мы втроем с ребятами из другой машины добиваем всех внутри дома. Абдулла, — капитан повернулся к водителю, — предупреди нас за тридцать секунд до цели.

Обратный отсчет, тягучие до невозможности секунды. Ополченцы выскакивают из машины, старик из племени джбур, как назло, оказался слева — то есть с той стороны, где дом, — и выгружался из джипа дольше всех. Хайдару пришлось покидать салон с неудобного края, обегать автомобиль, искать себе место на безопасном расстоянии от багажника, чтобы реактивная струя не подпалила бензобак. Дальше, впрочем, тело само помнило, что делать. Правое колено привычно прочно опустилось на землю, РПГ мягко легло на плечо, глаз сфокусировался на оконном проеме, выстрел…

Послужной список Хайдара впечатлил бы даже самого заядлого боевика. Он начинал свою карьеру в так называемой вооруженной оппозиции, то есть попросту ходил на митинги. Тогда в его родном поселке, находившемся между Аш-Шаддади и Эль-Холем — это фактически на границе Сирии и Ирака, только формировалась Свободная сирийская армия. Многие его сверстники из племени агайдат революцию поддержали. Их земли в буквальном смысле были пропитаны нефтью: где ни копни — залежи «черного золота». Революционеры обещали, что все это богатство наконец-то перейдет в распоряжение племени. Перспектива была, мягко говоря, заманчивой.

Каждый из мало-мальски населенных пунктов стал собирать собственные повстанческие отряды. На одну Восточную провинцию их набралось с пару десятков. Хайдар кочевал из одного батальона в другой, что там скрывать — в зависимости от того, какой предлагали куш. За пару лет он сменил три группировки — был в «Батальоне аль-Фарук», затем перешел в «Ахрар Гуэйран», третьим пристанищем оказался «Батальон Гуэйран». Впрочем, постепенно каждый из командиров романтично-революционную риторику начинал заменять религиозными проповедями, а среди так называемых повстанцев появлялось все больше иностранцев. Через какое-то время большая часть автономных отрядов была объединена под черными флагами «Ан-Нусры». Хотя поначалу это мало кого

волновало. С приходом моджахедов из-за рубежа выросли и денежные ставки за выполнение заданий. За участие в какой-нибудь штурмовой операции можно было срубить от двухсот до трехсот долларов. Сумма для бойцов из арабских племен немаленькая. Хайдару и вовсе предложили за одну вылазку пятьсот зеленых. Задание, правда, было специфическое. Стояла задача атаковать КПП национального ополчения, где в это время работала съемочная группа сирийского телевидения. Как объяснили Хайдару, главной целью был журналист Фаддель Хаммад — он постоянно показывал в своих репортажах фото боевиков, именно из-за него личности некоторых лидеров были раскрыты и теперь оказались в записке «замаскированных». На диверсию выдвинули сводный отряд. В один джип погрузились иностранцы — пятеро китайцев. Как Хайдар узнал позже, они на самом деле были уйгурами — представителями национальности, исповедующей ислам и проживающей в автономной области Китая. В другую сели местные парни, практически все — его соплеменники. Ситуация, в общем, идентичная нынешней — лишь с зеркальным отражением. Но тогда их операцию раскрыли. Одна из ячеек «замаскированных» сработала на опережение. По их колонне открыли огонь еще за несколько сотен метров до правительственного КПП, джип с уйгурами спалили из РПГ. Водитель автомобиля, где находился Хайдар, успел развернуться, их группе удалось скрыться. На сторону правительственных сил Хайдар перешел, конечно, не из-за провальной операции и упущенных пятисот баксов и даже не из-за страха перед вездесущими «замаскированными».

Однажды их командировали на три месяца в Ракку. На тот момент главной террористической силой в регионе постепенно становился ИГИЛ. Подобно «Ан-Нусре», которая шаг за шагом поглотила многочисленные революционные комитеты, радикалы, провозгласившие халифат на территории Сирии и Ирака, с такой же легкостью проглотили «Ан-Нусру» и другие группировки, все еще сохранявшие автономность. Кого-то мирно, кого-то насильственно. Вернувшись в Хасаку, Хайдар узнал, что семьи у него больше нет.

В момент выстрела из РПГ-9 в окно дома, где находился один из проповедников радикального ислама — Абу Абдель-Рахман аль-Масри, бывший боевик пытался представить лица тех, кто казнил пять тысяч женщин, детей и стариков из племени агайдат, его племени. Игиловцы, блокировавшие одну из непокорных арабских группировок в Восточной провинции, пообещали коридор для невооруженного населения. Коридор оказался ловушкой. Среди казненных оказались родители Хайдара. И ему

уже было все равно — ИГИЛ или «Ан-Нусра».

Жажда мести привела его в ряды ополчения. Финансовые мотивы сменили мотивы кровные. Ради мести он был готов погибнуть. И теперь, после выстрела, с жадностью вдыхал запах реактивной струи своего гранатомета, а глаз его с жадностью всматривался в результат: крыша хибары обрушилась, из-под обломков раздавались истошные вопли.

Группа под руководством капитана Джа мала стремительно бросилась добивать экстремистов, выведенных из строя осколками от разорвавшейся в комнате гранаты. Хайдар выдохнул и, с трудом оторвавшись от завораживающего зрелища, развернул корпус спиной к дому, где работал спецзназ, — чтобы в случае чего прикрыть ребят из стрелкового оружия. Ополченец как будто видел мозжечком автоматные вспышки позади, в лопнувшем от его гранатометного выстрела здании. На самом же деле обострившийся слух фиксировал треск очередей и одиночные прицельные плевки, визуальный ряд был плодом воспаленного от торжества воображения. Джамал с ребятами справились быстро.

— По машинам! — с надрывом с голосе — видно, и им пришлось наглотаться взрывной пыли — скомандовал капитан. — Уходить будем через пустыню.

Дальше был триумф водителя. Все остальные просто стиснули зубы. Хайдар чувствовал — погони не будет…

— Абу Абдель-Рахман аль-Масри ликвидирован, еще шестеро аннусровцев убиты, — спустя несколько часов рапортовал капитан Джамал, стоя на плацу их базы в Камашли перед майром Шади.

Майор был тоже из агайдат — его соплеменников ни с кем не спутаешь: яйцевидная форма головы, растянутые на пол-лица губы, длиннющий нос, непропорционально огромные ладони.

— Ребята, надевайте маски, сейчас вас сирийское телевидение придет снимать! Вы провернули громкую операцию! — не скрывая радости, скомандовал майор Шади, похлопывая их всех по очереди по плечу.

— Ты не слишком радуйся, командир. Мы вот закончим с «Ан-Нусрой» и ИГИЛ, а потом снова за тебя возьмемся, — подколол майора капитан Джамал.

И только тут Хайдар понял, что его командир — тоже из бывших.

— Ну это мы еще посмотрим, кто кого. Эй, рядовой, — майор Шади окликнул адъютанта, — зови журналистов.

— А можно без маски? — спросил Хайдар.

— А не боишься?

— Чего уж тут бояться…

После съемки Хайдар подошел к холеному корреспонденту в идеально гладком костюме и клетчатом джемпере под пиджаком. Его выбритое лицо блестело на солнце.

— Как тебя зовут, парень?

— Фаддель Хаммад.

— Я почему-то так и подумал…

— А что?

— Да ничего… Год назад я мог тебя убить. Твоя жизнь пятьсот долларов стоила… Так что с тебя новые кроссовки… Мне эти жмут.

Станция метро «Джобар»

Подполковник Гаяс чувствует, как очередная капелька пота повисла на кончике носа. Он смахивает ее рукавом хаковой гимнастерки, выцветшей за пятое лето войны до полупрозрачности. Наверху — плюс сорок по Цельсию. Здесь, под землей, казалось бы, бойцов должна спасать нежная прохлада земли. Однако низкий потолок тоннеля, полусогнутый режим передвижения заставляют поры под натиском внутренней соленой воды расширяться еще шире, чем на солнечном пекле. К тому же привкус рыхлого песочного грунта во рту, приторный, точно иранские сладости, только усиливает и без того яростную жажду.

«Подземная война все-таки на градус жарче городских перестрелок», — делает про себя вывод подполковник и кричит в спину проводнику:

— Рядовой Амер, долго нам еще ползти по этой тесной норе?

— Командир, осталось метров сто, если мне память не изменяет… — Голос рядового дрожит, астматичное дыхание разрубает слова на части.

Хорошо смеяться над чужой клаустрофобией, но только не в том случае, когда находишься в тоннеле диаметром в полчеловека — при самом удачном раскладе, а позади тебя полукилометровый лабиринт, а над тобой тонны земли, приплюснутой сверху бетонными многоэтажками.

«Почему генерал приказал Муханнаду остаться наверху? Ведь это как раз его работа — лазать кротом под территорией врага в поисках точки, которая лучше всего подойдет для закладки пластита…» — этим вопросом подполковник Гаяс мучился с тех пор, как наступил берцем на лестничную перекладину, чтобы спуститься в темнеющий проем «джобарского метро». Именно так военный про себя называл систему тоннелей, вырытую под территорией боевиков в пригороде Дамаска, в местечке под названием Джобар.

Когда-то Гаяс с интересом изучал в Интернете карты различных метро мира, самыми симпатичными ему тогда казались лондонский и московский «андерграунды». Чисто визуально.

«Здесь, в Джобаре, все сложнее, — констатировал как-то Гаяс, — как будто одну схему метро, скажем лондонского, наложили сверху на схему другого — например, московского».

Дело в том, что террористы из группировок «Джейш аль-Ислам» и «Фронт Ан-Нусра» еще в начале войны против

правительственных сил использовали тактику тоннельной войны. За пять лет они сделали тысячи подкопов в этом округе. Стратегия проста, но безжалостна. Перед очередной атакой террористы подрывали снизу укрепрайоны сирийской армии в высотных домах. Здания складывались в каменные торты слоями. Естественно, каждый такой взрыв оказывал на солдат шоковый эффект, и, пользуясь моментом, противник шел в наступление. Психологический перелом в конфликте произошел, когда сирийская армия начала использовать против террористов их же методы. То есть бойцы правительственных войск и национального ополчения тоже начали рыть тоннели под позиции врага, подрывать их огневые точки и только после этого давать команду на штурм. Таким образом, сейчас в Джобаре существуют два автономных подземных лабиринта — террористический, более разветвленный и ветхий, и правительственный — не столь извилистый, но более ухоженный. Врезаться в неподатливый грунт солдаты не прекращают ни на час.

Конечно, отработать технологию с нуля в короткие сроки было проблематично. Здесь и пригодилась помощь таких ребят, как Муханнад. То есть бывших боевиков. (Да, тот парень, что сейчас курит наверху, а не кряхтит в душном тоннеле рядом Гаясом, — как раз из них.) После ряда амнистий, объявленных президентом Башаром Асадом, экс-террористы не только смогли безболезненно сложить оружие, но и вновь получить его, заняв место в окопах по другую сторону фронта. Подполковник Гаяс слышал, что такая политика однажды помогла России выиграть войну в Чечне. Тогда российским лидерам удалось убедить часть вооруженных группировок, изначально действовавших против федеральных сил, объединиться в борьбе с радикально настроенными исламистами. Ситуация в чем-то похожа.

«В любом случае решения главнокомандующего не обсуждаются, а события последнего года дают надежду на то, что такой сценарий может сработать и в Сирии» — так подполковник одергивал подчиненных, которые демонстративно и косо посматривали на Муханнада, Наджи и других бывших боевиков, пришедших в отряд из группировки «Джейш аль-Ислам». Хотя сам Гаяс иной раз лишь сконцентрированным усилием воли отгонял мысль о том, что один из этих новых соратников год назад, например, мог оказаться тем, кто засадил пулю в голову рядовому Али, когда тот возвращался из караула, или ранить в плечо того же Амера, который сейчас слабым светом фонарика, встроенного в зажигалку, прощупывает путь сквозь чертову кротовую нору.

— Перекур, Амер. — Командиру хоть и не хотелось

показывать слабость при младшем составе, но одышка перепрыгнула через критическую планку. Нужно было отдохнуть.

— Так точно, господин подполковник, — с нескрываемой готовностью отозвался рядовой.

— Муханнад точно объяснил тебе, как добраться до точки, где тебе нужно заложить взрывчатку? — Гаясу приходилось держать строгий тон и быть демонстративно бодрым, ведь генерал приказал ему лично проконтролировать ход операции. Впрочем, его добродушное и высыхавшее от бесконечных приемов мате лицо с заострившимся за годы войны клювом горца — подполковник был родом с Алавитских гор — не внушало страха подчиненным. Он выглядел моложе своих лет, любил отпускать неприличные шутки, бойцов «строил», как это принято делать с младшими братьями в больших семьях — нарочито грозно, но в то же время с каким-то просвечивающим сквозь каре-зеленые глаза состраданием и неизменной опаской переборщить.

— Да, я делаю все, как он объяснял, — два поворота направо, затем еще один спуск и тут по прямой, — отчеканил Амер.

— Тебе не кажется она бесконечной, эта прямая? — проронил командир, выпуская из легких очередной комок дыма от густой сирийской махорки, плотно забитой рядовым в самокрутку. Вопрос не подразумевал ответа.

«Вот сидим мы здесь на глубине тридцати метров, судя по расстоянию — уже далеко за линией фронта, над нами наверняка сейчас какая-нибудь штаб-квартира «Джейш аль-Ислам», они там сидят — прямо над нами — и так же пьют мате, как мы у себя на позициях. Что мешает Муханнаду предупредить их? Ведь он с ними хлеб делил, как-никак… А может, боевики и вовсе знают о тоннеле давным-давно и сделали подкоп к нашему подкопу? Где гарантии, что мы не в ловушке? Меньше всего сейчас хотелось бы услышать, как в стенку долбит вражеская кирка…»

Внутренний голос подполковника Гаяса отнюдь не бредил. Такие ситуации случались. «Метростроевцы» с обеих сторон порой натыкались на подземные ходы друг друга: и тогда уже все как на поверхности — ближний бой с переходом в рукопашную да с оглядкой на то, чтоб потолок не обвалился, иначе будешь погребен вместе с врагом заживо. Подполковник знал, что это самый сильный кошмар любого, кто служит в условиях подземной войны.

А вот повода не доверять Муханнаду, если честно, не было. Этот долговязый паренек еще до плена служил в армии. В начале конфликта линия фронта не была такой четкой и бескомпромиссной, как сейчас. Получив очередное увольнение, Муханнад отправился в Джобар домой к родственникам. Это был

2011 год. Тогда еще военнослужащие, переодевшись в гражданское, могли рискнуть появиться в районе, подконтрольном «повстанцам» — так экстремистов называли в западных СМИ, так они сами окрестили себя на страничках в Фейсбуке. При условии, если профессия солдата не была раскрыта полевым командирам боевиков соседями, он мог успешно вернуться в казарму, отгуляв свой законный «увал» в кругу семьи. Муханнаду не повезло. Кто-то из соседей его попросту сдал. Не успела тетя Батуль вывалить на поднос традиционный рис с куриными бедрами и морковью, как за ним пришла так называемая исламская полиция. В заключении рядовой сирийской армии пробыл семь месяцев. О том, как с ним там обращались, Муханнад никогда не рассказывал, но можно представить, какой прием террористы устроили военнослужащему правительственных войск. Гаяс сейчас вспоминал те скудные подробности, которые удалось выудить у парня за очередной чаркой мате после боевого дня.

«Нас регулярно вывозили на копательные работы. Масштаб был без преувеличения промышленным. Один из тоннелей, где нас заставляли махать киркой и лопатами, вел за пределы Джобара к площади Аббасин. Он был длиной минимум шестьсот метров, а шириной — ну, представь, при мне там проезжала БМП. К работам привлекали исключительно пленных — как военных, так и гражданских, — которых похищали на трассах… Иногда высаживали на дорогу целыми автобусами и фактически угоняли в рабство. Что меня поразило — значительная часть из них работала на боевиков еще задолго до вооруженных столкновений. То есть эту свою тоннельную систему в Джобаре они начали делать заранее», — рассказывал Муханнад.

Парня спасла смекалка. Среди так называемых повстанцев были и его друзья по Фейсбуку. Выросли в одном районе. Через охранников удалось передать им послание. Муханнад сообщил, что тоже хочет вступить в «Джейш аль-Ислам» и помочь сопротивлению. Френды из соцсетей, которые к тому времени дослужились до руководящих постов в группировке, клюнули. Видимо, чувствовалась нехватка профессиональных военных. Благодаря связям бывшему пленнику буквально за пару месяцев удалось втереться в доверие экстремистам, и его назначили командовать одним из фронтовых округов. Как объяснял Муханнад, сделать карьеру в террористическом братстве мог даже сапожник — навыков военных для этого не требовалось. «Главное — поусердней проклинать правительство и делать вид, что разбираешься в Коране», — шутил он. Получив в распоряжение целый участок Джобарского фронта, Муханнад

смог выйти по телефону на сирийского офицера, с которым служил до того, как попал в плен. Новоиспеченный полевой командир не просто попросился обратно — на сторону правительства, но и подготовил целый план по сдаче контролируемых им позиций. Операция прошла успешно. Вместе с десятком добровольно сдавшихся бойцов «Джейш аль-Ислам» во главе с Муханнадом правительственным войскам удалось отхватить у противника весомый кусок непокорного фронта. А экс-командир боевиков, будучи в заключении, не только успел изучить технологию террористического «метростроя», но и завербовать среди пленников информаторов, которые по СМС сообщали ему координаты новых диверсионных объектов. Таким образом удалось сорвать план «Джейш аль-Ислам» по внедрению тоннельной системы непосредственно под кварталы Дамаска. И даже информаторов чуть позже эвакуировали. Теперь и они делятся своим опытом с рядовыми сирийскими бойцами.

Все это подполковник Гаяс знал, точно так же как и понимал прекрасно, что биографии «перебежчиков» неплохо изучены спецслужбами и, будь версия истории Муханнада хоть на шаг сомнительна, не чертил бы он маршруты подкопов под штаб-квартиры радикалов вместе с генералом и его помощниками. Однако что-то не давало подполковнику покоя, и от собственной мнительности ему становилось еще душнее. После очередной затяжки ядреного латтакского табака он услышал то, что больше всего боялся услышать, а именно посторонние звуки, как ему показалось, где-то сбоку. Затем отголоски разговора — речь нельзя было разобрать. Террористы действительно могли «врезаться» в тоннель за их спиной и отсечь от выхода на свет. Амер отреагировал на звук прямым взглядом в лицо командира, выражающим скорее готовность к действию, чем испуг. Впрочем, и глаза этого дебелого парня с мощными и слегка корявыми руками, получившего очередное ранение месяц назад и сбежавшего из госпиталя на фронт, — и его зрачки вместе с радужкой затянул тот самый налет отрешенности, что свойствен хладнокровным бойцам. И только таким же хладнокровным понятно, что именно этот налет на глазах и означает страх. Гаяс поднес указательный палец, придерживающий окурок, ко рту, обозначая режим полной тишины. За эту долю секунды он успел изрядно обматюкать собственный приказ «на перекур» — ведь теперь боевикам будет проще вычислить расстояние до противника по едкому запаху табака. «Шум и запах», — щелкали в мозгу табуированные понятия, которые сам же вдалбливал подчиненным, и вдруг вспыхнуло еще одно — «свет!». Другой ладонью подполковник закрыл зажигалку (в нее был встроен

фонарик) в руках у Амера. Тот понял сигнал и погасил ее. Каждый из них невольно вжался в стену, с какой-то детской усердностью — будто бы ты спрятался за несуществующей колонной при игре в прятки и водящий пройдет мимо, не заметив тебя. Шаги и голоса приближались. Гаяс расчетливо и тихо протянул руку к правому бедру, нащупал кобуру, в которой как никогда обнадеживающе тяжелел пистолет Макарова. Многие его сослуживцы предпочитали трофейные «Беретты», «Глоки» — черт знает, что еще, но он хранил верность старому советскому ПМ. И снова он был готов сорваться на себя. Из предосторожности обычно заранее не загонял патрон в патронник — пистолетом приходилось пользоваться крайне редко. Оно в общем-то и правильно, но в этой ситуации это действие может получиться катастрофически громким. И все же передернул затвор. Шаги замерли. «Ну все, врасплох не…» — пронеслось в голове у подполковника, и не успел он додумать фразу, как в ушах будто взорвался голос из тоннеля:

— Господин полковник, вы только стрелять не вздумайте! — Это были Муханнад и Наджи. — Я забыл Амеру провода для взрывчатки передать… Он вот тащит этот мешок, а сде тонирует-то он как? Я вам, как бывший боевик, говорю: сколько пластита под здание ни заложи, сам по себе он не взорвется.

Четвертая жизнь командира Шади

Сначала вылетели стекла в окнах. Затем раздался звук. Нет, не рассыпающихся осколков. Звук, который, врываясь в слуховые раковины, настолько въедается в тело, что пронизывает каждую составляющую ДНК. Взрыв такой мощности докричится даже до самой глухой клетки организма. Каждая последующая секунда тягуча, точно бетонный раствор, и в то же время резка, словно полет боксерского кулака, отрабатывающего удар на груше. Взрывная волна расшвыривает солдат по комнате, хрустят потолки и стены. Вслед за стеклянным крошевом в лицо впиваются вытряхнутый из здания песок и запах тротила. Ожившие куски строения перемалывают человеческие тела, податливые кости, распарывают кожную ткань, жженое пространство смачивают роднички крови. На этом все…

Однако даже небытие трещит по швам от нервозного писка. Майор Шади резким усилием отрывает голову от ручки дивана, телефонный будильник скандально пульсирует. Последние несколько месяцев военный спит по четыре часа в сутки. Это помогает реже видеть сны. Впрочем, методика несовершенна. Контуженые видения преследуют с 2013-го. В тот год на него покушались трижды. С тех пор как «игиловские существа» — именно так называет террористов Шади, ведь людьми их считать нельзя — запустили свои черные щупальца в песчаное море Восточной провинции Сирии, он стал для них принципиальной целью. Сказать — «номер один» — будет громко, но по количеству экстремистских попыток реализации приказа «ликвидировать» ему явно обеспечено место в первой десятке сирийских командиров этого фронта.

Взрыв штаб-квартиры национального ополчения в Хасаке три года назад был, пожалуй, самой продуманной операцией по уничтожению лидера добровольческих отрядов, воюющих против радикалов под патронажем правительственной армии. Террористы еще никогда так близко не подбирались к майору Шади. Это было третье по счету покушение, боевики не сомневались, что похоронили командира ополченцев под развалинами его штаб-квар тиры. Смертнику удалось подогнать забитую взрывчаткой цистерну на расстояние пары десятков метров от здания. Дежурный блокпост разнесло в клочья. Все, кто находился в комнате с Шади, погибли. Самого командира тоже заочно посчитали убитым. Сообщения о его ликвидации в считаные минуты после взрыва расползлись по радикальному сегменту интернет-сети. А это значит — информаторы боевиков

следили за терактом, находясь неподалеку, и оперативно маякнули заказчикам о результате. В конце концов даже дружественные ресурсы готовы были смириться с этой мыслью.

Майора нашли под завалами ребята, которые от взрывной волны попадали с коек в соседней казарме. Республиканцы пришли на помощь оперативно. Когда откопали, он, само собой, был без сознания. По счастливой случайности у военных медиков оказался в распоряжении аппарат искусственного дыхания. Откачали. Кому-то из руководства пришла в голову прагматичная мысль — чтобы избежать повторной атаки, уже на госпиталь, куда эвакуировали раненых, не опровергать факт его гибели. Несколько дней для всех майор Шади был мертв. Сеть подпольных, или «спящих», ячеек, которую террористы создали практически во всех населенных пунктах Восточной провинции, увы, работала эффективно. Информация о передвижениях сирийских военачальников доходила до радикальных полевых командиров исправно. Поэтому, пока спецслужбы не наладили заново систему безопасности — после каждого такого взрыва разведке и контрразведке приходилось идти на все более изобретательные ухищрения, — было решено оставить его мертвым. Враг в заблуждении — выгодный враг. Впрочем, после «воскрешения» начальство поставило тридцативосьмилетнему майору Шади задачи, занимаясь которыми командир не просто мозолил глаза «игиловским существам», но и откровенно дискредитировал их идеологические успехи.

— Сколько их там сегодня, шейх?

— Четверо, майор Шади.

— Все из Восточной провинции?

— Да, майор, все из арабских племен.

— Откуда именно?

— Кто откуда. Двое воевали в отрядах на границе с Ираком. Один из Дейр-эз-Зора. Четвертого парня радикалы и вовсе на несколько месяцев командировали в Ракку. Он из племени агайдат. Говорит, что много слышал о вас.

— Ну с тем, что из агайдат, все понятно… Эти ублюдки из ИГИЛ столько наших стариков вырезали… Другие парни из каких побуждений пришли? Из личных или общих?

— Сами у них спросите, командир. Мое дело посредническое, я не военный.

— Хорошо. Саид, позови этих четверых, — обратился командир уже к адъютанту. Тот, стоявший по струнке у самого порога в ожидании распоряжений, мигом исчез.

Майор Шади пил свой утренний убийственно крепкий кофе с шейхом Абу Мухаммедом аль-Фаресом. С тех пор как на них

свалилась миссия по перетягиванию жителей провинции с темной стороны на светлую, командир ополченцев и священнослужитель встречались каждое утро. Шади поручили сформировать и укомплектовать новое подразделение, в которое должны войти добровольцы из недавно освобожденных от ИГИЛ населенных пунктов, представители христианских общин провинции Хасака, местные ассирийцы и армяне, а также бывшие боевики, то есть те, кто решил воспользоваться правом на амнистию, объявленную президентом Башаром Асадом, и сдать оружие. Коктейль обещал получиться забористым. Еще на первом построении майор — который сам был из племени агайдат, — всматриваясь в эту разношерстную публику, не представлял, как будет обучать их боевому взаимодействию. В одном ряду — первый набор едва достиг цифры в сорок человек — стояли и пасмурного вида смуглые арабы, его соплеменники из агайдат, причем в масках, и тут же слегка мажорного вида христиане, с аккуратно выстриженными бородками и модными прическами с налетом геля. Игиловцам, аннусровцам и прочим исламистам так или иначе где-то удалось настроить одних против других. Двадцатилетние парни из арабских племен — в начале кризиса, пять лет назад, еще подростки — радикальные идеи впитывали на ура. Даже сейчас — и Шади, конечно, не мог не обратить на это внимания — некоторые из них, фоткая друг друга потертыми «самсунгами» и видавшими виды «нокия», вместо традиционного «виктори» демонстрировали перед объ ективом указательный палец, направленный в небо, с улыбкой приговаривая «Аллах акбар!». От этого жеста, знакомого по экстремистским ютубовским видео, майора слегка передергивало. Будучи мусульманином, он еще мог как-то фильтровать религиозные порывы земляков. А вот добровольцы-христиане иной раз с неподдельным шоком поглядывали на замашки арабских сослуживцев, не очень понимая, чем игиловцы или аннусровцы, против которых они пришли воевать, отличаются от тех ребят, что сейчас тренируются вместе с ними.

Майор отвечал за военную сторону дела. Шейх Абу Мухаммед аль-Фарес был посредником. У него больше свободы в передвижениях по провинции, особенно в том, что касается нейтральных территорий, к тому же боевикам, принявшим решение покинуть ряды радикалов, проще выйти на контакт с человеком относительно нейтральным, чем с тем, в кого совсем недавно приходилось стрелять. Опасения тех, кто собирался воспользоваться правом на амнистию, объяснимы.

В провинции прекрасно знали о первой жизни Шади — до войны и в начале кризиса он служил в одной из частей под

Хасакой. Боевики напали на расположение сирийских подразделений, армейский гарнизон в несколько раз уступал по численности противнику. Выжили единицы. Знали в провинции и о второй жизни Шади, и о третьей. То есть о всех покушениях на него. Учитывая багаж ненависти к врагу, накопленный командиром нацополчения за эти жизни, мало кому верилось там, за линией фронта, что майор не казнит любого перебежчика.

— Почему все в масках-то?

Сквозь черную толстую ткань было, конечно, не разглядеть, но, судя по нервному подергиванию рук и плеч, читалось, что ребята замялись. Повисла некомфортная тишина. Через пару секунд один из них — тот, что был выше всех, — все-таки выдавил из себя:

— Привычка…

— Ну это понятно… Здесь-то зачем, у меня в кабинете стукачей нет…

Четверо бывших боевиков стояли плечом к плечу, двое из них с автоматами наперевес, третий со снайперской винтовкой, тот, что выше всех, — с пулеметом. Каждый раз, когда Шади устраивал такой прием, — у него слегка пересыхало в горле. Он сам выдумал этот психологический трюк. Майор специально распоряжался, чтобы бывших боевиков приводили к нему на беседу, предварительно вооружив. Командир прекрасно понимал риск — среди парней мог оказаться засланный казачок. Вот что стоит одному из них сейчас выпустить очередь с дистанции пяти метров — и цель по его ликвидации будет достигнута в пару секунд. Поэтому в горле и становилось сухо каждый раз. Но и факт такого принципиального доверия со стороны командира обезоруживал экс-бое ви ков. Ведь даже перед аудиенцией у собственных полевых командиров их заставляли сдавать автоматы при входе. А тут такое…

— Долго разглагольствовать не будем. У нас сегодня тренировки на стрельбище. Кто где воевал до этого?

— В Свободной сирийской армии! — с готовностью и наперебой выпалили все четверо.

— Хватит мне заливать, знаю я вашу Свободную сирийскую армию. Сначала эти ваши революционные комитеты в каждом селе, потом — чтобы друг друга не поубивать в пылу борьбы за свободу — все перешли под крыло «Ахрар аш-Шам». И уж наверняка пик карьеры пришелся на «Ан-Нусру».

Молчание, в общем, означало безошибочность протянутой майором логической цепочки. Пророческого ничего в его рассуждениях не было. Схема стандартная.

— Так чем вам не угодил ИГИЛ?

— Нас с Джамилем вынуждали присоединиться к ним, — начал высокий и самый разговорчивый, — мы не хотели. Уж больно там много иностранцев. Когда все начиналось, нам обещали, что все богатства наших земель перей дут в пользование к нам. Однако теперь оказалось, что всем управляют моджахеды из-за рубежа.

— Мы для них просто мясо, — продолжил снайпер.

— Полевые командиры-саудиты или египтяне напридумывают там планов, а под огонь кидают нас.

— Ладно, эту я песню тоже слышал. Кто из вас из агайдат?

— Я, — отозвался коренастый автоматчик.

— Как зовут?

— Хайдар.

— Близкие остались?

— Брат двоюродный, до сих пор на той стороне, остальных казнили…

— Что можете полезного рассказать по тактике этих ублюдков? — Тут майор немного осекся: все его собеседники без пяти минут оттуда. — Что там у них по ресурсам?

— Да в том-то и дело… Сирийцев они до секретной информации не допускают. Не доверяют нам.

— В общем, и правильно делают. — Несмотря на всю психологическую тонкость разговора, Шади не мог не сдержаться, чтобы не подколоть перебежчиков. Те, в свою очередь, чтобы затушевать свою неосведомленность, начали судорожно вспоминать хоть какие-то данные.

— По блокпостам, по дорогам — я много знаю, мою группу частенько перекидывали из одного места в другое. Так что по обстановкам на трассах — обращайтесь. Чем смогу — помогу, — предложил Хайдар.

— Это нам очень пригодится, но позже… Может, есть что-то, за чем вы там наблюдали и что может нам пригодиться в борьбе против них?

— Конечно есть, — с неожиданной готовностью вызвался автоматчик, который весь разговор молчал, — например, как они головы режут, очень устрашает, командир, видел еще, как они смертников запускают в машинах на блокпосты… Тоже действенно…

— Стоп, стоп, стоп, мужики… Боюсь, такая методика нам не подойдет, мы не религиозные фанатики.

— А я слышал, что ополченцы из племени шайтат в Дейр-эз-Зоре режут игиловцам головы…

— Фронтовые байки это все.

Выпад новобранца, надо признаться, застал майора Шади

врасплох. Даже он сомневался в том, что рассказы о ребятах из шайтат выдумка. Некоторые, конечно, выглядят ну совсем уж фантастично. В духе тех, где ополченцы арабского племени жарили на костре голову игиловца или сварили пленного радикала живь ем в большом чане на глазах у других. В суп из игиловского мяса, который якобы регулярно употребляют отмороженные потомки бедуинов, ему тоже не верилось. Но отрезанные головы — вполне реально. Недаром в прошлом году, когда террористы захватили чуть ли не пол-Хасаки — административной столицы Восточной провинции, — туда перебросили ополчение шайтат, и спустя пару часов «игиловские существа» чуть ли не добровольно покинули город. Шайтат они боятся панически.

В своем подразделении майор Шади даже разговоров таких не мог допустить. Про отрезание голов. Этим безбашенным нужно привыкнуть по крайней мере к тому, что рядом с ними теперь ассирийцы-христиане.

— С этим закончили! Теперь на общее построение!

«Русская весна» в Сирийской пустыне

Главное не зацикливаться на дыхании. Лучше сразу рухнуть в пальмирские пески, пусть тело проглотят барханы взрывных волн, а сухие ломти земли залепят обожженные небесными вспышками глаза. Не думать о дыхании, не слушать его. Осталось триста метров. Бежать.

Гайдар и еще десять бойцов-добровольцев из батальона «Соколы пустыни» пересекали открытое пространство. От тыловых насыпей к гостинице «Тадмурта», где сейчас передовая.

Воздух был плотным от звуков, хоть на куски раскалывай. За спиной раздавалась мощная отрыжка артиллерии. Над головой пронеслись российские вертолеты. Гайдар лишь мельком взглянул на железное звено из четырех экипажей, вспахивающее лопастями копченый сирийский небосвод.

Сквозь размеренный вертолетный гул прорвались сумасшедшие и нервные очереди. Автоматы выплевывали содержимое наперебой. Свиста пуль слышно не было — значит, это свои из окон отеля прикрывают подход отряда.

Впрочем, несколько песчаных фонтанчиков — краем глаза заметил Гайдар — брызнули, сопровождая траекторию их марш-броска. Значит, врага беспорядочной стрекотней сбить с толку не удалось.

Вот наконец массивные ступени гостиницы. Сквозь болезненную серость в глазах и вязкую тошноту, разлившуюся по дыхательным клеткам, Гайдар увидел почерневшие и высохшие лица «постояльцев». Их взгляды блестели от адреналина и восторга. Пришло подкрепление.

Свежих однополчан приветствовали боевым кличем, при этом попутно косились на воду. Жажда была сильнее, чем радость встречи. Группа протащила сквозь огонь десять упаковок минералки. Вода здесь ценилась наравне с боеприпасами.

— Мы на точке, потерь нет! — прохрипел в рацию Халед. Двухметровый детина, учившийся с Гайдаром на одном факультете. Заметный во всех отношениях тип, своими габаритами крайне привлекательный скорее для вражеских снайперов, чем для студенток.

— Принято! — поступил ответ из тыла.

Командир группы, капитан Халиль, тут же в свойственной ему хвастливой манере пробросил фразу — мол, как удачно он выбрал время для того, чтобы проскользнуть на передовую.

Россияне массированно отработали с воздуха по штаб-квартирам — в тылу игиловских позиций. Сирийская артиллерия

атаковала огневые точки — ближе к линии соприкосновения. «Хезболла» запустила парочку своих фирменных реактивных подарков — по террористическим бункерам. В общем, у боевиков забот хватало.

Группа подкрепления, по его мнению, беспечно добралась до туристического квартала Пальмиры, который граничил со Старым городом. Гайдар думал иначе. Песчаные фонтанчики, поднятые игиловскими пулями, все никак не выходили из головы.

Им повезло, это факт. Теперь главное — распределить воду так, чтобы осталось самим. Вокруг упаковок с минералкой уже собирались группы из одичавших от жажды «соколов». Шесть бутылок Гайдар хотел умыкнуть, знал по опыту — свежих бойцов скоро бросят на задание, потом сиди в засаде без глотка. Но хитрый план внимательные сослуживцы раскрыли, и ему едва удалось отбить третью часть питьевого запаса.

Пару минут все были заняты страстным поглощением жидкости. Если игиловцы выжидали момент, чтобы пойти в контратаку, то они его упустили — нужно было это делать прямо сейчас. Утолив жажду, командир роты ополченцев Ибрагим — жилистый пятидесятилетний мужик с седой бородой, старший по гостинице, — устроил для новичков экскурсию.

Враг, оказывается, с трех сторон. Впереди — в Старом городе, прикрывается известными на весь мир пальмирскими колоннами, арками и прочими артефактами. Справа — в оливковых плантациях. И слева — у подножия скалистого хребта.

Троих бойцов Ибрагим предложил отвести на крышу, оттуда видно все как на ладони, но толпой подниматься не стоит. Завидев скопление, террористы жахнут из минометов. Крыша у них пристреляна. Гайдар вызвался идти, осмотреться получше не мешало бы.

Преодолев первый лестничный пролет, ополченец уже пенял на свою любознательность. Отдышаться после броска до отеля он толком еще не успел, а здесь — пять этажей перебежками.

По мелькающим в оконных проемах теням боевики палят из снайперских винтовок. Оптика у террористов навороченная, не расслабишься. На первом же пролете Гайдар чуть не схватил рикошет, игиловская пуля чиркнула о мраморные перила и звякнула о стену.

Крыша, как и полагается, была испещрена минными оспинами. Добровольцу не терпелось разглядеть в бинокль знаменитую Аллею саркофагов.

В университете в Латтакии Гайдар учился на историка, поэтому все, что связано с древней Пальмирой, вызывало в нем болезненный интерес. Террористы грозились уничтожить

памятники при отступлении, разведчики подтверждали — артефакты заминированы. Так что, возможно, это последний шанс увидеть их вживую.

Насладиться античными видами у Гайдара не получилось. Едва настроив резкость бинокля, он сразу же разглядел среди колонн группу из десятка боевиков.

Сорвавшись на крик, он сообщил об этом Ибрагиму, тот выхватил бинокль, убедился, через секунду они передергивали затворы своих калашей и одиночными, экономя патроны, стреляли по черному отряду игиловцев. Те нырнули в соседние плантации.

— Бесполезно, — отрезал Ибрагим, — из автоматов не достанем.

— Я видел, во дворе БМП стоит, — предложил Гайдар, — нельзя из нее покрошить бородачей?

— Выгоним на открытое пространство — спалят. Да и не в этом даже дело… — ответил Ибрагим раздраженно.

От других бойцов, только что прибывших на передовую, посыпались предложения запросить помощь у сирийской артиллерии, все видели — в тылу развернуто несколько десятков батарей, ну или, в конце концов, сообщить координаты русским, чтобы ВКС нанесли удар по скоплению террористов. Ясно же, игиловцы что-то задумали.

Ибрагим посмотрел на советчиков так, что у всех возникло непреодолимое желание замолчать. Командир сухо объяснил — боевики укрылись слишком близко к Старому городу, рядом артефакты, а значит, никто никаких ударов с земли или с воздуха туда наносить не будет.

Остается одно — собирать отряд, чтобы зажать террористов в плантациях и вступить в ближний бой. В случае, если боевики сделают маневр — то есть углубятся в посадки на достаточное расстояние от античных памятников, — сообщить координаты. Авиация придет на помощь. Ну а еще лучше — выманить из Старого города как можно больше этих психов, чтобы спокойно добивать их в тенях оливковых рощ.

Ополченцы не стали спрашивать, из кого сформируют отряд камикадзе. Ребята из группы подкрепления обреченно переглянулись. Гайдар и еще двое добровольцев, стрелявшие по боевикам с крыши, начали методично заправлять недостающие патроны в рожки, другие тем временем поправляли разгрузки и нервно мельтешили в холле первого этажа.

Гайдар с тоской посматривал на две полторашки с водой, которые удалось оставить у себя, шансов разжиться дополнительными бутылками уже не было, запасы были

распределены по гостиничным номерам. До плантаций на глаз около километра, то есть минут пять трусцой. Выдвижение по команде.

На верхних этажах раздается: «Огонь!» Снова застрекотали пулеметы — «Соколы пустыни» палят из окон отеля, отвлекают внимание, чтобы группу не заметил противник.

Капитан Халиль бежит первым, за ним связист Халед, рация на груди. Пятьсот метров пройдены, среди пустыря обгоревшие баки — отряд из одиннадцати человек как раз может за ними укрыться, чтобы передохнуть.

Треск гостиничных пулеметов смолкает. Пустыня, окружающая пальмирские руины, погружается в неожиданную тишину, слышны только хрипы и откашливания запыхавшихся бойцов.

Тридцать секунд без боя. А потом гул в воздухе. Российские вертолеты возвращаются. Механический рык оглушает. Дым в воздухе, разрыв, «соколов» обдает песчаной волной. Кто-то матерится. Гайдар видит рядом обезумевшего от грохота Халеда.

Он на чем свет стоит поливает русских, раздосадованный тем, что чуть не попал под дружественный огонь. Осколок от бомбы, к счастью, никого не ранил, но повредил рацию. Она абсолютно безжизненно валялась у его ног.

Здоровое негодование радиста сменилось откровенными упреками: мол, хорошо сидеть на базе в Хмеймиме, гулять по набережным Латтакии, после незатейливых вылетов получать звезды на погоны, легко воевать в небе, пока они, сирийские ополченцы, тут в пустыне сутками ползают, чтобы убивать их же, российских, террористов.

То, что львиная доля захвативших Пальмиру игиловцев — это боевики из Чечни, Дагестана, Узбекистана и других бывших республик СССР, в сирийском ополчении конечно же знали все. Однако Гайдар не мог согласиться с упреками соседа, хотел заткнуть его грубо, но сдержался:

— Полегче, Халед! Среди нас тоже русские есть…

Радист насмешливо вылупился на него.

— Да ладно… Где? — издевательски повертел головой. — Если ты про авиацию, то они уже улетели.

— Я, например, — спокойно ответил Гайдар, — у меня мама русская, я родился в Москве.

Это не был развод. Отец добровольца на самом деле учился на инженера в России, там он познакомился с москвичкой Екатериной, молодые люди поженилась, у них родился Гайдар. Детство парнишка провел в российской столице, даже в первый класс пошел там, но потом отцу предложили хорошую должность

в Сирии, и они всей семьей переехали в Латтакию.

Признание Гайдара слегка ошеломило Халеда, но капитулировать безоговорочно было не в его характере, поэтому в ответ радист пробурчал что-то типа: вот и погибай сам теперь под дружественным огнем, если, конечно, не придумаешь, как починить рацию.

Точку в этой перепалке поставил капитан Халиль, который скомандовал группе сделать финальный рывок. Через пару минут «соколы» рухнули к корням оливковых деревьев. Нужно было отдышаться и разведать местность. Халиль бросил клич, но после такого кросса стремительно желающих идти на подвиг не нашлось.

Массивный Халед, которому на то, чтобы прийти в себя, нужно было больше времени, чем остальным, тут же предложил кандидатуру Гайдара:

— У нас же есть кому террористов высле живать, Гайдар и язык русский знает, бородачи же часто на нем между собой разговаривают. За своего сойдет, если поймают, — съязвил радист.

Командир, естественно, обратил внимание на стычку между бойцами еще там, на пустыре. И, как водится в таких случаях, отправил в дозор обоих. Тем более что и рациональное зерно в словах Халеда тоже присутствовало. Знание языка может принести пользу.

Ополченцы по очереди перебегали от дерева к дереву, Гайдар недружелюбно посматривал на радиста, тот отводил взгляд, так как понимал, что поступил в общем-то подло, к тому же они теперь в одной тарелке.

Спустя полчаса он увидел, как его русский сослуживец напряженно замер.

Гайдар махнул ему рукой, давая понять, чтобы радист оставался на месте и не шевелился. Сирийский москвич услышал вдалеке разговор нескольких боевиков, но пока не мог определить, на каком языке они говорят, — сквозь оливковую листву просачивались лишь тембры их басистых голосов.

Террористы приближались, речь становилась все громче, они явно не предполагали, что в плантациях может прятаться кто-то еще и подслушивать. Группу капитана Халиля радикалы не заметили, иначе не вели бы себя так расслабленно. Судя по стабильному звуку, игиловцы остановились и теперь в полный голос спорили друг с другом.

Гайдар изо всех сил сконцентрировался на разговоре и чуть не фыркнул от радости, когда четко расслышал русское слово «братан». Такое обращение было принято у террористов с

Северного Кавказа.

Говорили боевики быстро, эмоционально, с ярким акцентом, большую часть слов ополченец разобрать не мог. Однако отдельно вырванные его слухом фразы — «пятьдесят человек», «стрелять из-за деревьев», «с другой стороны», «гостиница», «машина», «взрывчатка» — позволяли составить общую картину.

Гайдар понимал — им с Халедом нужно как можно скорее и как можно тише сваливать. Необходимая информация получена, даже с избытком. Оставаться на месте опасно — если игиловцы продолжат прогулку и наткнутся на двух «соколов», вся их разведка потеряет смысл, да и головы на плечах не задержатся. Оба они алавиты из Латтакии — таких в Даиш казнят с особым пристрастием. А уж если Халед и в плену вздумает юморить на его счет, то запытать алавита-москвича для радикалов будет вообще джекпотом.

Он дал знак оцепеневшему от напряжения радисту — оттягиваться назад. Тот с готовностью повернулся спиной и активнее, чем следовало, начал переступать через корни оливковых посадок. Гайдар решил красться на расстоянии метров тридцати от напарника — по параллельной траектории. Боевики продолжали активно что-то обсуждать, постепенно их голоса таяли.

И вот когда, казалось бы, еще метров пятьдесят — и они будут вне зоны слуховой досягаемости, габаритный и потому неуклюжий Халед натыкается на острую ветку, распарывает рукав хаковой гимнастерки. Трещит по швам не только форма, но и дерево. Гайдар замирает. Раздается стрельба.

Он срывается с места и сломя голову несется в сторону своих, петляя между тесными оливками. Где-то справа ломится сквозь чащу Халед. Выстрелы замолкают. Игиловцы, ви димо, не были готовы к погоне и на подозрительный звук отреагировали дежурными автоматными очередями, причесав беспорядочной стрельбой внушительный зеленый сектор и успокоившись.

Гайдар сбавил ход, напарника не слышно. Сердце ополченца сжалось — возвращаться к отряду, не попытавшись отыскать товарища, не позволяла совесть. С другой стороны, невыносимо было снова рисковать. Неизвестно, сколько бы он выбирал из двух зол меньшее, если бы не стоны Халеда где-то поблизости.

Гайдар нашел радиста в рытвине, отдаленно напоминавшей окоп. Тот пустым взглядом смотрел на ногу и что-то ворчал. Шальная пуля рассекла икроножную мышцу, но артерии и сухожилия задеты не были. Кровотечение останавливалось легко, он быстро наложил повязку — по идее этот медведь должен доковылять до лагеря самостоятельно.

Поддерживать Халеда все-таки пришлось, хромал ополченец сильно. Но что больше всего злило Гайдара — у радиста заела болванка. Он практически выл и по дороге продолжал во всем обвинять русских — за последний час они стреляли в него дважды. Сначала с вертолетов. Сидели бы лучше на базе, без них разберутся. Потом эти бородатые басмачи, проповедующие Халифат. Понаехали, своих было мало.

Гайдар, конечно, обронил сквозь стиснутые зубы (когда волочишь такую тушу, иначе не получается), что у террористов нет национальности, но эта искрометная реплика на раненого умника воздействия не возымела.

Тем временем основная группа их уже заждалась, все слышали стрельбу в плантациях. Капитан Халиль, само собой, был встревожен. Увидев разведчиков, парни без лишних вопросов перехватили Халеда, Гайдара командир отвел в сторону и протянул бутылку с водой. Сделав один экономный глоток и прополоскав рот, чтобы хоть как-то насытиться жидкостью, ополченец взахлеб пересказал командиру все подслушанное.

Боевиков в посадках не меньше сотни, одна группа планирует атаковать гостиницу с левого фланга, другая пойдет через пустырь — но все это лишь для отвлечения внимания. Пока «Соколы пустыни» будут отстреливаться из окон, думая, что их контратакуют, из Старого города к ним отправят автомобиль, набитый взрывчаткой. Смертник подгонит машину к северной стене здания и приведет устройство в действие. Последствия всем понятны.

Капитан Халиль подвел итог: через пустырь к гостинице не вернуться, его уже облюбовали радикалы, в плантациях пятьдесят террористов, а «соколов» здесь всего одиннадцать, вступать в прямое столкновение бессмысленно. Рация не работает, пацанов в гостинице надо предупредить о заминированной тачке и еще каким-то образом передать координаты для русских, чтобы авиация нанесла точный удар по скоплению боевиков в зеленке — шанс редкий, они сами вышли из-под прикрытия пальмирских артефактов.

Гайдар, естественно, еще пока тащил Халеда, усердно вертел все это в голове. План у него созрел, но он боялся предложить его командиру — вся группа подвергалась двойному риску, шансы на успех были минимальны, а похоронить их под шквалом мин и бомб при таком раскладе могли как свои, так и чужие. Капитан Халиль спросил сам. Гайдар рас сказал свою идею. Он предложил развести костер.

Конечно, дым заметит противник и наверняка начнет закидывать их самодельными ракетами, которых у игиловцев что

у дураков фантиков. С другой стороны, черную гарь можно использовать как ориентир для своих, главное, чтобы до штаба добрался посыльный из отряда и скорректировал огонь российской авиации относительно костра.

Пока гонец будет в пути, есть вероятность, что плантации начнет вспахивать сирийская артиллерия — откуда наблюдателям из штаба знать, кто решил пожарить шашлыки в оливковой роще. Но в этом случае несладко будет всем, противнику в том числе.

Идею восприняли без энтузиазма. Вызывать огонь на себя занятие неблагодарное. Но других вариантов, похоже, не было. Поколебавшись, капитан Халиль согласился и дал приказ одним рыть хоть какие-то углубления, чтобы можно было укрыться от мин, другим — собрать достаточное количество хвороста, чтобы дров хватило хотя бы часа на полтора. Путь до тыловых позиций — кого бы туда ни отправили — предстоял неблизкий. А пробираться к ним нужно было осторожно, обходными тропами.

Одиннадцать «соколов» в спешке подготавливали костровое место, ребята обсуждали между собой, у кого больше шансов выжить. У посыльного или у тех, кто останется? Пришли к выводу, что шансы не ахти у всех.

* * *

Гайдар стоял на наблюдательном пункте, расположенном на катарской вилле. Оттуда открывался вид на всю Пальмиру. Тут располагался оперативный штаб. Он только что сообщил координаты русским офицерам в командный центр. Сирийцы запросили авиаудар на триста метров левее дыма в плантациях.

Костер, по всей видимости, полыхал исправно. Столб гари был отчетлив. Генерал, командующий на этом фланге штурмом, признался еле живому от усталости добровольцу, что сначала в штабе недоумевали. Неужели террористы оказались настолько глупы, что разожгли костер и тем самым открыли свое месторасположение? Артиллеристы не торопясь вычисляли координаты и собирались уже пристреливаться. Гайдар подоспел вовремя.

Теперь дело было за россиянами. Над виллой пролетели четыре вертушки, сделав вираж над зеленкой и предварительно разбросав вокруг себя «ловушки», они в очередной раз за этот день механически зарычали. Над оливковыми деревьями поднялись обширные и густые клубы. Дым ополченского костра было уже не разглядеть, эффект от удара поглотил его без

остатка.

Гайдар стремительно сбежал по мраморной лестнице катарской виллы и уговорил внизу ребят из сводного подразделения подбросить его как можно ближе к гостинице «Тадмурта». Той самой, куда несколько часов назад их группу во главе с капитаном Халилем бросили на подкрепление. Там ополченец собирался ждать своих сослуживцев, которые вызвали огонь на себя. Ему оставалось надеяться, что кто-то из них выжил.

В отеле его вновь встретил Ибрагим, командующий этой точкой. Он как будто поседел еще больше, хотя в его случае это было почти невозможно. Гайдар в подробностях пересказал директору отеля — так Ибрагима уже прозвали подчиненные — все события, которые произошли с момента их последней встречи.

Они просидели на крыше еще три, четыре, пять часов — Гайдар не знал точно сколько, знал только, что эти часы были невыносимы. Глаза покраснели и слезились от постоянного и напряженного наблюдения в бинокль, в который ополченец тщетно пытался разглядеть оставленный в плантациях отряд.

И наконец на закате линзы нащупали десять фигур. Бойцы группы Халиля перебежками возвращались через выжженный авиацией пустырь к гостинице. Один из них заметно прихрамывал.

Трюфели со вкусом тротила

Пару дней назад они взяли Пальмиру. Жемчужина пустыни перешла под полный контроль правительственных сил. Часть подразделений перекинули в тыл — на отдых. Гайдару повезло меньше. Его группа вообще не должна была заезжать в древний город.

Игиловцы отступали в глубь песчаных пространств — в сторону Эс-Сухны, но по-прежнему огрызались. Диверсионные группы джихадистов то и дело атаковали армейские и гражданские колонны. Отвоеванные участки трассы еще плохо охранялись.

Чтобы это исправить, «Соколов пустыни» снова кинули на передовую. Командование приказало выставить в пустыне «секреты» — сеть замаскированных блокпостов на расстоянии от основного шоссе, ведущего на восток.

Ополченцы отслеживали джипы под черными флагами. Если игиловцы передвигались на двух-трех пикапах — добровольцы атаковали их самостоятельно. Если численность вражеского отряда была критичной — вызывали на помощь российские вертушки.

Прежде чем зависнуть в «секрете» посреди пустыни, Гайдару все-таки удалось на часок заскочить в Пальмиру. В тот день все пребывали в эйфории. Ребята держали свои позиции в гостинице «Тадмурта» на окраине — от игиловцев можно было ожидать всего чего угодно. Тем не менее контратаковать террористы не спешили, и командир отпустил Гайдара поглазеть на знаменитые артефакты.

В городе постоянно что-то взрывалось, то и дело раздавались автоматные очереди. Ополченец поначалу напрягся. Но это не были звуки боя. Саперы разминировали дороги, взрывая закладки, оставленные террористами. А опьяненные успехом военные палили в воздух, салютуя друг другу и поздравляя с победой.

Один чудак и вовсе решил приколоться — переоделся в игиловский камыс, обмотал голову арафаткой, откопал где-то игиловский флаг и носился по центральной улице, выкрикивая радикальные лозунги: «Ад-Даулят аль-Исламийя бакия уа татмаддад!» То есть: «ИГИЛ остается и распространяется».

Если бы не его откровенный алавитский акцент, чересчур жидкая для исламиста борода и желтая от табака улыбка на пол-лица — парень рисковал нарваться на братскую пулю. Чувство юмора — дело индивидуальное.

Впрочем, шутка удалась — завидев кустарного игиловца, солдаты начинали ржать и фоткались с ним наперебой. Когда еще выдастся возможность заселфиться с живым террористом в Пальмире. В общем, военные угорали как могли.

Гайдар тоже помахал чудаку и отправился искать археологический музей. Он слышал, что там уже разминировано и можно пройти к Аллее саркофагов, разрушенным храмам Бэлла и Баалшамин. По дороге ополченец то и дело натыкался на группы сослуживцев, перечеркивающих игиловские граффити и сжигающих черные флаги террористов.

В подразделение Гайдар возвращался в приподнятом настроении, ему не только удалось поглазеть на исторические развалины, но и разжиться трофеем. В служебной постройке рядом с взорванным храмом Бэлла базировались, по всей видимости, террористы, приехавшие в ИГИЛ из России. В одной из комнат сириец московского происхождения нашел русско-арабский медицинский словарь.

Медиком Гайдар не был, но теперь, сидя в засаде уже третьи сутки, радовался даже такому скучному чтиву.

Менять их, похоже, не собирались. Ребят было трое, следующий «секрет» располагался в паре километров, в гости не находишься.

На нервы действовало все. Весенняя пустыня — это когда днем почти летнее пекло, а ночью — январская холодрыга. Мертвый пейзаж — террористы для своих вылазок бездушную трассу Пальмира — Дейр-эз-Зор пока что не использовали. Однако напрягало всех не это.

Сухие пайки предательски подходили к концу. Консервы с бобами и хумусом за время пальмирской осады приелись до коликов. Но даже они на третьи сутки дежурства переходили в ранг деликатесов, которые бойцы распределяли между собой практически в гомеопатических дозах.

У всех троих начиналось самое страшное в таких случаях — необузданные гастрономические мечты становились главным предметом разговора. Будоражили мозг и желудок, не давали спать, лишали рассудка.

Гайдар изводил товарищей рассказами о русской кухне. Северная экзотика доводила друзей до полуобморочного состояния. Он в подробностях описывал поход в столовую советского типа. Ополченец часто бывал в таких с папой в Москве. На первое борщ со сметаной, на второе гречка с тушенкой, салат из свежей капусты и огурцов, заправленный пахучим подсолнечным маслом, ну и, конечно, булка с компотом.

Сослуживцы Гайдара едва ли до конца понимали всю

изысканность гастрономического букета. Суп из свеклы и капусты в Сирии не варили, гречка тут не растет, — но их московский однополчанин так упоительно расписывал вкусовые прелести русских блюд, что слюной захлебывались все. Одним словом, сознание троих бойцов находилось в шаге от помутнения.

В реальность их вернул гул, доносящийся с трассы. За трое суток они не увидели здесь ни одной машины. Ибрагим — самый молодой из парней, мальчишка из рыбацкой семьи — тут же навел прицел снайперской винтовки на подозрительный транспорт.

Это был небольшой грузовик, похожий на тот, что популярен у сирийских фермеров. Тысячи таких колесят по местным автобанам — в них удобно перевозить на продажу овощи, фрукты, скот. Как он оказался на мертвой трассе, которую сейчас толком не контролирует ни одна из сторон, было загадкой.

Ибрагим предположил, что грузовик заминировали игиловцы и отправили на ближайший блокпост сирийской армии. В таком случае за рулем террорист-смертник. Правда, разглядеть «пояс шахида» на водителе в оптику не удалось, возможно, он спрятан под одеждой.

Рыбак-снайпер хотел уже «снять» замаскированного радикала, но Гайдар, которого негласно считали старшим в группе, остановил его, предложил подпустить автомобиль поближе. Расстояние позволяло им оперативно подойти к обочине, они оставили секрет и перебежками, на всякий случай прикрывая друг друга, метнулись к трассе.

Грузовик показался из-за поворота, Ибрагим расположился поудобнее и взял его на мушку, медленно опустил указательный палец на спуск. И вдруг характерный грохот, кузов машины разлетается вдребезги, визжат колеса, кабина заваливается набок, водитель вылетает в сторону.

Кто-то с другой стороны дороги опередил Ибрагима и выстрелил по грузовику из РПГ. Ополченцы замерли, Гайдар шепотом скомандовал всем вжаться в землю и наблюдать. Через пару минут на асфальт вскарабкались двое.

Сомнений не было — игиловцы. Традиционный для радикалов камуфляжный камыс, черные повязки с белой печатью пророка Мухаммеда на лбу — распиаренный игиловский лейбл. Террористы обошли дымящийся кузов и, судя по всему, не увидели для себя ничего интересного.

По радиусу взрыва были разбросаны ящики, из которых на песок разлетелась то ли картошка, то ли еще какие-то овощи. Среди обломков они принялись высматривать водителя. Гайдар кивком дал понять ребятам, что вот он — момент.

Одного Ибрагим брал на себя. На другого нацелили свои калаши Гайдар и Фади — не слишком общительный парнишка из крестьянской семьи. Как только просвистел хлыст снайперской винтовки, первый игиловец упал. Ополченцы начали очередями гасить второго, террорист дернулся в укрытие, но не успел.

Бойцы на полусогнутых коленях, внимательно осматриваясь по сторонам, вышли на дорогу. Не убирая автоматы с плеч, приблизились к подбитому грузовику. Оба игиловца были мертвы. Судя по ярко-черным бородам, кучерявым прическам, смуглой коже и специфическому типу лица — саудиты.

Именно про саудитов рассказывают — когда ИГИЛ отступает, они последними покидают позиции. Эти тоже, как видно, задержались. Сидели в засаде, пасли трассу. Одним словом, как и «Соколы пустыни», дежурили в «секрете».

Гайдар не стал обыскивать их тела, побрезговал. Фади уже вытаскивал из-под песка оглушенного водилу. Мужик оказался крепким, после такой аварии — лишь ссадины и ушибы. Осколки не задели, ничего не сломал.

Фермер-экстремал вез в Дамаск трюфели. Изысканные грибы собирали под Пальмирой, как ни странно, в пустыне они росли с избытком. До войны это был прибыльный бизнес.

В Сирии потом долго смеялись, когда в начале кризиса Евросюз наложил санкции на ввоз в страну деликатесных и мажорных товаров. Передовицы европейских изданий тогда пестрили заголовками: «Сирия останется без икры, яхт и трюфелей». Вот в чем в чем, а в трюфелях республика нуждалась меньше всего.

Даже после того, как игиловцы захватили Пальмиру и ее окрестности, некоторые фермеры умудрялись доставить на столичные рынки царское лакомство. Килограмм грибов можно было взять за пять тысяч лир, это в районе десяти баксов.

Вот и Хасим — так звали выжившего водителя грузовика — решил подзаработать и рискнул окольными путями добраться до плантаций с трюфелями. Бойцы дружно окрестили его отморозком.

Пока разворачивалась вся эта заваруха, ребята, конечно, забыли о голоде. Все-таки адреналин отбивает аппетит. Но теперь успокоились, и жрать захотелось с новой силой.

— Ты их хоть готовить-то умеешь? — кивая на разлетевшиеся по обочине трюфели, с надеждой спросил Ибрагим.

Ему, в общем, пока что было по фигу — какой будет дальнейшая судьба Хасима, которому явно светила беседа с контрразведчиками, насущные вопросы волновали его гораздо больше. Фермеру спасли жизнь, поэтому необходимо было

проявить смекалку, и недолго думая он предложил запечь трюфели на углях, но посетовал на отсутствие соли. После бобовых консервов бойцы были готовы и на это.

Пока грибы подходили на еле тлеющих веточках — пару деревяшек все-таки удалось найти возле обочины, с дровами в пустыне туго, — у ополченцев кружилась голова. От пред вкушения.

Фади с Хасимом — несмотря на травмы, рисковый предприниматель вызвался помогать — что-то колдовали над фронтовым блюдом. На роль сковородки подошел металлический кусок взорванного игиловцами грузовика. В качестве приправы решили использовать последнюю порцию хумуса.

Когда трюфели приготовились — в процессе их то и дело проверяли, тыкая то шомполом для чистки оружия, то перочинным ножиком Ибрагима, — все четверо торжественно вздохнули. Гайдар первым взял с импровизированного подноса зажаренный деликатес, обмакнул его в соус и аккуратно надкусил.

Трюфель был горьким, но мясистым, отдавал одновременно машинным маслом и запахом взрывчатки. Все-таки граната от РПГ, выпущенная игиловцами, по-своему приправила блюдо. Гурманы наверняка приравняют такой способ поглощения трюфелей к гастрономическому преступлению. Тем не менее поднос опустел через несколько минут. Хасим предложил сходить за добавкой.

Стихи

Ветеранский ноктюрн

1

«Жажда жизни все-таки неоспорима.
Неоспоримее обходящего стороною
Состоянья материи… Я начал с Крыма,
Мне открылось око его степное», —

Молвил попутчик из Ордена камуфляжа,
Упирал на мистический смерти признак.
Дребезжал «икарус». Скользила лажа:
В батальоне «Спарта», в бригаде «Призрак» —

Перечислял взахлеб козырные фронты,
Под забором спрятан трофейный «стечкин»,
В доказательство — вот! — расцветные фото —
Он и останки. По-своему человечьи.

Не смолчал сосед на переднем кресле,
С грубым оскалом, в раскраске штатской,
Воевал в разведке… Ответит… Если
Что — в гостинице «Ленинградской»,

В той, что левее торгового центра «Глобус», —
Объяснил на пальцах. Все пальцы в кольцах.
Вдоль границы к столице летел автобус,
Усыпляя бдительность добровольцев.

2

Разрастался в салоне броженья плод.
Мысли, свойственные полукровке,
Разъедали память, взрывались. Вот
Все, что известно ему о вербовке:

С «Баррикадной» станции вор Савелий,
Подливая в пабе тягучий портер,
Говорил о сугубо военной цели —

Предлагал стать агентом с приставкой «контр».

«Революция — вымя для аферистов», —
Продолжал философские грызть пилюли
Тот, что из Ордена. В зоне риска —
Те, что в автобус как в Рай шагнули…

В голове вертелось: «Ну что, вояки,
Разобрали лимонки на сувениры?»
Приближалась столица. Граница яркой
Казалась между войной и миром —

Погранцы поголовно ведут на обыск —
Майору ты кажешься идиотом,
С козырька слепит нездоровый отблеск,
Всему виною светодиоды.

3

На гражданке царствует униженье,
За исключеньем сего аспекта —
Отдаленье прекрасно и приближенье
Одного к другому в ночи проспекта.

Из колонок песня «Порвали парус»,
Наподобие сварочного автогена,
Разрезает трассу. Летит «икарус»
К МКАДу нового Карфагена.

Возвращенье болезненней ритуала —
Окопаться на точках твоей мечты…
Как шутили ребята: «Боец, сначала
Горловку высохшую промочи,

Только не падай лицом в Снежное,
Свыкнись с мыслью Ясиноватой:
Даже если дома обложат «ватой» —
Верь в ненавязчивые паранойи:

Кто захлопнул дверь, кто закрыл засов?
Ведь «язык» доводил, что пути на Киев
Открыты. Где теперь тот «Азов»

И все гады его морские?»

В госпитале

…и даже если учесть все твои несомненные хвори,
полевой командир, с которым нет связи отне —
Ибо не перечесть тобой покоренные хвои,
Хутора и деревни в зеленом огне —

Взгляд сквозь прибор (не подумайте, что тепловизор)
С маркировкой секретной, штрихкодом длиной в три икса…
(Абркадабрщину эту наш взбалмошный писарь
В штабе на кума прилежно переписал.)

Мой командир, в свете последних контузий,
Невозможно слова в приемлемый выстроить ряд.
Это норма в тылу. Нас лишают возможности струсить.
Ты должен быть рад…

Вспоминая прорыв из блокады, сырую базуку,
Как пенял на себя за то, что вступил в ополченье,
Повторял, и сейчас повторю военную эту азбуку:
«Плыви по теченью, боец, плыви по теченью».

Наш синдром разобрали, но не подчинили уму,
Словно те баррикады, где все так упорно случилось.
Возмущается врач. Боже, не дай ополчиться ему,
Как мы ополчились.

В городе

«Клетчатая богема,
В клеточку юморок,
Проще простого схема —
Обморок — не порок».

Пряча копну в толстовке,
Краповый индивид
Пробовал текст листовки
Им предъявить на вид.

Краповый ветеран
Нашей эпохи войн,
Что-то за Тегеран
Им говорил и вонь

Власти, что он не сверг,
Полный Багдад иуд,
Рисовый предрассвет,
Расовый предрассуд.

Все, что он расхристал,
Крепкий собой мужик,
В поле лица-листа
Вписано. В этот МИГ,

Памятник самолетный
Площади городской,
Превозмогая рвотный,
Он залезал с тоской.

Прямо с крыла сумбура
Хаки в нем говорил,
«Дикость и диктатура» —
Лозунг разбередил…

Сплевывала кофейня
Взгляды жующих тел,
Жаждала ночь трофея,
Дембель осоловел.

Мгла. Лицевая схема.
Тридцать ему не дашь.
«Это мой Бог, богема,
Это не мой пейзаж!»

Новый год

Тут и впрямь не понять, кто одержит верх —
Беспорядочный крик, по дворам пальба…
Полуростки! Восторг! Фейерверк, фейерверк!
Полны избы баб…

Я тебя не сберег от своих тревог,
Рассказал, что колючи клочки петард,
Подозрителен спичечный коробок,
Недостаточен ЧОП «Гепард».

Человек с нашивкой — пенсионер
(И такие, конечно, нужны в бою) —
Даже если захочет туда — наверх! —
Не устоит в строю.

Ледяная горка ему — не хухры-мухры,
Ведь несущийся по снегу броневик —
На подножках которого — детворы
Отряды, за ним комбриг —

На модных санях, расписной комбез —
В три минуты возьмут под контроль объект…
И не важно, с охраною или без,
Разнесут его из ракет.

Свой ночной кошмар я пронес как дар —
Удаляется праздничных взрывов стая.
Пусть за ними Аркадий идет Гайдар
И вся гвардия молодая.

Кошмарный парк. Клочок агитлистовки.
Звериной алгебры, скуластых знаков спесь —
И в Третьем Риме, то есть прямо здесь,
Все шло неумолимо к потасовке.

Вчера они спалили спортплощадку,
Сегодня сокрушительный облом —
Я наблюдал, влюбленный в конокрадку, —
Как несравним захватчиков апломб
С ее борьбой. Поверь, цыганской тьмы

Не обуздать уверенность и мнимость.
Как от меня беременной зимы
Непобедимы вид и миловидность.

Пусть шьют досье — отвязно и спеша,
Подкладывая в книжицу побои,
Я расквитаюсь, бытиё, с тобою
Плевком из АКМ, рывком ножа.
Вот вам итог космической уловки.
И если разделить его на внятность,
Есть факт религиозной забастовки
И есть грядущая отеческая радость.
Мы снимем дом вдали от Колизея,
Скрепив обет укусом у крестца.
Она отдаст меня в спасительный бассейн.
Я покорю ее. Рывком пловца.

Приграничье

Окрыленных берез помешательство,
Разоренных болот ЧВК —
Как монгольского ига предательство,
Как татарских наречий река.
Мне услышалось это по рации.
Я не чувствовал, время, тебя —
В философской своей дегустации
Приграничных ручьев бытия.
Фронтовых блиндажей самодурство,
Черноплодки вяжущий вкус.
Утром я заступил на дежурство.
Следующим утром вернусь.
Изучая природу границы,
Расслоения водных пород,
Жду с упрямством ныряющей птицы
Предрассветного кайфа приход.
Сквозь листву вертолетного гула
Я хожу по знакомой тропе.
Завершив ритуал караула,
В гарнизон отвезет БМП.
С боевою раскраской буфетчицей —
Мы здоровью ее не враги —
Захлебнемся во славу отечества
Неразбавленным морем тайги.
Есть эффект лихорадочной мафии —
Свой оттенок и свой потолок.
Точно бабочка на флюорографии,
Реагентный такой мотылек.

Сирийский синдром

«Там тебе не Крестовый поход, не Христовы страсти,
Там иные злости», —
Твердили соседи тебе, мусульманка Ася,
Мусульманин Костя.

Ты, конечно, и сам изучил расписное скотство,
Посмотрел на зверства.
На районе урок валили большого роста.
Антураж из детства.

Диалог у подъезда острей, чем допрос ИГИЛа
И четки четче.
Написать заяву? Как бабка отговорила…
Когда батя-летчик

Пропадал на службе, на территории гарнизона,
Перекусив колючку,
С пацанами глазели — железо неслось синхронно.
Но ты был чутче.

В партизанскую рухлядь, восточный хлам,
Что тащил отец
Из командировок в Ливан, — ты входил как в храм,
Как во дворец.

Ближневосточные войны считал своими
Из советских еще времен —
Отставные попойки, ветеранские байки… Ты был ими
Овеян и покорен.

Потому, конечно, разведка. Кочевряжился военком,
Хапуга и казнокрад.
Упираться не стал, дал ему на прокорм.
Подписал контракт.

Сначала Латакские горы, Пальмира, квартал Алеппо,
Иные веси…
Возвращаешься после раненья, мелькает родное небо,
Сидишь в экспрессе.

Цедишь слова, отвечая рассеянно на вопросы
Базарных цац:
«Да, мы жгли турецкие бензовозы,
Мы жгли спецназ…»

Русский лес

Мы живем, под собою не чуя войны.
Не стесняйся, боец, поправь проводок.
Мы живем, за собою не чуя вины.
Так у вас говорят, мусульманин-браток?
Русский лес — не заслон против зыбких песков
Твоих дум. Этот вывод жесток.
Он прольется неслышно из наших висков.
Так поправь проводок.
Нашу лодку любыми волнами качай —
В ней когда-то качала права татарва.
Русский лес мы — ты прав — за базар отвечай,
Даже если деревья — в дрова.
Управляемый хаос и прочая муть
Нас на понт не возьмут. Нам — была не была —
Завалиться меж грядок и там затянуть:
«Хезболла ты моя, Хезболла!»

Разгром

Надрываются дула. Откуда-то звук оттуда.
Места себе не находит начальник тыла.
Санитарка Дуня: «Меня, — говорит, — продуло,
Я, — говорит, — простыла».

Никому в эту ночь не спится в госпитале полевом,
Кровяные тельца озноблены, целятся по уму,
Никому ничего не снится в ракурсе болевом,
Ничего никому.

Вот, например, Нечаев сменил не один отряд,
Прошел мировую, сызмальства в зоне риска,
Двадцать лет наблюдал революцию октября
В лесополосах — с брянских до уссурийских,

Неоднократно Нечаев сгорал в огне,
По конституции ярко выраженный партизанин,
Но и ему не по сердцу теперь пропадать в тайге —
Горькой думаю занят.

Он зовет Евдокию, просит себя на воздух,
Да куда-нибудь на возвышенность, для обзору,
Перелистывает сраженья в голове как гроссбух,
Присматривается к косогору.

А оттуда навстречу лишь дым столбом.
Отступающих слушает, будто спит.
«Поражение, — рассказывают, — разгром,
Отряд, — говорят, — разбит».

Копирайт

© С. Пегов, 2017
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017
© «Центрполиграф», 2017
© Михаил Соколов / ТАСС

notes

Примечание

1

«На изжоге» означает «на измене», «на страхе».